

Владислав БАХРЕВСКИЙ

г. Москва

Закат

КАРЬЕР НА ОБЛАКЕ*

повесть

Женька прибежал на кордон, а все — за столом. На столе — мёд в сотах, пирог, как Фудзияма. Блюдо с крошечными пирожками. Женька надкусил: в пирожке какая-то капля. Вкус неведомый, но всё нехорошее в Женькиной жизни испарилось.

Заслонясь Ксаверием, искал в лице Тимура Нефёдовича тревогу. А лесник пирожки уминает, и с большим удовольствием. Весёлый человек.

Почаёвничали и все вместе пошли смотреть закат.

Для смотрин у семьи лесника — театр. Заповедный лес на высоком плоскогорье между скалистыми хребтами. Один хребет — у моря, другой — со стороны степи. Степь подступает к заповеднику с запада, и здесь, среди гор, природой созданная каменная чаша. Чаша хранила озеро, но неведомый великан, живший в этих горах, пожелал видеть, как садится солнце. Уж чем он ударил по чаше? Добрая треть отвалилась. То ли древние греки, то ли какие-то амазонки вырубили в чаше несколько ярусов — смотреть драмы и комедии. Скорее всего, это и вправду был древний театр.

Взрослые заняли «царскую ложу» на вершине, Груня с Верочкой устроились «во втором ярусе», под каменным козырьком, таким гладким, будто его гигантские волны изваяли. Ксаверий сел рядом с Груней, но она отгородилась от него Верочкой.

Женька устроился на том же ярусе, но совсем уж далеко, на другом полукружии.

— Ему даже солнце одному подавай!

Ксаверий — язва, но Груня всё-таки защитила Женьку:

— Он хочет узнать что-то особенное.

— Ну, а как же... Необыкновенное двуногое существо!

Верочка засмеялась, а Груня совсем уж разобиделась:

— Мы пришли смотреть на закат. И Женя — молодец, что один смотрит. Это же закат.

* Окончание. Начало в № 5-6, 2025.

А Женьке было уж очень не по себе. День у заходящего солнца нынче небывалый.

Утром показали деревья-лилипуты.

Потом была пещера хирургов доисторических времён: высекали из кремня острые, как скальпели, ножи.

Потом — громада грецкого ореха, сон — с вертолётком, с человеком... со страшным человеком.

Женька, поедая сладкий пирог, знал: он сидит с лесником, которому страшный человек предлагал деньги за пять знаменитых на весь мир деревьев, и за дерево, может быть, самое высокое на земле. За то, чтобы убить чудо.

Лесник был тот же — точь-в-точь как под орехом. Но под орехом он — приснившийся. Ксаверий про вертолёт ничего ведь не сказал: Груня увела и Верочку, и Ксаверия. Да ведь вертолёт ревел, как громы грозы.

Солнце вровень с горами. Женька нашёл глазами лесника и Алёну Васильевну. За руки держатся. Глянул на Добрыню и Веронику. Они оба стояли, заслонясь ладонями от солнца, смотрели на чашу, на горы, на степь.

Отлегло от сердца. Вздохнул. Конечно, о страшном человеке, пусть даже приснившемся, надо рассказать Добрыне. А вот на солнце смотреть, когда в тебе такое, стыдно. Женька прислонился спиной к каменному креслу. Тепло от камня. Надёжно.

«На солнце придумали смотреть! — подумал Женька, глянул на Тимура Нефёдовича, на Алёну Васильевну. — Простые лесники, а ведь умнее не придумаешь: солнцу радоваться».

Открыл глаза. Ничего не понять: где земля, где солнце и где он сам теперь?

Всё — пламень. Солнце огромное. Белое. Женька посмотрел на солнце, будто на Груню. Груня, когда Женька смотрит на неё, краснеет. И солнце тоже вдруг покраснело — «смутилось».

Тут Женька догадался: линия горизонта намного ниже. Солнце погружается не в землю, а... в пространство. Уже трети солнца нет. «Смущаться» перестало. Снова белое. Словно

бы наливается особой белизной из чистого белого золота. Алые полотнища по обеим сторонам от солнца — теперь это видно явственно — крылья. Крылья, как у серафимов на иконах.

Между крыльями огненными — нежная синева. Как глаза младенцев.

А солнце — круглая корочка пирога.

Но это так, фантазия, потому что на небе от солнца — капля.

А теперь пронзительная точка.

И — ничего. Только взмахивающие огненные крылья. Взмахивая, заслоняют горизонт и удерживают минувший день.

— Всё! — это крикнула Верочка.

Никто с места не сошёл. Но зарево — это всего лишь память о солнце.

Житейские дела

Обратную дорогу не торопились. Добрыня в сарае для сена приглядел лёгкие конные сани. Оглобли убрать — за санки сойдут. Если зима уродится со снегом, с Облака катание будет чудесное. По пологой стороне разбег долгий. Пока тебя несёт с горы неведомая сила, мечтается сладко.

Вдоль сарая сушились после пропарки четыре бочки и пяток бочонков. Бочка в хозяйстве пригодится, да и бочонок — для грибов, например. Грибы можно за считанные дни набрать. Тотчас и засолить. На всю зиму хватит.

Сказал про бочку Веронике. Вероника обаяла Алёну Васильевну. Марат Нефёдович бочку продал. Бочонок подарил в придачу к бочке, и не пустой — с грибами. Пусть прошлогодними, да ведь грузди! Белые грибы советовал сушить:

— В солёке белые не очень-то хороши. Окисляются.

— Весь лес не увезёшь, — решил Добрыня.

Но Вероника взяла сторону грибников и лесника:

— Белые грибы сушеные хранятся долго, суп из белых и весной накормит, и летом.

Добрыня согласился задержаться на кордоне.

— Хвоей подышим! — сказала Вероника. — Я спокойно осмотрю всю коллекцию бонсаев, а ребята кизила поедят — здоровья на всю зиму запасут.

Желна

Груня и Верочка уже загрустили, ожидая скорого расставания с мальчиками, а гости остаются.

— Что ещё-то есть у вас показать? — спросил Ксаверий девочек после завтрака.

— Можем показать желну! — сказала Груня.

— Вперёд! — скомандовал Ксаверий, но потом всё-таки спросил. — А кто это?

— Желна и желна, — объяснила ехидине Верочка.

Примолк Ксаверий, неохота выглядеть дураком перед девчонками. Желна? Что это может быть? Растение? Дудочка, кажется, такая. Нет, дудочка — жалейка...

Миновали сумрачную рощу огромных деревьев.

— Граб? — спросил Ксаверий Груню.

— Бук!

— Вот где тайны живут себе поживают! — сказал Женька. — Слово надо знать.

— Они показываются! — возразила Груня.

Ребята промолчали.

Тропа неожиданно взмыла вверх. Поднимаясь, запыхались. Но зато — свет, свет, свет!.. И в этом свете — озеро, как буква «О». За озером — белые, белые берёзы.

— Хорошие у вас тайны! — порадовался Женька.

Девочки замотали головками.

— Это не тайна! — сказала Груня.

— Тайна — за рощей, за оврагом, в можжевельнике, — сообщила Верочка.

— Веди! — скомандовал Ксаверий.

— Мы не к тайне, мы — к желне, — не согласилась Груня.

Изумительно зелёные листья берёзок густо покрывали тонкие ветки. Ветки гнулись к земле.

— Они у нас все плакучие! — сказала Груня о берёзах. — Но очень сильные. Весной два раза

налетал ураган. Сосны ломались, а берёзки играли с ветром! Я это своими глазами видела. Даже мама всех наших берёзок ураганы перетерпела.

— Это, что ли, мама? — Ксаверий положил руку на ствол большого дерева. — Берёза как берёза. Никогда не видел пап и мам даже у дубов.

— А я на такую тайну согласен! — сказал Женька. — Эта берёза — мама всех берёзок?

— Она была здесь одна, — объяснила Груня. — Это наш папа сохранил самосев, и они теперь деревья.

— Смотрите! Смотрите! — Верочка беззвучно хлопала в ладоши. — Видели?

— Не видели, — не понял Ксаверий. — Кого надо видеть?

— Его. Он за нами подглядывает. Груня, объясни.

— Чёрный дятел.

— А где твоя желна?

Из-за ствола берёзы выглянула чёрная, как головешка, птица.

— Эта? — Ксаверий прищурил глаза. Но никого уже не было.

— Подходить надо тихо-тихо! — предупредила ребят Груня. — И на желну не смотрите. Пусть глаза видят, но смотрите как бы мимо.

— Давайте постоим! — сказал Женька.

Угадал. Любопытство побороло страх, и чёрная птица снова смотрела на ребят из-за ствола берёзы.

— У неё голова горит! — ахнул Женька.

— Она же дятел! — Груня плечами пожала. — У всех дятлов чего-нибудь красное. Крылья, хвост, хохол. У желны — голова.

Ксаверий пошёл в обход, но желна тотчас снялась с места и перелетела на совсем молодую берёзку. Как садилась — видели. А где вот она теперь?

— Хорошая тайна. Запомнится, — Женька юркнул под ветку. Затаился. — Вижу! Чёрная, в шапке из огня.

— Если хотите тайну, так идёмте! — рассердилась вдруг Верочка.

Обошли озеро, а стёжка напрямиком на зелё-

ную стену можжевельника. Женька остановился, смотрел издали на рощу желны.

— Какое светлое место! Мы ещё сюда придём.

Стёжка изогнулась и нашла проход в колючем царстве. Всякий куст тянул лапы к пришельцам, на каждой лапе по сто иголок.

И вдруг зелёная стена расступилась.

— Молчок! — страшным голосом прошептала Груня. — Смотрите под ноги, чтоб камешки не шумели.

Они стояли над оврагом. Овраг — травяной, по склонам кусты вишни.

— Ложитесь! — грозно прошептала Груня.

Легли. На другой стороне оврага — куст приметный.

Куда смотреть, кого ждать?

И тут из-под куста выскочила собачка. За собачкой — ещё собачка!.. Ещё, ещё, ещё!..

— Волчата! — догадался Ксаверий.

Девочки радостно кивали головами.

— Ой! — это вырвалось у Груни.

Выше куста на пригорке стояла волчица. Положила какого-то зверя на землю, придавила лапой.

Волчата мчались наперегонки вверх, к матери.

— Уходим! — Груня потянула Женьку за рукав рубашки.

Согнувшись, голова — у колен, кинулась по тропе в колючую страсть.

Женька — следом, во весь рост. Ксаверий тащил за руку не умеющую быть быстрой Верочку.

Добежали до озера, повалились на траву-мураву.

В берёзках бело, в берёзках весело.

— Тайна? — спросила Груня Ксаверия.

Ксаверий согласился.

— С волчицу ростом.

— Она и нас могла кутякам отдать! — сказала Верочка.

— Нет! — возразил Женька. — Волки любят жить в местах, где всё тихо и ладно. Я на вас смотрю: ни ты, махонькая, ни твоя старшая сестра не очень уж испугались.

— Потому что светло, — сказала Верочка.

Домой возвращались дорогой дальней, но сладкой. Девочки привели ребят в заросли «дичков».

Никто сада не сажал, всё само выросло: яблоки, сливы, вишни. Яблоки привитые, яблочки хоть небольшие, но ароматные и не кислятина.

Ксаверий стал задумчивым.

— У нас на Облаке еду приходится добывать, а у них на каждом кусту по ресторану...

Последней вернулась в тот вечер домой Вероника. Усталая, но довольная. Её удивительный лес был здоров. А вот перевозить его надо чрезвычайно бережно.

Сны и явь

Ночью сверкали молнии, дождь шумел, как самовар, когда вода для чая поспела.

— Утром — по грибы! — радовалась перед сном Груня. Она хотела найти белый гриб величиной с куриный!

Женьке в ту ночь снились берёзы — белые-белые и желна — чёрная-чёрная. Он шёл среди берёз, а желна летела за ним. Когда он оборачивался, скрывалась за стволом и, выждав, выдвигала нос и глаз. И вдруг показалась: на голове желны вздымался пожар. Женька проснулся: Добрыня губами чмокает, а вот постель Ксаверия пустовала.

Женька взял футболку, в сенях натянул, на крыльце кеды надел. Светает, но солнца нет. Птиц не слышно. Значит, очень рано. И — звук: чжик-чжик-чжик. Свистящее жужжание.

Женька похолодел: пила! Электропила. Пилят там, где Пядь великанов.

Ужас вдавил в ступеньку. Увидят — убьют!

Перекатился к краю крыльца, под крыльцо. А ведь надо было кинуться домой, поднять Добрыню, Тимура. Но что, если Тимур заодно с теми, у кого пила?

Ползком пробраться вдоль стены, посмотреть, что пилят? Время упустишь. И — чудовищный треск, будто молния шаровая взорвалась. Воздух качнулся, какие-то невероятные крылья распластались... Уда-а-ар!

Глухо, огромно, со звоном. Дерево повалили.

Тотчас бахнуло и — дикий рыкающий вопль зверя! А всё-таки, пожалуй, человека.

Перебивая друг друга, застрочили три автомата.

Женька прижался к земле, но глаза успели углядеть: Пядь великанов, как шербатый рот. Передний зуб выдрали. Сосна-великанша цела, а упавшая тоже как густой лес. Ветки вершины закрыли, отгородили кордон от леса.

Автоматы умолкли, но кто-то орал хрипло, жутко.

— Машину! — и опять же на весь лес, рыча от боли: — Лесника не трогать! У лесника — карабин, а меня — дробью.

Обитатели кордона высыпали на крыльцо. Из леса их видели, загудела машина, охнул раненый, машина уехала.

За машиной двинулся огромный тральщик. Поваленное дерево — ему жить бы ещё тысячу лет, а может, и все три тысячи — лежало на земле как наказание. Вот только кто наказал, за что? Кого? Всех людей, любящих деревья?

Бесстрашный завтрак

Обитатели кордона стояли у крыльца, на крыльце. Дверь дома — единственной крепости для всех, собранных воедино ужасом, — открыта настежь. У лесника карабин. Строчившие по лесу из автоматов убрались. Надолго ли? Могут вернуться за реликтовым деревом. Для чего-то повалили. У них автоматы, гранатомёт. А в лесу ещё затаился стрелявший по порубщикам. И не в воздух. Спас редчайшие на земле деревья. Может, и самих обитателей кордона спас.

Не убит ли, однако, неведомый защитник Пяди великанов шальной очередью?

— Позавтракаем? — Все изумлённо повернулись к Тимуре Нефёдычу. — Заодно подумаем.

— Думать-то надо уж очень быстро! — На лице Вероники дорожки слёз.

— Позавтракаем, — согласился Добрыня. — А где у нас Ксаверий?

Женька с девочками обежали дом по кругу.

— Нигде нет.

— Вот он, ваш Ксаверий, — показала на лужайку хозяйка дома Алёна Васильевна.

Ксаверий был уже близко, будто из-под земли выскочил.

— Я по грибы хотел сбегать! — затрещал Ксаверий уже издали. — А тут — бабах! Тра-та-та!

— Где же твои грибы? — спросила Груня.

— Бросил. Я и корзину бросил.

— Найдём, — сказал лесник.

За столом Ксаверий сел рядом с Женькой.

На завтрак — пшённая каша, распаренная в печи за ночь. Женька налил себе в тарелку молока, Ксаверий подвинул ему свою. Женька потянул воздух ноздрями, наклонился к чашке Ксаверия.

— Пахнет чем-то!

Ксаверий под столом ткнул ногой в Женькину ногу. Глаза сделал страшные. Тут Женька вспомнил этот запах: порох! Руки Ксаверия пахнут порохом. Значит, рот — на замок, сердце и мозги — тоже.

Тёплая, с домашним маслом пшённая золотая, самая радостная для русского человека каша! Да из русской печи! Да вприхлёбку с молоком — сливок в кринке на четыре пальца! Еда незабвенная!

Вот только ели, как роботы.

— В заповедник я сообщил, — говорил Тимур Нефёдыч. — Полицию они сами вызвали. Уезжать, ребята, вам пока нельзя. Мы хоть ничего не видели, но все свидетели.

— Не видели, но слышали, — покачала головой Вероника. — Жили как очень счастливые люди. И вот он во всей красе — двадцать первый век.

Добрыня вдруг сказал:

— Мне, может, и показалось, но по дому они стреляли.

— Зачем? — не согласился лесник. — Мой карабин молчал. Мы спали.

— В заповеднике, кроме нас, других людей вроде не было? — сказала Алёна Васильевна.

— Кто-то был с ружьём, с обрезом? Но ведь лето. Какая теперь охота? Лебеди от нас далеко. Волчицу из дробовика не убьёшь.

— Желну убьёшь, — сказал Женька.
 — Желна — дятел. Ни пера, ни мяса.
 — А ведь этот кто-то спас славу заповедника,
 — сказала Вероника.
 — Когда милицию ждать? — спросил Добрыня.
 — Скоро будут. Полиция. Они не любят,
 когда их по-старому называют.
 Вероника к каше не притронулась.
 — Что мы им скажем полезного? Поглядят
 отпечатки колёс. Гильзы подберут...
 — От дома не уходить! — распорядился лес-
 ник.
 Вышли на крыльцо, Женька шепнул Ксаве-
 рию:
 — Листьями бузины руки натри. И вообще,
 умойся. Рубашку другую надень.
 Ксаверий не возражал. Руки намыливал ку-
 ском хозяйственного вонючего мыла.

Заросшая обсерватория

Одно погубленное дерево, но вся земля те-
 перь угрюмая.
 Увозили Груню и Веру. Груня боялась за
 папу, за маму и плакала.
 — Так не годится, — сказала Вероника и по-
 стучала по кабине.
 Добрыня миновал ущелье и остановил ма-
 шину на развилке дорог:
 — Какое-то предложение?
 — Предложение, — согласилась Вероника.
 — Пока в странном этом деле одни вопросы,
 есть смысл повременить с возвращением.
 — И куда нам теперь? — Добрыня не удивил-
 ся, но куда податься, не знал.
 — Заросшая дорога ведёт к обсерватории.
 Тут километров пятнадцать.
 — Кто нас там ждёт? Это же полувоенное
 учреждение.
 — Было, да сплыло, — усмехнулась Верони-
 ка. — Вся их надежда выжить — туристы.
 — А в телескоп дадут посмотреть? — спросил
 Ксаверий.
 — Телескопы — на выбор. Хочешь — на луну
 любуйся, хочешь — изучай солнце. Можно пла-
 нету поискать — астероидик — кому-нибудь
 подарить.

— Кому нужны бродячие камни! — усмех-
 нулся Женька. — Все галактики безымян-
 ные!

— Это по-нашему! — засмеялся Добрыня, а
 Веронике сказал серьёзно: — Дня три-четыре
 нам действительно надо побыть подальше от
 дома. Ты в этом краю своя. Командуй.

— Командую: по машинам! Проторим заново
 «дорогу на небеса».

Асфальт старой дороги и впрямь зарос тра-
 вой. Но уже через двадцать минут их радостно
 встретили престарелые обитатели обсервато-
 рии.

Разместили в одряхлевшей, но величавой го-
 стинице. Дали четыре комнаты, запросив очень
 скромную цену. Груня поселилась с Верочкой,
 Ксаверий — с Женькой, комнату — Веронике,
 комнату — Добрыне.

И тут Женька изумился:

— А ведь всё ещё утро!

Ксаверий был при часах:

— Девять сорок пять.

— Без пятнадцати десять. Пусть нам покажут
 солнце! — решила Вероника.

«Как будто не было очень раннего утра»,
 — подумал Женька, но по сторонам поглядыва-
 вал.

Пошли к астрономам. Бывший начальник
 всего секретного в обсерватории — фамилия у
 него была какая-то загадочная Брунс — удивил
 гостей на свой лад. Достал из сейфа нож кос-
 монавтов, взял лист бумаги и опустил на лез-
 вие. Лист распался на половины.

— Зачем космонавтам такие ножи? — спро-
 сил Ксаверий. — С пришельцами драться?

Бывший хранитель космических секретов
 улыбнулся грустно.

— Те, кто снаряжал космонавтов в полёт,
 поставляли всё лучшее, что было достигнуто
 нами в производстве. Полёт космонавта шёл
 выверенно до тысячных долей секунды, но
 ведь есть ещё непредвиденное.

— А непредвиденное — есть?! — спросил
 Ксаверий.

— Есть, — серьёзно сказал Брунс.

— На солнце мы сегодня будем смотреть? —
 брякнул Женька.

Брунс показал на затянутое облаками небо.

— Выходит, и луны нам не видать?

— Научный — самое солнечное место в нашей стране, — сказала Вероника. — Распогодится.

— Не будем терять времени, познакомимся с большим рефлектором! — предложил Брунс.

Прошли по территории научного городка. К телескопам ведут аллеи могучих деревьев. Женька отставал от всех, прячась за деревьями, высматривал. Никого.

Брунс показал два первых телескопа — послевоенных. Всё довоенное в обсерватории немцы взорвали. Два лучших в то время телескопа привезли из Германии. Один телескоп — из Потсдама, другой — подарок Гитлера главному фашисту Италии Бенито Муссолини.

Брунс пояснил:

— На этом телескопе наши астрономы ведут поиск малых планет, изучают скопления астероидов. Подарили планету Гагарину, хирургу Бакерии. Есть планеты писателей Николая Бирюкова и Альберта Лиханова. Лиханов много доброго сделал для детей СССР и России. А мой товарищ подарил планету своей жене на день рождения.

— Значит, будет планета дома на Облаке! — объявил Ксаверий.

— С какой это стати? — удивился Добрыня.

— Мы вырастем нужными людьми.

— Все люди — нужные! — сказала Груня.

— Мы будем нужными людьми для всей России! — твёрдо сказал Ксаверий. — Этому — быть!

— Чему быть — один Бог знает, — Женька вроде бы не спорил.

Подошли к огромному зданию с огромным куполом.

— Когда стемнеет, мы поглядим в этот телескоп? — спросила Груня.

— В наши дни, — стал объяснять Брунс, — в телескопы за редким исключением не смотрят. Телескоп направляют на определенный участок Вселенной и фотографируют.

Показал снимки. Вместо звёзд светлые чёрточки. Одна из чёрточек обведена кружочком.

— Это — открытие. Обнаружена сверхновая звезда. Только что вспыхнувшая.

— Звезда-ребёнок! — порадовался Женька.

— Рождение звезды произошло многие тысячи лет тому назад, — улыбнулся Брунс. — А вот свет до земли дошёл именно в ту ночь, когда астроном навёл наш телескоп на данный уголок Вселенной.

И тут Ксаверий сказал:

— Я хотел быть астрономом, а теперь точно знаю: не буду.

— Не торопись отрешиваться от нашей профессии! — засмеялся Брунс. — Ты ещё на солнце не смотрел. Кстати, рефлектор нашего телескопа в своё время был самый большой в Европе — диаметр зеркала 2,6 метра. Открытий на этом телескопе сделано множество.

У астрономов в их посёлке были и другие чудеса, кроме телескопов, — вкусные. По склонам гор росли яблони и фруктовые деревья.

Набрали яблочко, тёрну, кизилу. Устали. Небо ясное. И все залегли спать. Ночью их ждали в гости планеты, звёзды, туманности.

Ксаверий и Женька оба знали: им есть что сказать друг другу, но уснули сразу.

Женьке приснилась спираль в небе. Не мог понять, из чего она. Вроде бы с искорками, звёздная. Рискнул на себя закрутить. Отыскал конец, прижал к груди, стал кружиться, заворачиваться. Спираль, к удивлению, была удивительно нежная.

Женьку осенило:

— Это же счастье! Это моё собственное счастье. Неведомое.

Но почему объявилось теперь, после страшного рассвета, там, где Великая пядь? Вернее, Пядь щербатая...

Проснулся Женька; Ксаверий, как богатырь, руки-ноги разметал, спит беспробудно. А руки и теперь, наверное, порохом пахнут. Удивительный парень! Ведь это он спас великие деревья заповедника. В человека выстрелил. В бандита, конечно.

Ничего себе тайна!

Женька, затаившись возле окна, слушал ночь. Ни единого шороха. Небо в звёздах. Ни

единой тучи. И луна — пожалуйста. Серп тонкий. Лодочкой. Стало быть, молодой.

И тут Женька вспомнил сон. Поискал спираль: в небо дорога. И всего одна: Млечный путь. Домой захотелось. На Облако.

Но отчего такой сладкий воздух? Господи! Лох зацвёл!

Золотые яблоки

На солнце смотрели по очереди: Вера, Груня, Женька, Ксаверий... Старшие — на потом. Но Вероника сказала Добрыне:

— Мне это не впервой. Твоя очередь.

Верочка, прильнув к окуляру телескопа, замахала над головой обеими руками.

— Золотые! Золотые! — старшую сестру за руку и — к телескопу. — Ты только посмотри!

— Золотые, — согласилась Груня и смотрела, смотрела, будто одна на белом свете.

Наконец отпала от телескопа, схватила Женьку за плечи, его — к окуляру, а сама тоже не отходит.

— Ух ты, какой урожай! Земле такого даже не приснится.

— А я? А мне! — закричала обиженная Верочка.

Женька место уступил, но к окуляру прильнула снова Груня:

— Ребята! Это — рай!

Верочка стукнула старшую сестру по спине и расплакалась. Груня младшенькую обняла.

— Верочка! Верочка! Ты самая маленькая. Ты Бога увидишь!

Но Верочка залила слезами окуляр и совсем ничего не видела.

Женщина-астроном, хозяйка телескопа, окуляр вытерла. Усадила Верочку в кресло для наблюдения, кресло подняла.

— Ах! — сказала Верочка. — Ах!

— Что «ах»? — спросила астроном. — Бога видишь?

— Белочку.

Астроном сама глянула в окуляр.

— Где твоя белочка?

— На дереве. Она с дерева на дерево прыгнула.

Телескоп предоставили Ксаверию. Тот сначала глянул на Женьку.

— Ты почти не смотрел.

— С меня хватит. Я своё увидел.

Ксаверий, прильнув к окуляру, окаменел.

— Время! — сказала Вероника.

— Одну секунду! — но отпал от телескопа минуты через три.

— Нашёл? — спросил Женька.

— Нашёл.

— Ты вправду что-то углядел? — спросил Добрыня. — Белку?

— Не белку. Корни.

— Корни?! — удивилась астроном.

— Всю поверхность оплетают, но, как у сосны, неглубоко.

— Выдумщики! — радостно засмеялась астроном. — Рай нашли, яблони с яблоками, да ещё с корнями.

— Белку! — подсказала Верочка.

— Яблоки золотые, райские, — твёрдо сказал Ксаверий. — Захотелось на наши горы посмотреть.

— Такой наблюдатель и на наших горах что-нибудь усмотрит, — улыбнулась астроном.

Но Женька сказал серьёзно:

— Он усмотрит.

Хозяйке телескопа позвонили.

— Приглашают на обед.

Но тут и Веронике позвонили.

— Требуют в город. У меня здесь машина, приятного всем аппетита. — Ушла очень быстро.

Стихи о змеях

— Почему мама ни разу нам не позволила? — спросила Груня Добрыню.

— Такой у нас уговор. Пусть никто не знает, где мы.

— Потому что свидетели преступления? — спросил Ксаверий.

— Мы — жители Облака! — сердито сказал Добрыня. — Вероника вечером сообщит, что и как.

На обед пришли сотрудники обсерватории. И бабушки, и дедушки.

— Наконец-то мы среди детей! — порадовался начальник большого телескопа.

Хозяйка солнечного телескопа поставила на ладонь фарфоровую чашечку и постучала по краю карандашом. Чашечка зазвенела тонко, загадочно.

— Капусту в борщ положили; котел с огня сняли. Через три минуты можно подавать. Но у нас традиция: три минуты на стихи.

Посмотрела на девочек, на мальчиков, на Добрыню.

— Кто?

— Он! — показал Ксаверий на Женьку.

Женька хмыкнул и прочитал:

*— Лес качается прохладен,
Тут же разные цветы,
И тела блестящих гадин
Меж камнями завиты.
Солнце жаркое, простое
Льёт на них своё тепло,
Меж камней тела устроая,
Змеи гладки, как стекло.*

— Чего-то там ещё было... А дальше так:

*— И загадочны, и бледны,
Спят они, открывши рот.
А сверху едва заметно
Время в воздухе плывёт.*

Снова пояснил:

— Я читал с пропусками, страниц не было, но что прочитал — запомнил.

*— Для чего они? Откуда?
Оправдать ли их умом,
Но прекрасных тварей гряда
Спят, разбросана кругом.
И уйдёт мудрец, задумчив,
И живёт, как нелюдим,
И природа, вмиг наскучив,
Как тюрьма стоит над ним.*

Астрономы смотрели на Женьку, будто только что увидели.

Последняя строчка была прочитана, но все молчали. Женька стал оправдываться.

— Страницы были россыпью. Взял чистые. Что прочитал, то и запомнил. Потом сам про змею строчки стал складывать. Получилась загадка.

— Вот и загадай нам свою загадку! — попросила хозяйка солнечного телескопа.

— Да это так! — Женька махнул рукой.

— О змее моя загадка.

Гладко, страшно, странно сладка

Бересклет. Среди куста

Вроде хвост, но без хвоста.

Был бы очень даже прост

Мой вопрос, а где же хвост?

И опять — молчок. Но тут дверь на кухню распахнулась. Вышла повариха с поварятами-дочками. Девочки поставили перед Женькой пирог. Повариха отрезала большой кус с тремя алыми клубниками. Одна девочка водрузила этот кус на Женькину тарелку, другая поставила высокий бокал с соком чёрной смородины.

— За стихи! — объявила девочка.

А другая добавила:

— А также за стихи собственного сочинения.

Все встали, захлопали в ладоши. Подходили к Женьке, обнимали, пожимали руку.

Поварята принесли фарфоровую супницу и разливали фарфоровым половником яркого цвета борщ. Все взялись за ложки.

Бывший начальник обсерватории, седовласый, как все здешние астрономы, зато стриженный под молодого, с обритыми висками, всё-таки спросил:

— А чьи стихи вы нам прочитали, молодой человек?

Женьку вопрос удивил.

— Я листки в мусорке нашёл. Без обложки. Разок прочитал — запомнилось.

— Разок ты прочитал поэта Заболоцкого, — сказал бывший начальник обсерватории. — Но твоя загадка прямо-таки мастерская. У тебя много стихов?

— Не знаю. Никогда не записывал. А загадку я не сочинял, я подстроился под стихи.

Астрономы засмеялись.

— Выходит, мы, живущие на горе, подстраиваемся под Создателя Вселенной. Разве не так? Нам ведь нужна его тайна. Тайна, откуда оно взялось, всё сущее и сам белый свет?

Это сказала хозяйка солнечного телескопа.

— Вам надо найти рай! — брякнул Женька. — Бог в раю. Он, конечно, невидимый, и рай, наверное, невидимый...

— Устами отрока глаголет истина! — весело засмеялся великий учёный, он по туманностям был великий.

— Вы Женьку не слушайте! — Ксаверий даже ложкой по столу хлопнул. — Он у нас учится по лунным дорожкам ходить. Через море.

Никто не засмеялся. Подали плов с изюмом, с кизилом. Астрономы ели плов, а глазами — на Женьку. Будто поверили: этот мальчик по лунным дорожкам ходить научится. Через море.

За компотом разговоры пошли серьёзные. Надежд на пополнение обсерватории молодыми учёными не предвидится. А жители Облака — вот они. Было решено поставить на Облаке телескоп для изучения звёздного неба — малый, разумеется; и построить настоящую башню для наблюдения за солнцем.

— Задача перед вами, товарищи юниоры, очень и очень!.. — сказал директор всех телескопов. — Надо Облако населить народом, жаждущим знаний и великих открытий.

— Так уж сразу и великих! — всплеснула руками повариха. — Кто-то должен виноград растить, хлеб, с коровами управляться, с овцами. Много ли радости — каждый день на звёзды пялиться!

Учёный, изучавший туманности, — а ему уже девяносто лет — опять развеселился:

— Александра Семёновна! После вашего обеда я выхожу из-за стола, помолодев ровно на один день. Про великих не знаю, но сам я гляжу в телескоп вот уже восемьдесят годков, и с каждой ночью смотреть мне интереснее.

— Иероним Искандерович! — воскликнула повариха. — Ваше дело особое! Попробуй сосчитай росинки на лугу, а у вас — галак-

тики да туманности. У вас всякая капелька, всякая росинка на учёте. Ваша Божия роса — звёзды.

— Если каждому человеку, живущему на земле, дать по галактике, увидим Бога! — громко сказал Ксаверий.

Астрономы на этот раз не засмеялись, смотрели на гостей с удовольствием.

После вкусного обеда ребята пошли полежать полчаса. Разбудила их сама Александра Семёновна:

— Ужин простынет.

Приваженная луна

К чаю подали торт, а к торту поспела Вероника.

Новости привезла утешительные. В городе случилась стрельба. Одна банда проредила другую. Раненный в спину олигарх местного значения улетел в Германию. Лечиться.

Позвонила неожиданно мама Груни и Верочки. Разрешила пожить на Облаке.

— Дорога домой для нас открыта, — сказала Вероника. — А у хозяев горы для гостей луна приготовлена.

Женька смотрел на луну первым. Белая, как свет, но не как снег. Вся в свету, да не светится!

Кратеры, неровности... Чего-то всё-таки не достаёт.

Космонавты видят Землю из космоса. Земля для них голубая. Луна на снимках американских астронавтов серая. Теперь говорят: снимки фальшивые.

Американцы скрывают свои открытия, а луна, скорее всего, обитаема. Луна, может быть, не зелёная, как Земля, но где свет, там и цвет. Женька посмотрел на луну сквозь ресницы. Не тот фильм.

И тут Женьку тронули за плечо: Груня. Шепнула:

— Давай посмотрим вместе.

— В один окуляр?

— Ты чуть подвинешься. Я краешком глаза гляну.

— Смотри! — Женька уступил место, но Груня сжала рукою его плечо.

— Не-ет! Вместе! Что увидишь ты — увижу я.

— Ничего мы не увидим. Смотри. Я потом ещё разок попрошусь.

Груня вздохнула. Прильнула глазом к стеклу, и вот она — луна величиной с купол телескопа.

— Жень! Женечка!

— Ты чего?

— Лунный свет! Его потрогать можно.

— Потрогай.

— Но как?!

Женька отстранил Груню, глянул в окуляр. Груня — молодец. Вот что ему не хватало на луне. Свет, лунный, загадочный, — вот он, а потрогать невозможно. Смотреть смотри, но ни единой капли не унесёшь с собой. И никак ведь не залучишь²...

И ахнул про себя: прикоснуться глазами — ненадежно. А губами? Поцелуем?

Прижался к окуляру щекой, лбом, губами.

— Совесть надо иметь! — шипел Ксаверий.

Женька тотчас отпрянул от телескопа. Вышел к небу, к горам. Небо звёздное. Лебедь над головой с Денебом³.

Над горами тончайшая полоска света. Это свет вчерашнего дня. Здесь нынешняя ночь, а на горах всё ещё вчерашний день. Разве не чудо?

Об этом надо подумать, и что-то обязательно откроется.

— Жень!..

Женька губу прикусил от неожиданности.

Груня подошла так тихо, так сокровенно. И голос у неё — сокровенный:

— Жень!

— Ты про что?

— Про луну. Мы с тобой на луну смотрели, будто свои ладони разглядывали.

Женька молчал, небесный Лебедь крыльями не взмахивал, а горы всё ещё держали вчерашний день.

— Женечка, я такая счастливая. У луны такой свет — всё будет хорошо. У папы, у мамы, у Добрыни, у Вероники и у нас с тобой.

— Ладно тебе! — сказал Женька. — Но я согласен. Ты смотрела на луну как на ладонь, а я

— как из окна на улицу. Я тоже знаю: всё теперь будет по-другому, — и стал шептать очень быстро: — Ты хорошая. Но ты ничего обо мне не знаешь... Выкинь, пожалуйста, из головы этого Женечку. Я — Женька. Одной тебе это говорю: я — Женька, но до поры. Мне никуда от этой поры не деться.

— Я полюблю твоё Облако. Как тебя!

Груня придвинула своё личико к личику Женьки. И на лице её была луна. Точь-в-точь как в телескопе: белая-белая.

Женька собирался крикнуть спасительное слово: «Дура!» Но нельзя быть грубым, когда тебя любят по самой сокровенной правде.

— Ты лучше всех на белом свете! — сказал Груне Женька и коснулся пальцами луны на её лице.

Из дома с телескопом вышел, как лунатик, Ксаверий.

— У них тут луна! Приваженная.

— Приваженная! — согласился Добрыня.

И все они смотрели на купол телескопа и на луну.

Патриции

Женька лежал ни жив ни мёртв, но счастливый по уши. Их номер в гостинице на вершине горы затопило! По потолку струятся розовые волны, а дышать — удивительно. Утро — вот что их затопило.

— Не спишь? — спросил Женьку Ксаверий.

— Может, и сплю. Сон уж очень сладкий.

— А мне знаешь что приснилось? В себя не могу прийти... — Ксаверий громко выдохнул, но Женька не торопил: — Янтарь. Это ведь окаменелая смола. В янтариках, внутри, сидят иногда мошки. Доисторические. С крылышками, с ножками, с усиками... А я, значит, будто в Калининграде, у отца... Отец повёл меня на базар, где янтарём торгуют, и купил маме в подарок золотое кольцо с капелькой воздуха. Ну, того древнего. А мне купил янтарёк с инклюзом — комариком с поднятыми крыльями, а на крыльях вроде бы даже перламутр. В общем-то, крылья прозрачные, но с отсветами. Мой камешек уж

очень понравился маме. Я ей отдал моего комарика.

— А колечко с воздухом себе взял?

— Откуда знаешь? — Ксаверий выскочил из постели, сел на Женькину, посидел, помолчал. — Пошли в горы. Хочу поглядеть, откуда падает вода... — и к Женьке придвинулся глаза в глаза. — Когда я уходил из дома, колечко маме оставил. У неё дорогие вещи долго не держатся. Но колечко, может, и теперь хранит. Она очень плакала и над колечком, и над инклюзом.

— А ты под столом сидел?

Ксаверий прикусил язык. Уже в горах сказал:

— Ты, конечно, не волшебник. Ты — догадливый. Но я сидел под столом. Я в ту ночь с нашим Яриком в будке спал: не хотелось от мамы уходить. Мне маму всегда побережечь хочется, — показал на каменное ложе водопада: — Будто ванна. Или бассейн. Вода через край переливается, и все в восторге: ах, водопад!

Женька напомнил:

— А что тебе приснилось? Ты сказал, что обалдел.

— Такого слова я не говорил, а вот ёжиться — ёжился. Мне приснилось: в янтаре не комарик...

— ...А человек! — подсказал Женька. — И ты себя узнал.

Ксаверий с испугом смотрел на Женьку.

— Не я, а Вероника. Чего-то говорит, глаза раскрывает широко, а я не знаю, что делать. Расколешь янтарь, а он ведь на ладони умещается. Вероника в янтаре — крошечная.

— Да-а-а! — Женька тоже удивился: угадал сон Ксаверия. — Тебе не позавидуешь.

Ксаверий поднялся на плоский камень.

— В горах дальние дали уж так близко, рукой можно дотянуться.

Женька отступил от провала.

Обсерватория на другой стороне ущелья — шагнуть хочется.

Но Ксаверий стоял у самого края на виду всего белого света и писал в пропасть.

— Пристраивайся! Будем водопадом.

Женька потрогал босой ногой воду.

— Тёплая.

— Ночью воздух под тридцать. Камни остыть не успевают, — и удивился: — Ты в трусах, что ли, будешь купаться?

— В трусах. Прохлада сохранится.

— Это верно! — Ксаверий полез в воду в трусах.

Сидеть в каменной ванне тепло, уютно. Вода невидимо, но движется, поглаживает кожу, мышцы. Пузырьки всплывают цепочками.

— Мы как патриции, — сказал Женька.

— А я в первый день на Облаке испугался, — ни с того ни с сего признался Ксаверий.

— Кого?

— Не кого, а чего? Жизнь на Облаке — сказка. Но у каждой сказки, если даже она длинная, как про Василису Прекрасную, есть конец.

— А ты страхи свои заспи. Мы на Облаке живём, и ты живи.

— Я живу! — и снова, как утром, придвинулся к Женьке. — С оглядкой живу. Наследил я многовато, — усмехнулся. — Понимаешь, не стерпел на кордоне. Я деревья больше людей люблю. А заступиться за них было некому.

— Мурада бы разбудил.

— Мурад — лесник, а приехали воры. У них же автоматы. Всех положили бы.

— Выходит, ты спас деревья и всех нас! — Женька вдруг умылся. — Не смотри. Я плачу. Ты был руками Бога.

— Орёл! — показал Ксаверий в небо. — Смотри! Ни единым пёрышком не пошевелит, но крылья-то несут.

— Над ущельем — небесная река. Течение — как в горном ручье, — экспресс.

— Эх, Женька! Ты пацан правильный.

— Давай водопад из рук пускать! — Женька подплыл к краю бассейна и подставил ладони под струю.

Ксаверий рядом пристроился.

— Этой вот минуты никогда ни в какие времена не было и не будет. Эта минута — наша. Вчера нам показали райский сад на солнце. Потом — луну. Я её всё-таки потрогал, — тут Ксаверий ахнул и воскликнул: — Орёл-то ведь над тобой завис!

— Не выдумывай. Над нами. Завтракать пора, — сказал Женька.

Оба захохотали, нырнули, забулькали.

Женьке вода по грудь. Ксаверию — до пупка. Спыхватился.

— Забыл спросить. Ты в звездочёты пойдёшь?

— Пойду. Плохо, что ли, когда тебя учат?

— Это — конечно. Эх, Женька! Я хочу объехать всю Землю... все материки, все моря! Побывать на всех хребтах, которые достигают трёх тысяч метров над уровнем моря!

— В моряки пойдёшь?

— В капитаны.

— А моё дело — чудеса.

— Это уж точно! — Ксаверий даже не улыбнулся. — Кем нам быть — дело будущего. Но и ты, и я — мы! — будем нормальные ребята.

— Будем! — согласился Женька.

— Мы будем людьми нужными!

— А чудо — существо очень ведь нужное!

— Существо? — удивился Ксаверий. — А что, если и впрямь существо?..

Прибавление в семье

Они уехали вдруг, за час до обеда. Груня с Верой принесли два пакета щавеля, Добрыня купил у астронома пенсионерки сотню яиц. Домашних! Значит, вкусных.

Женька ликовал.

— Сварим супчик из щавеля.

Суп из щавеля — это весна. Не получилось пообедать с астрономами. Позвонил Захар Захарович. Срочно позвал на Облако.

Сели в машину, машина сама завелась, сама поехала! Так всем показалось — даже Добрыне, хотя руль его рукам был послушен!

Две гряды гор, брошенные сад, виноградники.

И вот она — то ли Подкова счастья, то ли Облако над бездной карьера. По нижнему краю Облака — нарост жизни: длинный каменный дом, увенчанный неведомо откуда взявшейся башней.

Дом золотистый, вокруг клубами — заросли лоха. Женька брякнул:

— Как мираж. Не растает ли всё это?

Тормознули. А на высоком крыльце из белого мрамора — народ. Захватчики чужой собственности? Строители башни? Только какие же это строители.

У мужчины на руках — мальчик и девочка. Совсем малышня.

— Близнецы! — решил Ксаверий.

— А эти-то! — Женька показывал на женщину. К ней жались два хлопца лет десяти-одиннадцати.

У крыльца ещё один пришелец.

— Старшекласник, — определил Женька. — Он ихний. Семейка!

И тут из дома вышел Захар Захарович.

В руках у него был прямо-таки богатырский лук. Наложил на тетиву стрелу, пустил в небо, в сторону карьера. Стрела расправила крылья, распустила гребень над наконечником и уже не пронзала выси, а плыла в потоках воздуха к облакам.

— И чего? — удивился Ксаверий.

А Женька громко-громко спросил Захара Захарыча, тыча рукой в башню.

— Это у нас теперь дворец?

— Графство! — сказал Ксаверий.

— Не пойдёт! — возразил Добрыня. — Графья — головорезы. Грабили соседей, грабили дальние страны. Наш дом — для тех, кто строил опустошённую людьми землю, брошенную, ненужную.

Женьке сказанное Добрыней понравилось.

— В точку! Мы — не цари, не графы, мы — сказка. А сказочник — Захар Захарыч.

Захар Захарович успел отложить лук и держал в руках высокий сосуд из красной глины.

— Это, виноградари мои, зачаток нового урожая. Зачаток лучшего на нашей земле виноградника и лучшей земли на белом свете, оставленной в суе людями.

— Мы — виноградари! — обрадовался Женька.

— Виноградари, — сурово сказал Захар Захарович.

Он водрузил на широкие каменные перила свою драгоценность, а женщина, оставив детей, принесла поднос с высокими бокалами.

— Вы — виноградари! — повторил сказочник. — Где виноград — там жизнь. Ваш виноградник — это ваша жизнь. Василиса! Наполни хрусталь. Это сок. Очень молодой. Ему всего день, но на дне бочонка хранилась сама вечность наших виноградников. Кристаллы вина времён царей Митридата и Евпатора, аромат земли древних греков, скифов, амазонок.

Вкус сока, побывавшего в сказочном сосуде, удивил каждого по-своему, а Женька так сказал:

— Сок есть, а на самом деле он — небывалый! — и тут его осенило: — А жизнь-то на Облаке!.. Она — есть, но тоже небывалая.

Знакомились с новыми жителями Облака.

Самыми смелыми были близнецы-трёхлеточки Таня с Ваней. Сошли с рук отца Романа Тимофеевича и забрались на руки Груни и Женьки. Таня — и Женька, Ваня — и Груня.

Близнецы постарше прилепились к Добрыне. Они оба Валерики. Один — Валерий, другой — Валериан.

Старшим в семье был Савва.

— Ты в каком классе? — спросил Савву Ксаверий.

— Буду в девятом. А ты?

Ксаверий засмеялся:

— В шестой я начинал ходить. Теперь тоже, наверное, пошёл бы в девятый.

Ответ Савву озадачил. И Ксаверий его утешил:

— Поживём — разберёмся. Мы тут со всего белого света.

В первый раз за жизнь на Облаке обедали в доме — в столовой комнате. На первое — борщ, сваренный Василисой Петровной. На второе — плов, настоящий, мужской: готовили Роман Тимофеевич и Савва.

— ...А я чеснок закладывал! — похвалил себя один из Валерики.

— ...А я закладывал яблоки! — не забыл о себе другой Валерик.

За обедом узнали: новых жителей пригласил на Облако Захар Захарович. Роман Тимофеевич был командиром миноносца, а ещё — из-

вестный виноградарь и винодел, а Василиса Петровна — дважды доктор наук: химик и биолог.

— ...Я — Малга! — сказала о себе Василиса Петровна. — И я люблю выращивать новые розы. Небывалые, как сказал Женя. Но и Малга здесь небывалая. Это клубника. Новый сорт. Новейший.

Для семьи Василисы Петровны и Романа Тимофеевича Захар Захарович поставил дом среди старых деревьев миндаля.

— Был у нас замок, а теперь мы — город с посадами! — объявил Женька.

Захар Захарович удивился:

— Посад пока что единственный, но откуда ты такие слова знаешь?

— Я жил у одной японки и прочитал пять учебников по истории. Три учебника были изданы при царе, я их по три раза читал. Ещё один — при товарище Сталине. По этому учебнику я запоминал даты. А в учебнике нынешнего времени я картинки смотрел.

— Вот и скажи нам, каков учебник нашего времени по сравнению со старыми? — спросила Василиса Петровна.

— В общем-то, хреновый! — сказал правду Женька. — Столько умных слов в том учебнике, а в голове от них пусто. Надо бы заставить этого историка читать свой учебник своим детям каждый день. Через неделю они вобьют в стул отца сто гвоздей остриями вверх!

— Женька! — изумился Добрыня. — Не знал, что ты у нас такой злодей.

— А я думаю, предположение весьма ценное! — согласилась с Женькой Василиса Петровна.

Закончили обед молодым виноградным соком, и тут Захар Захарыч водрузил на стол странный футляр. Видимо, для трубы. И труба, скорее всего, гудела басом. Однако вместо мунштука, в который трубачи дуют, к трубе пристроена коробочка в виде уха.

— Изобретение моего старого друга, — объявил Захар Захарович. — Через шесть минут над Облаком встанет вечерний свет. Мы послушаем, что нам скажет угасающий день.

Все замерли от таких слов, и пять минут тишины воцарились в доме на Облаке.

— Пошли! — Захар Захарович взял трубу и вывел всех на крышу.

Белый мраморный столбик, оказывается, был поставлен для загадочной трубы.

Захар Захарович водрузил трубу на её законное место. Покрутил, настраивая, два небольших рычажка, и поднял руки, призывая замереть.

Замерли. Мгновение. И труба издала изумительного тембра звук. Совсем домашний, для тех, кто рядом. И тотчас прокатился другой звук. Это был почти вздох, но долгий и словно бы зовущий.

Зов трубы покатился к горизонту и пошёл по кругу, замирая, а всё-таки неумолчный.

И ещё был один вздох. Опять-таки домашний, для своих и всё! Обитатели Облака ждали ещё какого-то чуда. Но труба молчала.

— Что это было? — спросила Захара Захаровича мама Василиса.

Захар Захарович улыбался и пожимал плечами.

— Голос вечернего света... Голос гаснущего дня... Мне не смогли объяснить.

Опять все молчали, не двигаясь. И Женька сказал.

— Трубу сделал сказочник. Взаправдашний!

— Где сказочник живёт? — спросил Ксаверий у Захара Захарыча.

— На горе телескопов.

И тут труба снова подала голос. Что-то было влекущее в звуках, такое близкое и уж совсем таинственное...

Дома

Женька вошёл в свою комнату. Стоял у двери. Кровать — в нише. Деревянная, уютная. Покрывало шерстяное, с кистями. Если будет холодно, такое покрывало — благодать.

Окно широкое, подоконник широкий. Да здравствует свет!

Ключ у Женьки в руках, вставил в замок, повернул.

Он — у себя.

У двери табуретка. Из дерева. Настоящая.

Сел. Снял ботинки — и только теперь сообразил: пол — белый. Потому и света много.

Почувствовал на плечах тяжесть. Откуда взялась и что это такое?

А глаза глядели. С двух сторон от ниши, где кровать, — стеллаж с книгами, это к стене, а в сторону окна — шкаф, тоже от пола до потолка. Должно быть, для будущей одежды.

И осенило. Они с Добрыней жили на Облаке туристами, а теперь у них — дом.

«Я как путник, — сказал себе Женька. — Всё шёл, шёл... Изнемог, но дорогу перетерпел, сил хватило переступить порог...»

Встал, и тяжесть отлетела прочь.

Книги, наверное, все умные.

У окна стол с тремя ящиками. В двух тумбах тоже ящики. Ящики все пустые, только в одном стопка чистой бумаги и шариковые ручки.

Открыл шкаф для одежды: куртки, рубашки, штаны, шорты — спасибо Захарычу!

Сел за стол. У стола — лёгкое креслице. Положил на стол лист. Удивительно, когда на столе лист бумаги. Совершенно белый.

Мне жизнь подарена и дом,
Добрыня, люди в доме том,
И телескоп, чтоб с солнцем быть,
И облака — по небу плыть,
Бонсаи Вероники.
А я ведь, Женька, — дикий.
На самом деле дикая,
Да только не двулика...

Написал без помарок, будто списал.

Потянуло лечь. В кровать бухнулся в одежде. Здорово! Потому что дома. Заснул. Хорошо заснул. Сладко, радостно.

И был ему сон. Он будто бы пробудился; стал открывать глаза, а небо — в звёздах.

«Но я же у себя дома!» — вспомнил Женька. Закрыв глаза и открывал очень-очень медленно.

Он был дома. Звёзды сияли то ли на потолке, то ли просвечивали сквозь потолок. Но вот ведь что удивляло: в распахнутое окно смотрела огромная луна, всё окно занимала, а в дверях, тоже распахнутых, стояло солнце.

«Они все пришли ко мне в гости!» — Женька взлетел с постели, распахнул руки, приветствуя пришедших к нему, и засмеялся до того радостно, как в детстве, единственный раз в жизни, когда папа посадил его верхом на зebu.

Женька услышал свой смех. Он уже проснулся, а смеялся Женька всё ещё спящий.

Глициния

Женька проснулся обиженный на самого себя. За всю ночь — а ведь уже август, последний месяц лета! — ему ничего не приснилось.

«Я как серый день», — подумал Женька о себе и услышал храп, похожий на рык. Тотчас догадался: сам всхрапнул! И увидел перед собой камень величиной со скалу. По камню — шов, как на грецком орехе. Поднял камень, похожий на клин, вложил в щель, треснул по камню другим камнем, и каменный «орех» — а на самом-то деле — скала — распался.

И... тут Женька проснулся. Снова с обидой на себя: не успел увидеть, что было внутри каменного «ореха». Изловчился досмотреть сон — глаза закрыл, лежал не шевелясь. Смирился: сон не шел. Поднялся, открыл дверь на крышу. Груня и Верочка возле волшебной трубы сидят.

— Не гудит! — пожаловалась Верочка Женьке.

— Вечером послушаем, — успокоил девочек старый житель Облака. — Идёмте в карьер, покажу свои саженцы.

— А ты сажальщик? — спросила Верочка.

— А кто же ещё! Добрыня землю строит, а я — огород.

— И чего ты сажаешь? — спросила Груня.

— Всё, что растёт.

Спускались с Облака по окружной тропинке. Женька нарочно вёл девочек дальней дорогой.

Перед чашей карьера и Груня, и Верочка замерли.

— Это!.. Это!.. — Верочка показывала двумя руками на глицинию.

Глициния разрослась до самого верха карьера. Листьями и синими цветами закрывала всю сердцевину безжизненного камня.

— Как звёзды!.. — сказала Груня.

— Где звёзды? — удивилась Верочка.

— На цветы смотри. Как звёзды синие и светятся так же.

Женька подбежал к стене, свободной от листьев глицинии, и встал, прижимаясь спиной к ракушечнику. Руки раскинул.

— Ты видишь? — крикнул он Верочке. — Ты смотри!

Женька — маленький мальчик, стена взмывает вверх, закрывая половинку белого света.

— Это — я! — кричал Женька. — А это — глициния! Но посадил глицинию — я!

Это было ничего себе! Женька с букашку и огромное растение, закрывшее цветами наготу целой трети карьера!

— А теперь идите за мной! — Женька подбежал к Груне и Верочке, повёл их на огород Вероники.

И — стоп. По лбу себя щелкнул. Забыл: огород переехал в карьер из потаённого места на кордоне, где у девочек дом родной.

— Мамочки! — изумилась Груня. — Верочка, да ты погляди! Это же настоящие деревья! Вот она где, Лилипутия!

Теперь изумился Женька: Груня, оказывается, леса из бонсаев не видела. Вероника утаила свой огород от дочерей лесника. Лесник об огороде знает очень даже хорошо, а жена его Алёна?.. «Почему мне открыла Вероника своё сокровище? Запросто открыла!» — подумал Женька.

Девочки на коленках рассматривали чудесные деревья.

Неужели Вероника боялась, что её таинственные деревья девочки поломают, они же дочери лесника! Женька собирался показать Груне с Верой свои чудеса. Крапиву, лопухи. Крапива и лопухи в этом морском краю — редкость. Но разве сравнится настоящая жгучая крапива или лопухи, под листьями которых можно спрятаться, с соснами величиной со стебелёк подорожника.

— На завтрак! — приказал Женька девочкам.

По дороге выдернул клубень чеснока.

Сравнил со своим кулаком. Девочки тоже кулачки свои показали.

— С мой кулак! — сказала Груня. — Мой больше твоего.

— Чем больше — тем лучше! Чесночок-то молодой.

По дороге выдернул ещё два клубня.

Вверх шли террасами. Ногам трудно, да путь короче.

Завтракали на крыше, за круглым столом.

Все друг друга видели. Не было Добрыни и Романа Тимофеевича: поехали осматривать заброшенные посадки розы. Эту плодоносную землю Захар Захарович у каких-то хозяев купил и подарил Облаку.

Ксаверий съел завтрак, будто проглотил, а вот чай с чабрецом пил, наслаждаясь.

— Уф-ф! — блаженно отодвинул от себя пустой третий стакан и спросил народ: — Чем сегодня займёмся?

— Учёбой, — сказала профессор Василиса. — До первого сентября добрых три недели, но мы начинаем учебный год сегодня.

— И чего же мы будем зубрить? — нагло брякнул Ксаверий.

— Первый урок — «Что у нас под ногами?»

Профессор и доктор наук для жителей Облака была мамой новых товарищей, а потому имена свои «мама Василиса» и «профессор Василиса» принимала с улыбкой.

Сразу после завтрака пошли в самое прохладное место на Облаке — к стелящемуся над землёй лоху, где ключ и ящери.

— Мы идём с вами по ползучему пырею, — открыла глаза своим ученикам профессор Василиса. — Можете сесть, лечь. Рассмотрите травку внимательно, чтобы помнить. Пырей быстро занимает голую землю, особенно плодоносную.

— Обыкновенная трава! — хмыкнул Ксаверий.

— Ты совершенно прав, — согласилась профессор. — Пырей много, но это одна из важных лекарственных трав. Отварами из пырея лечат

печень. А теперь поглядите на травы, растущие возле лоха. Какие растения вы знаете?

— Одуванчики! — заорал Ксаверий хохоча. — Я опередил всех. Соображение у меня быстрое. А это конский щавель... Ещё одуванчик «неудавшийся»...

— Язык у тебя и впрямь быстрый чересчур, — профессор улыбалась весело. — Верно, это — одуванчик, это — конский щавель... А вот одуванчик «неудавшийся» — вполне самостоятельное растение. Имя у него — кульбаба.

— Профессор-мама! А кони взаправду этот щавель едят? — спросила Груня.

— Не знаю! Но растение лекарственное. Травники конский щавель берут.

— Пастушья сумка. — Женька опустил на корточках перед знакомой травой. — А это — донник белый. Здесь его немного, больше жёлтого. Донник под подушку кладут, чтоб спать крепче.

— Верно, — согласилась Василиса. — Белый донник — мужской, жёлтый — женский.

— Вон коровяк, — показал Женька, — но хилый. Цикория полно. Где тень, цикорий цветы свои показывает, а который на солнце, красоту свою уже спрятал.

— Молодец! — похвалила Женьку профессор. — А вот это растение называется дымян-ка.

— Чабрец! — сделал открытие Ксаверий. — Я его унюхал.

— Богородицкая трава, — поправила Груня Ксаверия.

— А в Туркмении эту замечательную траву называют горным чаем, — сказала мама Василиса.

Ксаверий унюхал полынь. Груня нашла пустырник, а Верочка — мать-и-мачеху.

— Вы молодцы! — профессор была довольна ребятами.

— А чего ваши дети в рот воды набрали? — спросил Ксаверий.

— Мы в первый же день своего пребывания на Облаке собрали гербарий трав и цветов, — сказала мама Василиса.

Старший сын профессора Савва показал череду, ромашку ободранную, девясил. Все зна-

ли боярышник. Савва назвал его по-ученому — «боярышник колючий», нашёл среди трав лапчатку, дягиль, душицу.

— Стоп! — мама Василиса загородила Ксаверия, Женьку, Груню и Верочку от своих детей. — Чтобы знать, надо самому найти нужную вам траву. — Показала на высокое растение. — Урок заканчиваем. А вот эту красавицу надо знать всем. Знаменитая белладонна, народ зовёт её красавкой. Греки отравили философа Сократа настойкой белладонны. Такая вот легенда о белладонне. Это действительно ядовитое растение. Но, видите, кусты дрока? Его белое молочко страшнее сока белладонны, — подняла обе руки: — Урок закончен. Вы все молодцы. И всех нас ждёт работа. Добрыня рано поутру привёз землю. Надо её разровнять. А второе дело: надо прополоть огород. Командуй, Жень! Ты у нас главный огородник.

Сверху было видно тёмно-зелёную полосу вдоль стены карьера.

— Сколько надо земли! — Ксаверий даже зажмурился. — Вozить и вozить!

— Маленько навозили! — сердито сказал Женька. — Но уже много чего на столе с нашего огорода.

Разровнять землю, привезённую в кузове пикапа, — дело минутное. За полчаса управились с поливом.

Выдирать сорняки Женька не позволил.

— Пусть всё растёт, что земля в себе хранит. Я сам разберусь с сорняками.

Поднялись к дому. Мама Василиса сказала:

— Тень в зарослях лоха густая. Почитаем?

— Роман про любовь? — Ксаверий тут как тут.

— Сегодня читаем сказки и стихи, — решила профессор.

Сказка

Листья у лоха серебристые, с бархатцей. Ягоды — шершавые, но тоже серебристые. Съедобного в ягодах — тонкая мучнистая кожица, очень сладкая.

Набрали ягод, сели в траву. Ксаверий устро-

ился как барин: в развалке двух стволов настоящее кресло.

— Тебе и читать! — сказала профессор Василиса и дала Ксаверию книжку в твёрдой обложке, а сказку выбрала короткую, на двух страницах.

Разбежался Ксаверий глазами, да и вспотел: давненько книжек в руках не держал, а вслух читать, пожалуй, ни разу не приходилось.

— «Пу-стил му-жик пе-ту-ха в под-вал...»

Прочитал — обрадовался: буквы не забыл.

— «Петух там на-а-шё-ёл гор-о-ши-ну...» Извиняюсь: горо-шин-ку. «...И стал кур с-к-ли-к-ать!..»

— Так! — сказала профессор Василиса. — Урок тебе на завтра будет такой, Ксаверий: три раза сказку прочтёшь про себя и три раза громко. А теперь послушаем чтение Груни.

Взяла Груня книгу, покраснела и пошла сыпать словами, как пулями из пулемёта.

— «...Мужик слышал про находку», — воздуха в грудь набрала и снова очередью словесной, — «...вынул петуха... горошину полил водой. Вот...»

— Медленнее! — приказала профессор.

— «...Вот она и начала расти. Росла, росла — выросла до полу. Мужик пол прорубил, горошинка опять начала расти...»

Теперь слово от слова Груня отделяла долгой паузой.

— Стоп! — профессор забрала у Груни книгу. — Сказки читать надо, любя слово. Что вы все глаза отводите? Женья, считаешь?

— Почитаю, — сказал Женька. Он обрадовался: его очередь пришла быть чтецом.

Читал Женька с толком, слова выговаривал так, будто все они круглые, но, главное, слова у него были как новость неожиданная.

— «...Мужик пол прорубил. Горошинка опять начала расти. Росла-росла...»

Женька остановился, и все замерли — ждали, что будет.

— «...Доросла до потолка!» — сказал Женька. — «Мужик потолок прорубил. Горошинка опять росла-росла — доросла...» — Женька снова остановился. — «До крыши! Мужик и

крышу разобрал. Стала горошина ещё выше расти, росла-росла...»

— Доросла до неба! — сказал Ксаверий.

— «До нёбушка!» — прочитал Женька. — Слово-то какое хорошее! «...Вот мужик и говорит жене: «Жена, а жена! Полезу я на нёбушко, посмотрю, что там делается? Кажись, там и сахару, и мёду — всего вдосталь». — «Полезай, коли хочешь».

Мужик и полез на нёбушко. Лез-лез, насилился. Входит в хоромы, везде такое загляденье, что он чуть было глаз не проглядел! Среди хоров стоит печка, в печке — и гусятина, и поросята, и пирогов видимо-невидимо».

— А мы-то на земле одни объедки видим! — сказал Ксаверий.

— Дальше читать? — спросил Женька профессора.

— Читай! — приказал ему Ксаверий. — Тебя слушать интересно.

— Пусть Женя всегда читает! — сказал Савва — старший сын Василисы.

— Читать будут все, — строго сказала профессор. — Язык, ребята, на языке. Мы все должны говорить «на великом и могучем русском языке». Продолжай, Женя, сказку.

Женька прочитал:

— Значит, пирогов в печи было видимо-невидимо. «Одно слово сказать: чего только душа хочет — всё есть! Сторожит ту печку коза о семи глазах. Мужик догадался, что надобно делать, и стал про себя приговаривать: «Засни, глазок! Засни, глазок!» Один глаз у козы заснул. Мужик стал приговаривать погромче: «Засни, другой! Засни, другой!» И другой глаз заснул. Таким побытом...» — Женька на слове споткнулся, но обрадовался ему: — Я такого слыхом не слыхивал! «Побытом»!

— Иначе говоря — «таким делом», «таким образом», — сказала профессор. — По-русски — «побытом»!

Женька ликовал:

— По-бы-том!

— Для того и будем читать сказки, — сказала мама Василиса.

— А для чего всё-таки? — спросил Ксаверий.

— Для того, болван, чтоб в голове у тебя было всё по-русски. — Женька рассердился на Ксаверия. — У тебя на уме одно: «мани-мани». Американец фигов.

— Русское слово творит русского человека, — сказала профессор Василиса. — В нашей стране сегодня далеко не все, имеющие русскую голову, думают по-русски.

И, светясь, повернулась к Женьке:

— Читай!

— Читай! Читай! — попросили и Груня с Верочкой.

— «...Таким побытом все шесть глаз у козы заснули. А седьмого глаза, который был у козы на спине, мужик не заметил и не заговорил. Недолго он думал, залез в печку, напился-наелся, насахарился...» Тоже слово хорошее! «...Вылез оттуда и лёг на лавочку отдохнуть. Пришёл хозяин, а коза ему про всё рассказала: вишь, она всё видела седьмым глазом. Хозяин осердился, позвал своих слуг. И прогнали мужика враз».

— Мало! — обиделся Ксаверий.

— Что — мало? — не поняла мама Василиса.

— Про небо — мало. Там ведь много чего.

— А это ты нам в своей сказке расскажешь, — пообещала профессор.

Женька дочитывал сказку и сожалел, что короткая.

— «...Побрёл мужик к тому самому месту, где была горошина. Глянул — нет горошинки. Что будешь делать? Начал собирать паутину, что летает летом по воздуху. Собрал паутину и сплёл верёвочку; зацепил эту верёвочку за край неба и стал спускаться. Спускался-спускался. Хват — верёвочка вся! А до земли ещё далеко-далеко. Он перекрестился — и... бух! Летел-летел и упал в болото. Долго ли, коротко ли сидел в болоте — а сидел он в болоте по самую шею, — только вздумалось утке на его голове гнездо свить; свила гнездо и положила яйца. Мужик ухитрился, подкараулил утку и поймал её за хвост. Утка билась, билась и вытащила-таки мужика из болота. Он взял утку и яйца, принёс домой и рассказал про всё жене».

— А дальше — стихи! — сказал Женька.

— Читай! — попросила Груня.

*Не то чудо из чудес,
Что мужик упал с небес,
А то чудо из чудес,
Как он туда залез!*

— А ведь здорово! — сказал Ксаверий.

— Ждём твою сказку! — снова сказала профессор Василиса.

— Я свою сказку на земле найду! — пообещал Ксаверий.

Время в гостях на Облаке

Груня и Верочка у себя на кордоне по вечерам смотрели на закаты, как на картины. И все обитатели на Облаке пристрастились слушать закаты. Всякий раз труба исполняла дружную музыку, непохожую на вчерашнюю.

Ужинали поздно, ждали звёзд. Профессор Василиса вела урок, который назывался «Небо».

— Сегодня на созерцание я отвожу один час. Смотрите глазами и сердцем. Завтра на первом уроке сочинение на тему «Небо над моим домом».

Женька убежал и принёс из комнаты домотканую дорожку — такие дорожки любили виноградары Захара Захарыча. В каждом доме была своя, такая же, как у всех, но непохожая узором, цветом.

Женька улёгся на дорожке. К нему тотчас присоседились Груня и Верочка.

— Рассказывай! — сказала Верочка.

— Если будем говорить, звёзд не увидим.

— Ну, ты скажи чего-нибудь разочек! — Верочка собиралась обидеться. — Целый час, что ли, все будут молчать? Ужас!

— Ладно, — сказал Женька. — Буду не говорить, а тараторить в рифму.

И его понесло.

*На ласковой планете
Живут одни лишь дети.
На эту на планету
Они летают спать.*

*И спят не на кровати —
На белой-белой вате,
Им облака — кровать.
Ребятам сладко спится,
И снится, снится, снится
Весёлый Млечный Путь.
Ну, собирайтесь с духом,
Мы будем легче пуха
И полетим на вате —
У нас же нет кровати! —
Туда, куда-нибудь.*

Верочка тихонечко засмеялась:

— Хочу на вату!

— На дорожке тоже хорошо! — сказала Груня. — Женечка, как складно ты умеешь говорить.

— Потому что я тараторка. Смотрите! Смолтреть — это ведь лучшее, что мы умеем. — Быстро поднялся.

И ушёл. Ноги привели его в карьер. Женька лёг на ракушечник и объявил всем, кто пошёл с ним.

— Это дно океана. Древнего. Может, этот океан родился на земле, когда Бог Дух Святой носился над водами, — показал на небо: — В этом океане теперь звёзды, — принялся называть созвездия: — Вега, Орёл, Лебедь. Эти созвездия совсем близко. Они плавают на звёздных волнах. А под волнами звёзд, на дне, как песок, — звёздная пыль. Вот только все пылинки — огромные солнца, — и Женька крикнул звёздам: — Я вас вижу!!! Я смотрю на вас с планеты Земля! На Земле я тоже пылинка! Но я вижу, я люблю!.. — поднял руки и подушечками пальцев пытался потрогать звёзды. — В пальцах пульсирует кровь. А что, если я всё-таки касаюсь звёзд. Нет! Я не выдумщик! Я трогаю само время! Я ведь живу в наше время. В своё! И касаюсь самого-самого тайного в мире.

А утром писали сочинения. Самое неожиданное сочинение получилось у Ксаверия.

«Я смотрел вчера на небо, как было приказано, ровно один час. Смотрел, но так и не увидел главного. Думается, я искал искорку звёздного пришельца? Это самое НЛО?»

Нет, ребята! Я смотрел вчера во все мои глаза, потому что хотел увидеть рай. Вам смешно? А рай — это же на всю бесконечную жизнь, когда каждый день будешь видеть Бога. Слушать Бога. В раю Бог видимый, это для земной жизни Бог невидимый.

Я так думаю: рай — цветущая земля, цветущие деревья. Но это не сад. Разве могут поместиться в саду все праведные люди, — все, кто жил, делая добро? Кто за Иисуса Христа жизнь отдавал. И кто за детей жизнь отдаёт. Например, на войне. И не только на войне. Когда нашей большой страны не стало, сколько детей жило на улице! По телеку говорили: два миллиона. Но мы знали: бездомных мальчиков и девочек четыре миллиона. Короче, рай с 988⁴ года заслужили для себя и для России православной многие миллионы. Один Бог знает, сколько народу убито и умерло от голода в революцию, за Первую мировую войну, за Вторую мировую войну, сколько умерло от нищеты при Ельцине — я думаю, даже планеты не хватит на всех праведных, любивших Бога. Значит, рай находится за пределами Солнечной системы. Верю, есть Галактика, сотворённая Господом для хороших людей. Особая небесная Твердь. Я искал в небе свет и вспомнил: галактик у Бога неисчислимо. Не хочу в Чёрную дыру: имея небо, ребятки, мы будем жить свою вечность по-людски, как на земле».

Сочинение Ксаверия прочитал старший сын профессора Василисы Савва.

Профессор дала сыну синий карандаш, чтоб подчёркивал ошибки. А Савва, возвращая маме листочки с сочинением, вспомнил:

— Ох! Я забыл ошибки подчёркивать.

— Ксаверий у нас мудрец, — профессор-мама подошла к сочинителю, поцеловала в оба виска.

Женькино сочинение прочитала Груня.

«Вчера я смотрел на небо, но так, будто видел в первый раз. И вот что мне открылось. Мы живём сразу во все времена. Может быть, Большой Медведицы уже нет на небе тысячу лет, а свет всё идёт, идёт. Погасло созвездие, не погасло — свет семи звёзд с нами. Он был вчера, будет нынче ночью, будет завтра. На Земле

— вот в чём чудо! — все времена живут сейчас вместе с нами».

Верочка вдруг подбежала к Женьке, в глазах — слёзы.

— А Малая Медведица?.. Она тоже ушла, увела свои звёзды?

Все засмеялись.

Вечером мама-профессор устроила после ужина танцы. С учёбой. Учились танцевать вальс.

Танцую с Женькой, профессор Василиса объявила:

— Минувший день назовём именем «Время в гостях на Облаке».

Человек на дубе

Женька привёл Груню и Верочку в лесополосу поискать вёшенки, а сам на землю даже не глядит.

Софоры как скифские Василисы Прекрасные в праздник. Созревшие грозди, словно волосы, унизанные драгоценной финифтью. Софоринки в длинных стручках светятся золотом, а всё вместе изумрудное, счастливое.

— Если собрать урожай, можно вылечить от ста болезней город величиной с Москву! — сказал Женька сестричкам.

— А чего же не собирают? — удивилась Груня.

— Некому! Все разбежались. Смотри на софоры. Грозди от вершин и до земли — потоком.

— Вот вам загадка! — предложил Женька Груне и Верочке. — Зелёные нити, в каждой нити по сорока солнышек, нитей без счёту... А если сосчитать, что это будет?

— Вот это будет! — показала Верочка на дерево.

— Верно, софора японская!

— Почему японская? — не поняла Груня. — Она же у нас растёт.

— Софоры похожи своим нарядом на скифских воительниц. Скифским девушкам позволялось выходить замуж, если убьёт трёх врагов. Закон исполнила — с коня в телегу: наряжаться, детей рожать.

Груня вдруг заслонила собой от Женьки софору:

— А ты бы мне подарил скифские бусы? — Глаза круглые, таким не соврёшь.

— Запросто! — сказал Женька. — Зачем мне бусы? А тебе — красота.

— А мне бы подарил? — Верочка встала рядом с Груней.

— Ты маленькая. Я подарил бы тебе щенка гепарда⁵.

— А он кто?

— Самый быстрый зверь на нашей земле.

И тут Груня шепнула страшным шепотом.

— Молчите! — а сама — пальцем в небо.

Небо заслонял высокий пирамидальный дуб — Женькина любовь и гордость.

На дубе спиной к грибникам сидел среди ветвей человек. Совсем не мальчик.

Груня и Верочка нырнули под софору. Женька за ними, но сам следил за наблюдателем. Слышал этот человек их голоса или не слышал?..

Под софорой темно и прохладно. Девочки ухватились за Женьку.

— Дуб далеко, человек сидит высоко. А наблюдает он, скорее всего, за нашим домом на Облаке.

— Бандит, который дерево спилил на нашем кордоне? — спросила Груня Женьку.

— У него телескоп! — жарко зашептала Верочка Женьке в ухо.

— Обыкновенный бинокль.

— Бежим? — Груня схватила Верочку за руку.

— Вы с ума сошли! Уходим как мышки. Кружной дорогой. Он не должен знать, что мы его видели.

Уходили по зарослям. На открытых местах в высокой траве прятались.

Подошли к своей горе, и Груня пожалела:

— Вёшенки не набрали.

— А ты погляди под миндалём, — показал Женька на брошенный людьми старый сад.

Под одним только деревом набрали два тучка с верхом.

— А зачем ты нас далеко водил? — спросила Груня.

— Прогуляться. Поглядеть, какие грибы в овраге растут, среди вишни.

— Спасибо, что повёл! — сказала Верочка. — Идёмте к Веронике.

Но Вероники на Облаке не было, и Добрыни не было, с профессором Василисой уехал на посадки розы.

Зато был Ксаверий. Заострял наконечник на буковой двухметровой палке.

— Ты копьё, что ли, делаешь? — спросил Женька.

— Дротик.

Женька сел напротив Ксаверия, улучил мгновение, когда девочки побежали показывать грибы детям Василисы, шепнул:

— Помнишь, где дуб растёт?

— Помню.

— На дубе наблюдатель. Кого-то высматривает, что делается на Облаке.

— Меня высматривает, — сказал Ксаверий, прикрывая рот. — По губам слова читают.

— Но бандиты не знают, что стрелял ты.

— Это другие.

— Которые камешки ищут?

— Камешки, — согласился Ксаверий. — Надо уходить.

— Тебе?

— Всем!

— Куда же мы уйдём, к Захар Захарычу?

— Я знаю куда, — сказал Ксаверий.

И было понятно: он знает.

О Веронике

В тот вечер было хмуро в природе. Труба вместо звуков издавала на закате вздохи и шипения.

Ксаверий и Женька уловили Добрыню, когда он приготавливал пикап к утренней работе: заправлял бензином, подливал масло, воду.

Женька рассказал Добрыне о наблюдателе.

— Он из тех, кто камешки свои ищет.

— О каких камешках речь? — спросил Добрыня, но тотчас всё вспомнил. Грозно глянул на струсившего Ксаверия. — Ты свои сокровища в нашем доме спрятал?

— Я камешки закопал, а теперь не очень-то могу вспомнить под каким кустом. В лесополосе деревья растут быстро... Бандюг навела на Облако Вероника.

— При чём тут Вероника? — рассердился Добрыня.

— Она! — твёрдо сказал Ксаверий. — Я сразу понял, что она за птица.

— Растолкуй и нам.

— Вероника парк строила Хрусту. Она у них главный наводчик. Самым большим богачам парки строит.

— Кто такой Хруст? — спросил Добрыня.

— Всё побережье живёт по слову Хруста. Я у него дворником работал. Он меня спросил: «Живёшь на улице?» — «На улице», — говорю. — «Тебя отвезут в Соколиное, будешь жить во дворце князя Мешерского. Еду тебе будут привозить из ресторана. Твоё дело — сметать листья с дорожек, а всем, кто будет интересоваться, чей это дворец, говори: собственность Стодома». И ещё сказал: «Ты хозяин дворца на эту осень и на эту зиму. Первого марта собирай рюкзачок и ступай к Стодому. Стодом придумал этот мир и тебе найдёт пристанище».

— Ну, а Веронику для чего приплёл? Хватит загадок, кто этот Стодом?

— Стодом — Бог. Хруст знает тайный язык. А во дворце у меня за полгода люди были всего один раз. В большой голубой зале был праздник. Вероника устроила Хрусту парк «От Евы до амазонок». На том празднике были Ева, Елена Прекрасная, которую Парис украл, воительницы скифов и амазонки.

Женька смотрел на Ксаверия как на пришельца с Марса:

— И чего?

— Да ничего, — пожал плечами Ксаверий. — Ева была как Ева. В раю платьев носить не положено. У всех скифских воительниц акинаки. Мечи короткие, одну грудь и живот у них закрывали кольчуги. И больше ничего не закрывали. На лошадей скифы голыми попами садились. Наряд амазонок, как положено, сапоги до коленок, широкий пояс, на поясе — акинак или булава, на плече — колчан со стрелами и луком. Всеми командовала Вероника. Она

меня не замечала, я сидел за спиной Хруста — заслонял, чтобы в спину не пырнули.

— И что потом? — спросил Женька.

— Первого марта я запер входную дверь, ключ положил в почтовый ящик. Из ресторана на дорожку мне привезли две жареные курицы и двадцать пирожков. Всяких.

— ...Отнесите вдвоём в гараж канистру! Она тяжёлая, — попросил Добрыня.

В гараже договорились исчезнуть в подzemье.

Ход в неведомое убежище нашёл в подвале Ксаверий в закутке чулана. Здесь стену из ракушечника, природную, строители не тронули, а вот Ксаверий потрогал все камни. Один шатался. Вынул, а за камнем пустота, вынул ещё два — чёрный зев. Подались ещё три камня. Сходил за фонариком — осветил: ступени.

Добрыня в подземелье побывал. Вместе с Романом Тимофеевичем пещеру снабдили водой, запасом еды, перенесли матрасы.

А жизнь шла своим чередом.

Чужие

Женька обедал за одним столом с Груней и Верочкой.

Профессор решила: на Облаке трапезы будут как в монастырях. Все — за столами, а дежурный читает что-то очень важное, нужное.

— В монастырях во время трапезы все слушают жития святых, — сказала профессор. — Мы тоже будем читать жития, а иногда просто знакомить народ Облака с поэзией, с историческими деятелями, с писателями разных эпох и разных народов.

— И что мы будем слушать нынче? — спросил Ксаверий.

— Начнём с Начала, — сказала профессор Василиса. — Слово «Начало» — с большой буквы, — положила перед Саввой — он был дежурным — толстую старую книгу. — Читаем с первой страницы.

— «Бытие», — прочитал Савва. — «Глава Первая. В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И

сказал Бог: да будет свет; и стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош: и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был день и было утро: день один».

— На сегодня остановимся, — сказала профессор. — После ужина пусть каждый перечитает эти строки и попробует представить мир без света и со светом.

Женьку больше всего трогало, как это Дух Божий носился над водами.

Теперь о воде говорят: чудо. Вода помнит прошлое, а главное, она знает, чему быть завтра.

Женьке хотелось к морю, к великой воде, которая покрывала землю, и Дух Божий мог объять эту воду, а мог летать над нею. И, когда стал свет, вода ведь просияла? Вода — зеркало, отразившее столь чудесное творение Бога — день. А ночь она вобрала в себя.

— Так мне хочется увидеть, как Дух Божий летал над водами, — признался Женька.

— Как ты Его увидишь?! — усмехнулся старший сын мамы Василисы. — Дух невидим!

— Но Бог создал свет. Днём вода, как зеркало, отразила всё, что тогда было.

— Так ведь ничего ещё не существовало. Ничего!

— А Дух Божий? В тот миг, когда явился свет, Дух Божий мог отразиться, — уверенно сказал Женька. — Господь создал человека по своему подобию. Значит, у Бога есть Образ, а свет — первое чудо творения. Нам всем дорого чудо, потому что мы созданы по обличию Господа. Его чудом.

Профессор покачала головой.

— Женья, тут нужны богословы. Твои фантазии нас запутают.

— Я не фантазирую. У нас есть молитва: «Царю Небесный, Утешителю, Душе Истинной». А в Первый день был День и была Ночь. Свет и Тьма. Но не было неба. Я читал начало Библии раз двадцать. Бог создал Твердь во второй день Творения. И назвал Бог твердь Небом. Вот тогда и стал Божий Дух Царём Небесным.

Все молчали, смотрели на профессора Василису.

— Женья, милый, ты рассуждаешь интересно, но, чтобы не впасть в богословскую ошибку, нам необходима консультация священника.

— Но ведь вы профессор! — сказал Ксаверий.

— Я даже доктор наук, однако не богословия, а биологии.

— Ну, ладно! — согласился Ксаверий и обвёл всех долгим взглядом. — Интересно, кто из нас придумает самую сказочную сказку?

Помалкивали. Ксаверий громко засмеялся.

— Так и знайте. Я всех вас удивлю. Сказочно!

Очередного чтения не было.

Профессор устроила большую стирку. Развешивала бельё на крыше, на верёвочках. Обед варил Женька.

Вдруг прибежали Груня с Верочкой. Они рассматривали в карьере маленькие деревья Вероники и видели двух людей: эти двое прошли мимо карьера. Но потом сели в тени дикого боярышника. К Захару Захарычу бежать — перехватят.

— Надо ждать, когда Добрыня приедет, — сказал девочкам Женька. — Сами с горы — ни ногой.

Верочка взяла Женьку за руку и отвела за угол дома:

— Это они за нами пришли?

— Кто?

— А кого мы с Груней видели.

— Они нас даже не увидят! — сказал Женька девочке.

— Мы спрячемся? А куда мы спрячемся?

— Мы исчезнем, — успокоил Женька Груню сестричку.

Исчезновение

Бельё высохло. Профессор с Валеркой и Валерианом собирали в таз пахнущие солнцем рубашки, майки и трусы. Савва смотал верёвочки. Обычная жизнь.

К ужину приехал Добрыня с виноградарями. Обсуждали, какие сорта винограда следует посадить на землях, где цвели розы.

Женька подсел к Добрыне и рассказал о чужих.

— Пока народа много, нас не тронут, — решил Добрыня. — А вот исчезнуть мы должны незаметно.

— Смотреть сегодня будем кольца Сатурна, — объявила профессор Василиса. — Разобьёмся на пары.

Проводили гостей, убрали посуду.

Профессор навела телескоп на Сатурн. Роман Тимофеевич смотрел на кольца со своими малыми. Посмотрели, ушли в дом.

В доме их ждал Ксаверий. Показал ход и ступени. В подземелье ступени освещала одна свеча.

Валерий с Валерианом были следующей парой. С ними — Савва.

Груня смотрела в телескоп с Верочкой.

Добрыня взял себе в пару Женьку. Профессору достался Ксаверий.

— Кто пойдёт последними? — спросил Добрыня Василису.

— Мне зачехлять телескоп.

Кольца Женька на Сатурне на этот раз не разглядел. Не до звёзд.

В пещере над ступенями горела обычная церковная свеча. Каменный подсвечник в стене. Добрыня зажёл большую толстую свечу.

— Мы с Ксаверием заложим ход, а ты нам посветишь.

Тьма, как зев в недра планеты. Далеко внизу виден ещё один язычок свечи. Ничего она не высвечивала, но зато указывала, куда надо идти.

Такой тьмы в Женькиной жизни не бывало. Тьма, но добрая. Это она укроет жителей Облака от бандитов.

Профессор Василиса сняла свечу со стены, пошла к своим.

Женька почувствовал лопатками противный холод. Убежать бы, но его дело светить. А вдруг большая свеча осветит тем, кто пришёл за Ксаверием, а пытать могут каждого.

Закрыв глаза, терпел.

— Ты спишь, что ли? — удивился Ксаверий. — Давай мне свечу. Идём.

— А Добрыня?

— Хочет послушать, что делается наверху.

Женька шёл за Ксаверием, глядя под ноги.

— Как по ковру идём.

— Пыль, — сказал Ксаверий.

— Если здесь никто не был, пыль, выходит, историческая. Сколько ей веков?

— У профессора нужно спросить.

Женька удивился вдруг:

— Ксаверий! Как же ты учуял, что в нашей горе — пещера?

— Седьмым чувством.

— А седьмое бывает?

— У таких, как я, бывает.

— Так оно и есть, — согласился Женька.

Свеча, к которой шли, высвечивала стену и в ней проём без двери.

— Это ведь построено людьми!

— Церковь.

— Это церковь. — Профессор Василиса, окаживается, стояла возле входа.

— Входим в дверь? — спросил профессора Ксаверий.

— А ты сквозь стены ходишь?! — Женька почему-то осерчал.

— Когда требуется, хожу.

Женька поёжился: на Облаке теперь хозяева — бандиты. Они ищут Ксаверия, а этот Ксаверий шутки свои дурацкие шутит.

Когда горят две свечи, света в два раза больше. Роман Тимофеевич, его дети и Груня с Верочкой сидели на каменной лавке у стены.

Пришёл Добрыня:

— Со ступенек свечей, горящих внутри церкви, не видно.

— А что слышно? — спросил Ксаверий.

— Нас со ступенек тоже не слышно, а что наверху делается — непонятно. Ни единого звука не просочилось сверху.

— Жить будем тихо, — сказала профессор. — Варить что-либо нам нельзя. Запахи опаснее и света, и звука. Все шумы, однако, запрещены. Наша задача — перетерпеть.

— Может, сразу ляжем спать? — предложил Роман Тимофеевич. — Матрасы постелены за малой стеной.

— В алтаре, — подсказала Василиса.

— Откуда нам знать, что это? В каком веке была здесь церковь?

— Думаю, в восьмом, — сказала мужу Василиса. — Но лечь — лучшее для нас.

— Кстати, откуда у тебя свечи? — спросил Добрыня у Ксаверия.

— Здесь в ящике лежат.

— Жечь свечи восьмого века?! — ахнула Василиса. — Да хотя бы и пятнадцатого!..

Свечи погасили. Добрыня зажёл фонарик.

У каждого свой матрас и своё одеяло.

Фонарик выключили, и всё вокруг стало хаосом тьмы.

Женька глаза зажмурил — и вот они, бандиты! Крадутся к дому. Влезли в комнаты через окна, а в доме пусто. И вот уже хлопают дверьми. Свет горит в каждой комнате.

Женька затаивает дыхание. Но тишины в их странной спальне как не бывало. Слышно дыхание Верочки, сопят близнецы.

— А мы правда в алтаре? — это голосок Груни.

— В алтаре, — голос мамы Василисы.

— А что, если?.. — у Груни в голосе отчаяние.

— А что, если очень захочется?.. Куда тогда деваться?

— Девочкам место укажет мама Василиса, — сказал Добрыня. — Мальчикам — Ксаверий.

— Не пропадём! — хихикнул Женька. — А то, что в алтаре спим, нас Бог привёл! Святое место хранит хороших людей. Вы все сходите, куда надо, а перед сном помолимся.

Груня повела сонную Верочку в дальний угол, а Женька за Ксаверием не пошёл. Он пошёл к ступеням. Часовым был Роман Тимофеевич.

— Тихо.

— Может, стена толстая? Не слышно.

— Может, и впрямь звуки сюда не доходят... Начнут стрелять — услышим.

Женька вернулся на свой матрас.

— Все пришли?

— Читай молитву! Спать хочу, — сказал Ксаверий.

— Чтоб никаких смешков! — голос у Женьки стал строгим. — Царю Небесный, Утешителю, Душе Истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище Благих и Жизни Подателю, прииди

и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, Души наша.

— Спасибо, Женья! — сказала мама Василиса.

— Спокойной ночи.

Притихли. И вдруг Ксаверий рассердился:

— Кто слёзы льёт?

Женька понял: Груня.

— Всё страшное надо поскорее заспать! — сказал Женька Груне, но слушали тишину все. — Проснёмся — и никого уже нет на нашей горе.

Через мгновение Женька спал. Знал, что спит.

Учение — свет

Проснулись все разом, сходили по своим углам. Женька — последним.

На завтрак — по яйцу вкрутую, по бутерброду: хлеб и сало. Выпили виноградного сока.

— Мы в храме, я прочту молитву, а вы потихоньку говорите: «Господи помилуй», — предложила мама Василиса.

Поблагодарили Господа за хлеб.

— Нам ведь лазить по пещере нельзя? — спросил Ксаверий. — Сидеть будем?

— У нас занятия! — строго сказала профессор. — Первый урок — история.

— Она!.. Вот она, история! — Ксаверий усмехнулся. — Она ведь не сказка. Она каждый день, как жизнь. Она ведь жизнь?

— Жизнь, — согласилась профессор. — Наука история изучает жизнь наших пращуров. И дедов, и отцов. История, однако, есть воля выбора. Наш выбор, как я понимаю, — знать жизнь России. Для чего? А чтобы понимать своё предназначение, свою цель.

— Свою правду! — сказал Женька.

— Правду, — согласилась профессор. — Урок у нас свободный. Можно спрашивать, можно защищать своё мнение.

— Мы с Рюрика начнём? — спросил Женька.

— Думаю, начать нам надо с истории Церкви. Тебя история с Рюрика не устраивает?

— Я читал книжку про Аттилу, про гуннов, про скифов. Вы знаете о Каталаунской битве?

— Знаю, — сказала профессор.

— У Аттилы в войне были немецкие вожди, а вот имена у них: Ратибор, Родолюб, Велислав. Это же славянские имена. И ещё я читал: скифы о себе говорили — «мы — молодой народ». Это они сообщали в письме жрецам Египта. А Египет — страна пирамид. Жрецы звали скифов на свою освободившуюся ото льда землю, а скифы были уверены: льды защищают их огромную страну от нашествий. Там, где льды отступили или растаяли, была зелёная равнина. К северу на этой равнине росли леса-великаны, равнина становилась на юге бескрайней степью. Трава в той степи скрывала лошадей и всадников.

— Уж коли мы вспомнили Аттилу и гуннов, расскажи нам, Женя, что ты знаешь о Каталаунской битве.

Женька молчал.

— Ну, что же ты?

Женька вздохнул и сказал:

— Нам и так всем страшно, а Каталаунская резня — самая кровавая на все времена.

— Рим, защищая своё великое государство, свою великую культуру, — а это изумительной красоты города, — стало быть, своих зодчих, скульпторов, поэтов, музыкантов, свой театр и сами театры, — был вынужден выставить против Аттилы самых отважных и самых умелых воинов. Сама история сразилась с варварами.

— Мама Василиса! Ну какая это история! — Женька прямо-таки кипел. — Я же говорю вам: это невиданная в мире резня. Мы не знаем, сколько сил было у Рима, сколько у Аттилы. Одни историки верят, что Рим выставил против Аттилы миллион легионеров, а великий полководец Аттила свой миллион. В римском войске были римляне, покорившие мир, а у Аттилы все народы, отвергавшие власть Рима, а на самом деле — рабство... Пушек-то не было. И ружей не было. Они все резали друг друга или насаживали на копыта. Мама Василиса! Профессор! Этого представить себе невозможно — по Каталаунской равнине ручьями текла кровь, земля пропитывалась кровью и, наверное, превращалась в болото, где вместо воды пузырилась кровь. Были убиты короли, которые стояли за Рим. Аттила чуть было не попал в плен. Но по-

кинули поле битвы римляне. Значит, победил Аттила. Он, правда, ушёл из Франции, вернее, с земель, которые станут Францией, но уже на другой год Рим покорился Аттиле.

— Какие-то богатырские фантазии! — сказал Ксаверий.

— Книгу, которую читал Женя, — труд историка девятнадцатого века, — осадил умника Савва.

— А при чём тут оледенение? И будто бы наши предки уже были великим народом, о котором знал Египет?

— История, которую изучают в школах, — сказала профессор, — всего лишь версия. Одна из версий. В наши с вами дни учёные определили возраст сфинкса, поставленного возле пирамид. Ему не четыре тысячи лет, а двенадцать. Каменная плита у головы сфинкса отшлифована водой. А вода в обилии была в Египте в эпоху таяния ледников. И скорее всего, ему не двенадцать тысяч лет...

— Тогда сколько? — спросил Ксаверий.

— Лучший ответ — неведомо. Люди Каменного века пирамид создать не могли. Плиты в основании тщательно отшлифованы и доставлены на стройплощадку за десятки километров. А это гранит, базальт, — породы, не поддающиеся обработке. Вес плит тоже впечатляет — двести пятьдесят тонн.

— Помолчим! — сказал Ксаверий. — Послушаем, что наверху.

Тихо было в пещере, и на земле было тихо.

В одном музее — где, Женька вспомнить не мог — он рассматривал археологические древности. Его потянула к себе лошадка, прямо-таки летящая над землёй. У неё было всего две ноги. Передние, слившиеся, повторяли изгиб длинной шеи. Морда была короткая, нос пятчком, и прямо под носом — копыта. Грива повторяла движение ног. И было понятно: скакнет лошадь невероятно далеко. Может быть, приземлится на другом берегу моря. Тело — вытянувшееся — мышцами спины подготовляло такой скачок. Задние ноги, тоже слившиеся в одну, уже всё сделали для такого скачка и, поддерживая хвост, уже летели в неведанное, невидимое.

Мастер, сотворивший такую лошадь, был, скорее всего, не только мастер изображать лошадей. Он был мастером, творившим чудо. Одарит тебя своим конём, и этот крошечный конёк спасёт тебя от любой погони: закрой глаза и открой.

Женька одолел дрему, открыл глаза.

Профессор Василиса рассказывала о скифах.

Потом опять слушали тишину.

Мир, живущий под солнцем, в пещерную жизнь не вторгался.

Сели завтракать во второй раз.

Вдруг Груня отодвинула от себя еду и сказала:

— Надо же! Можно жить под землёй.

— Девочка! Голубушка милая! Мало того, что мы внутри нашего Облака. Мы в храме. Только церковные историки могут определить, когда этот храм тайно вырублен в горе, на которой селение. А возможно, здесь было безлюдье, монахи ушли жить под землёй, чтобы не соблазняться великолепием жизни. И вот мы здесь — в святом месте. Но открылось это место мальчику, совсем даже не монаху.

— Я всего один раз полную службу в церкви просидел, — сказал Ксаверий. — Нужного человека ждал.

— Скажем так, парень ты не очень религиозный, но храм тебе открылся.

— Мало ли? — сказал Ксаверий. — Это я великие деревья на кордоне у Груни и Верочки спас.

— Как это? — не поняла профессор.

— Он Богу молился, — сказал Женька быстро.

— И я Богу молилась, чтоб папа и мама были живы, когда остались на кордоне! — сказала Груня.

— Молилась я! — Верочка даже шлёпнула сестру ладонью. — Ты плакала.

— А я устал учиться, — объявил Ксаверий. — Давайте поговорим просто так. Про жизнь.

— Моя жизнь — дети, — сказала профессор.

— Но вы же ученый! — возразил Женька.

— Я профессор. Моё дело сообщать знания. Приготовлять молодых людей к работе учёного, мыслить, слушать, запоминать.

— А мы о наших великанах, которым тысячи лет, ничего не знали, зато очень любили всех пятерых, — сказала Груня.

— И закатам радовались, — напомнила сестре Верочка.

— На закаты смотреть — дело то ещё! — согласился Женька.

— А цель жизни у тебя есть? — спросил Савва Женьку.

— Хочу знать больше о Японии. Хочу знать тайну бонсаи и деревьев-великанов. Я хочу — пусть это смешно — чуда.

— А я хочу быть на каждой пяди земли! — объявил Ксаверий. — А раз это невозможно, я стану капитаном корабля, и все океаны будут мне как родня.

— У меня — семья, — сказал Роман Тимофеевич. — Мы нашли место, где жизнь идёт полезная, нужная. Чего ещё хотеть?

— А вы чего помалкиваете? — удивилась профессор на своих детей.

— Я буду математиком, — сказал Савва.

— Ничего себе! — удивился Ксаверий. — А помалкивал.

— Следующий урок проведёт Савва, — сказала мама Василиса.

— Я буду изучать, что под землёй, — сказал Валерий.

— А я — что творится в галактиках, — открыл Валериан своё желание.

— А я!.. А я!.. — подхватили малыши и — молчок.

— А я лётчиком уже был. Теперь буду жить на Облаке, — сказал о себе Добрыня.

И всем это понравилось.

О чём можно думать всю жизнь?

Свой урок Савва вёл после обеда.

— Пусть вам станет понятно: математика — не только предмет школьной науки. Математика — очень большой самостоятельный мир в жизни человечества.

Савва подумал, посмотрел в свою тетрадь.

— Я расскажу о трёх-четырёх математиках. В Александрии в 360 году нашей эры родилась, а в 415-м ушла из жизни Гипатия. Она философ,

астроном, математик. Её отец Теон тоже был математиком. А они оба — отец и дочь — разделяли убеждения философа Ямвлиха. Ямвлих написал девять книг о Пифагоре и о пифагорийцах.

Гипатия — автор комментариев к работе Аполлония по коническим сечениям и к работе Диофанта по арифметике.

Она не только учёный, изобрела ареометр — прибор для определения плотности жидкостей. Астролябия — это тоже изобретение Гипатии. Астролябия — прибор для определения широты и долготы в астрономии. Планисферу тоже изобрела она. Планисфера изображает небесную сферу на плоскости и позволяет вычислить восход и заход светил нашего неба. Архиепископ Александрии Кирилл направил на Гипатию фанатичное христианство, и толпа растерзала женщину-учёного.

Скажу несколько слов о директоре Парижской обсерватории Шарле-Эжене Делоне. Его именем названа кривая, которую он открыл, когда искал меридианную кривую поверхности вращения с постоянной средней кривизной. Делоне, жил в XIX столетии.

Назову ещё имя Николая Кузанского, немецкого учёного, жившего в середине пятнадцатого столетия. Он стал кардиналом, занимался богословием, астрономией, географией, механикой, философией, правом. Занимался проблемой бесконечности. Он искал разрешение спора о прерывном и непрерывном. Предложил свою реформу календаря. Составил карту Европы. Заложил основы наблюдательной и математической астрономии. Высказал идею о движении Земли. Пытался начертить карту мира.

— Ведь вон о чём можно думать всю мою жизнь! — громко изумлённо воскликнул Ксаверий и заткнул рот ладонью.

— Савва! Мне так понравился твой рассказ о людях математики! — похвалила сына мама Василиса. — Я решила рассказать о биологах. Вспомним великого Антуана Лавуазье. Он родился в 1743 году, умер в 1794-м. Один из основателей науки химии. Но знаете, какая у него самая знаменитая учёная работа? «Кислородная теория горения». Лавуазье показал: при

дыхании поглощается кислород, а выделяется углекислый газ. Что из этого следует? Наше дыхание подобно горению.

А ещё Лавуазье установил: вода есть соединение водорода и кислорода. Первым, кто на земле узнал об этом, был Лавуазье. Теперь это знают все земляне, кто учился в школе. Такое вот чудо.

После умных разговоров сделали зарядку и легли — сил набираться.

Женька смотрел в потолок. Но во тьме — тьма. Где он, потолок?

Осенило! Если церковь сооружена в восьмом веке, до Рюрика, до Олега, до князя Игоря и княжны Ольги, это же — тысяча двести лет тому назад!

На полу пещеры — пыль веков. Но, может, время запечатлется и в самом воздухе?

На поверхности земли перемен без счёта, а в замкнутом пространстве без солнца, без ночного неба время ничем себя не проявляет. Может, внутри горы времени нет?!

Наверное, Женька заснул.

Увидел блуждающий свет фонарика: девчонки пошли искать своё ведро.

...С девчонками ему было бы удобнее. Тайны, даже самые секретные, становятся явью.

Потрогал Женька обеими руками груди: растут.

В кино вон как хорошо бывает: тёмный экран и титры — «прошло три года».

Через три года... Через три года нынешнего Женьки не будет, никак быть не может.

И почувствовал боль... незнакомую внизу живота.

— Женья! — сказал себе Женька.

— Женья!

Три улыбки падишаха

А день всё длился. Женька дежурил на ступенях лестницы, когда все ужинали:

— Сидим здесь! От самих себя спрятались.

Затаивал дыхание, слушал. Ни звука за стенами.

Съел бутерброд с салом. Сало с чёрным хлебом — вкусно. Виноградный сок — молодой. Но тоже вкусно.

Пришёл Савва сменить часового.

— Все ждут твою сказку о коне с глазами, как сон ядовитой травы.

— Я про эту сказку одной Груне говорил.

— А Груня — всем, уж очень название крутое.

Женька поспешил в церковь, где его ждали. Здорово, когда тебя ждут.

Сказочнику оставили дольку торта «Чародейка».

Ксаверий спросил:

— Сначала — торт, потом — сказка? Или сначала — сказка, а потом — торт?

— Про ядовитые глаза и про сон! — потребовала Верочка.

— Я расскажу другую.

— Пусть другую, только Расскажи.

— Сказка короткая, а подумать придётся!

И Женька подёргал себя за мочку уха.

— Значит, так. Однажды на приём к падишаху пришёл бедно одетый человек. Встал в угол и ничего не просил. Падишах посмотрел на этого человека и погладил себя ладонью по голове. Человек поклонился падишаху и провёл ладонью по рту. Падишах погладил лицо, человек — горло. Падишах положил руку себе на живот, человек дотронулся рукой до ног.

«Я жалую просителю слиток золота!» — объявил падишах свою волю.

Казначей повиновался. Молчаливый человек принял дар и ушёл.

Советник правой руки ужасно рассердился и спросил падишаха:

— За какую такую службу ты так щедро наградишь безродного оборванца?

— За царскую! — улыбнулся падишах. — Я задал мудрому человеку три вопроса и получил три ответа.

— Но мы не слышали ни вопросов, ни ответов! — возразил визирь.

— Имеющий глаза — видит, имеющий ум — понимает, — улыбнулся падишах. — Я погладил голову, и мудрец понял мой вопрос. А я спрашивал: «Что больше всего нас угнетает?»

— «Неосторожное слово», — ответил мудрец. — «А кому грозит опасность потерять своё лицо?»

— «Тому, — ответил мудрец, — кто дни свои и состояние пропускает через горло». — «Но разве человек не раб своего желудка?» — спросил я. «Нет, — ответил мудрец. — На то и даны человеку ноги, чтобы искать и находить работу и ничего не пропустить из чудес белого света».

— Понятно, о чём сказочка? — спросил Женька.

Все помалкивали.

— И тогда падишах улыбнулся в третий раз:

— Вам тоже полезно запомнить изречённую перед вами мудрость: «Рот доведёт до беды, а ноги — до еды».

— Ай да Женька! — порадовался Добрыня.

— Ещё сказки есть? — спросила профессор Василиса.

— Давайте спать! — предложил Ксаверий.

— Завтра проснёмся, а все наши беды испарятся.

Тайны

Утром Ксаверий, как самый ловкий, выбрался из подземелья, а в доме Захар Захарович и с ним люди с ружьями.

— Откуда ты взялся? — изумился Захар Захарович.

— Из-под земли! — пожал плечами Ксаверий, будто являться из-под земли — дело уж очень обыкновенное.

И тут из чулана повалил народ Облака.

— Ай да Ксаверий! — радовался Захар Захарович. — Такое убежище нашёл. И как вовремя! Ваши незваные гости — люди нешумные, вежливые. Мы никак не могли взять в толк, куда они вас всех подевали, а когда поняли, что пришлые не знают, где вы, обрадовались и тоже были к ним вежливы. Объяснили: деньги на дом взяты из народной казны виноградарей. Отправили всех четверых в город, на самолёт, и все четверо обещали: без приглашения на Облако не навещиваться.

Пришельцы и впрямь были людьми вежливыми. Ничего не разбили, вещей не разбрасывали, но обыскивали все комнаты.

— Вероника! — объявил Ксаверий.

Никто не понял, почему он помянул Веронику. Женька повёл его на свой огород набрать созревших стручков гороха.

— Ты чего это про Веронику?

— Они не посмели разгромить наш дом. Вероника любит Облако, а они у неё вот где...

Ксаверий сжал кулак.

Женька молчал-молчал и сказал:

— Вероника Добрыню любит, а про твои камешки она ничего не знает.

Теперь молчал Ксаверий и тоже сказал:

— Вероника у них ханша. Ты бы видел закусон, какой она выставила у меня во дворце бандитам Хруста. Крабы прямо из Японии, раки — глазастые, из Италии. Как их там? А знаешь, какое кушанье было самое дорогое? Ни за что не догадаешься. Хвосты бобров.

— Ты пробовал?

— Крабов жрал от пуза. И этих самых... омаров! А вот хвосты были по счёту.

Загудел мотор. Приехал Добрыня:

— В машину, ребята! Захару Захарычу вы нужны в его доме.

У Захар Захарыча в большой комнате два незнакомца.

Ксаверий глазами показал Женьке на подоконник, а там — карабин и двустволка между горшков с цветами.

— Твоя охрана, — познакомил Захар Захарович Ксаверия с серьёзными людьми. — Всё, что у тебя в схроне, принесёшь сюда. Прятать будешь сам, но здесь надёжнее.

— Пойдём в час ночи, — сказал охране Ксаверий.

— Я вам велосипеды приготовил, — сказал Захар Захарович.

Ксаверий обрадовался.

— На велосипедах будет скорее, отправляемся в двенадцать. А теперь — поспать.

— Поспи. С Женькой у нас будут свои дела. — Захар Захарович отвёл Ксаверия в соседнюю комнату, охранники тоже решили подремать.

— Пока твой друг отдыхает, попьём чайку! — Захар Захарыч разлил чай по чашкам, поставил абрикосовое варенье.

Пили молча. Захар Захарович, взглядывая на Женьку, улыбался:

— Натерпелись, сидя впотьмах.

— Натерпелись, — согласился Женька. — Но те, кто искал Ксаверия, тоже, небось, призадумались: на Облаке — никого! Они, конечно, могли догадаться: все мы ушли под землю. Но Добрыня всё детство жил на Облаке, а про подземную церковь даже единого словечка не слышал.

— Я под боком Облака всю жизнь прожил, а об этакой тайне подумать не мог. Чем же вы занимались все эти дни?

— Учились.

— Учились?! — изумился Захар Захарович.

— По истории были уроки, по математике.

— Смелый вы народ. Прямо скажу, нервы у вас всех — хоть в космос посылай.

— Слетаем! — Женька пошутил и поёжился от своей шутки. Если бы их нашли...

И брякнул о подозрениях:

— Ксаверий думает: дом бандиты не разгромили, потому что атаман у них — Вероника.

— Вероника?! — Захар Захарович руками развёл.

— Ксаверий думает: она у местных воров — наводчица. Её богатые люди к себе зовут.

— Самые богатые, — согласился Захар Захарович и тотчас забыл о Веронике. — Вас, молодых, на Облаке теперь много. О чём вы мечтаете?

— Ксаверий хочет ступить на все пяди земли. А это невозможно, вот он и хочет стать капитаном корабля. Савва — прирождённый математик. Груня будет лес выращивать, а я останусь верным Облаку. Я пока редиску вырастил да чеснок, но теперь смотрю за бонсаями Вероники, посадил вашу глицинию. А быть хочу виноградарем — перенять все древние тайны древнего мира.

— Быть виноградарем — удостоиться благословения самого Господа Иисуса Христа. — Глаза Захара Захарыча стали «утренними». — Дело-то уж очень простое — любить землю, созданную Господом для виноградаря.

— Я много чего люблю, — признался Женька. — Но вы говорили о лучшем виноградаре

нашей земли. У вас с ним одинаковые имена и отчества. У него бы дело перенять.

— Всему своё время, — сказал Захар Захарович. — Пошли Ксаверия проводим.

Проводы получились короткие. Ксаверий встал с постели и спросил одно:

— А мне какую-нибудь пукалку не дадут?

— Тебе этого не надо. По безоружным не стреляют.

Захар Захарович сказал это строго.

Ксаверий встал на одну педаль велосипеда, подкатил к Женьке. Глянул быстро, сказал тихо:

— Ты мой друг. Навсегда.

Уехали.

Захар Захарович повернулся к Женьке:

— Ночь-то какая звёздная.

В руках у него был свитер:

— Утеплись. Наша пора тоже приспела.

Они пошли к зданию конторы винзавода.

Подземный город

Захар Захарович отомкнул входную дверь, дальше — дверь кабинета директора.

По краю огромного стола хвойные бонсаи.

Вероника, должно быть, очень даже втёрлась в доверие Захара Захаровича. А он отодвинул доску на столе. Ещё раз щёлкнул замком. И одна из колонн в кабинете развернулась, распахнулась.

— Прошу! — сказал Захар Захарович Женьке.

Лифт прямо-таки ухнул. «Самый настоящий полёт!» — подумал Женька.

Двери лифта распахнулись уж точно в неведомое.

Где они — Женька не понимал. Объяснения, хоть какого-нибудь, на ум не шло. Ещё одно подземелье? Но уж очень огромное. В обе стороны уходили цепочки фонарей. Света от них было немного.

В трёх шагах от лифта стояла машина без верха.

— Разворачивать электромобиль нам ни к чему. Сначала посмотрим, что перед нами, а потом — что оставили за спиной.

У Женьки глаза ко тьме привыкли. Рассмотрел другую сторону улицы.

Здание, возле которого стояла машина, — бочка! Чудовищная.

— А бочки — дубовые? — спросил Женька.

— Из дерева. Есть дубовые. Другие собраны из разных, но непременно замечательных пород.

Они проехали мимо бочек-гигантов и — стоп.

— Выйдем.

Перед ними открывалась узкая улочка. Это была улица бочонков и бочек.

— С танк! — определил размеры больших бочек Женька.

— А это истинные танки. Тут такой коньяк, на все армии Европы хватит.

— На китайскую не хватит?

— На китайскую не хватит! — тихонько засмеялся Захар Захарович. — Женья, таких коньяков французы не пивали.

— А королева Англии?

— Королева Англии — женщина серьёзного возраста. И наш коньяк давал бы ей силы жить, не чувствуя лет.

— Выходит, один такой бочонок, а он мне по пояс, стоит ого-го!

— Деньги принесут огромные бочки, а бочата⁶ — одарят неведомое это место людьми, чье дружество дороже иной короны.

Захар Захарович рядом с бочонком нашёл стеллаж, на котором лежали завернутые в паутину бутылки.

— Уж эти-то вообще бесценные? — спросил Женька.

— Бесценные, но я предпочитаю то, что проще.

Захар Захарович взял со стеллажа пустую бутылку из стекла.

— Здесь вмещается двести пятьдесят граммов, — открыл кран бочонка.

— Ксаверий спиртное пьёт?

— На Облаке ничего такого нет! — удивился вопросу Женька.

— А что-нибудь Ксаверий говорил о водках, о винах, о самогонках?

— Не приходилось слышать.

Они говорили о ненужном, но Захар Захарович хотел знать: пристрастился ли Ксаверий к вину, когда был бомжем, вором? Или когда жил в семье, где дети приносили так называемым отцу и матери деньги — вполне законные, от государства.

— Нет! Не пил Ксаверий вино и водку. Пробовал, — Женька говорил сердито. — Пробовать — это другое дело. Мы с Ксаверием жили в таком мире, где нельзя делать промашек. А чтобы их не делать, надо всё знать.

Женька оглядывал с ужасом невероятный мир, в который его допустил Захар Захарович.

— Бутылочка, которую мы нацедили, в Париже будет стоить не меньше сорока тысяч долларов, — засмеялся Захар Захарович, заворачивая электромобиль. — Явь, Женя, много дороже сказочных сокровищ. Бутылочку мы подарим Добрыне. Он вернул жизнь Облаку.

— А сколько же стоит бочонок, из которого мы отлили бутылочку?!

— Столько же, сколько сокровища пещеры Али-Бабы.

В голове у Женьки вихрь: «Если в бочке сорок тонн вина, а в тонне — тысяча литров... А в бутылках-то не литр, грамм семьсот. Это... это даже не город. Галактика. Вместо звёзд — бочки. В бочках живёт вино. Оно живёт совсем как человек. Всё время набирает и набирает ума, сил, соков жизни».

И тут Женька сказал вслух:

— Но вино-то — для людей.

Захар Захарович молчал.

Ехали, ехали. Стена. Наконец-то стена.

— Женя, главный секрет вина ведом только Создателю винограда. Вино люди пьют. Вино людей радует. Оно — напиток праздников. Хорошее вино открывает людям сердца, и они готовы любить друг друга, свою трудную жизнь и жизнь всего мира.

— А ведь я в сказке! — радостно сказал Женька. — Захар Захарович, ну ведь я не сплю. Я вас могу потрогать. Могу потрогать бочки.

— Добрыня мелочиться не любит. Его Облако с такими хлопцами, как ты и Ксаверий, для многих станет Горой Света. На Тайной Вечере Иисус Христос сказал апостолам: «Не

буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда с Ним в Царстве Отца Его будут ученики Его». Указывая на чашу с вином, когда все они ели Пасху, Христос открыл наитайнейшее таинство. «Сие есть кровь Моя нового Завета». Так что плоды винограда пригодны для Святых Даров. А Святые Дары — кровь и тело Христа — для всех православных христиан. Таинство животворящее. И наша будущая вечная жизнь.

Возле боковой улочки остановились.

— Здесь — кагоры. Церковное вино.

Захар Захарович подумал и заехал на улицу кагоров, а потом завернул в тупичок.

— В этих бочках — видишь, не очень велики, всего их тут семь — наш драгоценный белый мускат прекрасного камня. Особый, наш. Дегустация, Женя, великое искусство.

— Как же я хочу с Захаром Захаровичем... с настоящим!.. познакомиться! — Слово не воробей. Порхнуло. И Женька обомлел. — Я не про то! Вы, Захар Захарович, не просто хороший человек, вы — погоняло времени.

— Прав ты, Женечка! Мне ещё много успеть.

Поехали быстро. Машина остановилась там, где начали поход за тридцать земель.

— Мы будто на дне океана! — сказал Женька.

— Всплываем! — Захар Захарович завёл Женьку в кабину лифта.

Мгновение — в кабинете.

— Были, говоришь, на дне океана? А во рту ни капли.

Закрыли кабинет, пошли к дому. А в доме — свет.

В глубоком кресле дремал очень немолодой человек. Услышал шаги, поднялся из кресла навстречу Захару Захаровичу. Обнялись как родные.

— Выдающийся знаток драгоценных камешков, — представил Захар Захарович неведомо откуда взявшегося гостя.

— Иван Иванович! — назвал себя знаток.

Женька засмеялся:

— Я ожидал услышать другое имя.

— Это какое же?! — удивился гость.

— Ну, скажем, Хатаб-ибн-Шахир-Заде!
 — Ишь ты! — рассердился Захар Захарович.
 — Русскому человеку не доверяешь?

— Доверяю. Да только я спать хочу, и мне кажется, я давно уже сплю...

Захар Захарович взял Женьку за плечи, повернул к дверям, где спальня.

— Ложись. Утро вечера мудренее.

Женька ухнул на постель, содрал с пятки один ботинок, а другой пальцам не поддался.

— Ничего, — сказал себе Женька, — посплю, потом сниму.

И ему стало страшно...

Где он теперь проснётся? В пещере? В городе огромных бочек? В раю Масадировны или среди собак под лестницей...

Изумруды

Женька проснулся и лежал не шевелясь. Нога в ботинке. На другой ноге даже носка нет...

— Где я? Кто я? — Женька спросил себя как заскулил.

Спальня домашняя. Не у Масадировны. Эта жизнь — давняя.

Сбросил с ноги ботинок, стянул носок. В соседней комнате — свет.

Открыл дверь. Стол застелен белоснежной скатертью. На столе — зелёные камешки!

Ксаверия нет, его охраны нет. А камни уж до того зелёные, глаз не отведёшь.

Не отвёл — рассмотрел. Камешки зелены по-разному. Большие — с желтизной. Есть сине-зелёные, как море. Мелкие горят, будто звёзды.

— Что же ты не дотронешься до этого чуда?

Женька метнулся глазами по комнате.

Знаток камней. Сидит в глубоком кресле Захара Захаровича.

— Я гляжу. Камешки такие разные.

— Разные, — согласился камневед. — А какие тебе угодили своим цветом?

— Все, — сказал Женька. — Мелкие — как роса на траве или как звёзды.

— Изумруды Урала.

— Это изумруды? — удивился Женька.

Зелёные камешки родила Земля, Ксаверию — родная. Вот они ему и достались. Нежданно. Ксаверий жизнь знает, а продавать драгоценности не кинулся. Один камешек, правда, на кашу променял. Уж очень давно не ел...

И тут Женька вспомнил сон, может, всего-то минуту назад приснилось: Богородица в венце с изумрудом с антоновское яблоко.

Женька в Москве был один раз. Он пошёл в Кремль, чтобы видеть Москву. А чтобы видеть Кремль, был в Успенском соборе и в музее. А в музее показывают икону Богородицы с двумя огромными изумрудами. В семнадцатом веке украсили оклад. Выходит, изумруды, радующие Богородицу, изумляют русский народ вот уже триста лет.

— Эти тоже очень красивые, — Женька показал на камешки величиной с куриное яйцо.

— Но — другие.

— У тебя хорошие глаза, юноша! Это хризопразы. Совершенно замечательные.

Ювелир вдруг, как пёрышко, взлетел над креслом. Взял хризопраз.

— Этот камень — оберег от нечисти, от злых помыслов, от болезней. Очень сильный камень.

— Значит, у Ксаверия хризопраз надо выпрашивать.

— Если ты родился в мае.

— Мой месяц — лучший! — буркнул Женька. — Август.

— Твой камень из доступных — янтарь. Янтарь, юноша, запечатлел себя в смоле миллионы лет тому назад.

— Всё от солнца, — согласился Женька. — Солнце — свет, а свет, летящий по Вселенной, никогда не померкнет.

— Свет — творящая сила Господа.

Ювелир осенил себя крестным знаменем.

— Самое хорошее в истории с камешками — это Ксаверий. Теперь я точно знаю: он — человек правды. А почему его нет?

— Спит, — знаток камешков улыбнулся. — У тебя, мне так кажется, есть желание побыть один на один с камешками.

— Точно! — даже удивился Женька.

— Я пойду подышу бризами, а ты побудь с ними.

О камешках как о живых сказал.

Шашлык

Женьке очень хотелось побыть одному. На столе рассыпью — драгоценные камешки. Их много, и это мешает тайне. Тайна, уж такая тайна! В каждом камешке. Но когда их много, они затаятся и не пустят в своё чудо.

А перед глазами — город огромных бочек.

По деньгам — тут и считать не надо. Но камешки и город с улицами драгоценных вин — уж такая тайна — не меньше государственной.

— А ты — девочка! — нежданно сказал себе Женька, и снова боль резанула по низу живота.

На дворе громко позвали:

— Захар Захарыч! Дай из твоих запасов гурбагон⁷ корявенького...

— Лоха?

— Нет, Захар Захарыч. Того самого...

— Саксаула?

— А разве нынешняя ночь не чрезвычайная? Женька обомлел: Вероника. Она! Это она!

А в комнату вошёл знаток камешков.

— Во дворе Вероника? — спросил Женька.

— Вероника.

— А что она делает?

— Готовит шашлык.

Женька изумился, пошёл в спальню, обулся, умылся. А ювелир, это Женька чувствовал, ждёт рассказа о камешках, какой они вели разговор с мальчишкой.

Сказал правду:

— У меня глаза разбежались. Нужен один!

Знаток камешков радостно изумился:

— Ты говоришь, один?!

— Когда их много, они молчат.

— Молчат, — согласился ювелир. — Однажды мне открылось: изумительные узоры, хранящиеся в камнях, не случайность. В оные времена Святой Дух запечатлел эти образы на камнях, лежащих в недрах земли. А Творец

сохранил образы, рождённые в Душе Иисуса Христа, когда тот смотрел на воды Тивериадского моря. Человек, юноша, — подобие Господа Бога. Любуясь зеленью весны, наши дедушки одаривали своей любовью небо, землю и дорогих им людей. Господь запечатлел и эту красоту навеки.

Когда человек находит сегодня драгоценные камни, в нём возникают образы любви, творимые Божьей красотой в этом мире.

— Это такая сказка? — спросил Женька.

— Это было.

— Про Святого Духа над водами я думал точно так же.

Дверь отворилась, и Захар Захарыч позвал:

— Шашлык готов!

И Женька вдруг почувствовал, как в груди у него растёт. В груди — сердце. Он сам превращался в сердце.

Вышел под небеса, а на земле — Вероника.

Вероника объятия распахнула, подбежала, расцеловала.

А Женька стоял как пенёк. Провалиться бы сквозь землю — земля даже не прогибается. Как же стыдно — быть счастливым, когда знаешь очень плохое о человеке, которого любишь. Какое это несчастье — знать худшее и всё-таки любить.

И вот все под огромным атласским кедром. Стол из волнистой березы, будто река, дотронешься — шёлк.

— О, Вероника! — Захар Захарыч воздел руки к небу. — Я запахом твоего шашлыка уже сыт, но глаза, как звери, тянутся к мясу.

— Шашлык нашей Вероники потому и магнит, что он всегда у неё неповторимо другой! — ювелир тоже был говорун.

Женька смотрел в стол, боялся встретиться глазами с Ксаверием: он ведь видел обнимания.

— Похваливая шашлыки, мы никогда не говорим об огне, — сказал Захар Захарыч. — Сколько их было изумительно синих язычков над благородно пепельными углями. А они, угасшие, нежданно набирались потаённого огня. Вот только до сих пор не смог понять, о чём нам говорит огонь погасающих огней.

— Ребята! Ешьте и радуйтесь! — замахала руками Вероника. — Огонь на углях, тайны гастрономии. Вы ещё расскажите, какой оттенок придаёт шашлыку дыхание шашлычника. У всех нас праздник, а для меня этот праздник — лучшее, что есть в моей жизни.

— Дыхание шашлычницы — особая статья! — согласился Захар Захарович. — Но пришла пора объявить: наш «Воробушек» летит к нам на всех парусах.

— Где он? — спросила Вероника.

— Сообщение пришло краткое: «Доставил груз на Мальту — лечу домой».

— До Мальты — ого! — сказал Женька. — В Средиземном море.

Ксаверий, прищутив глаза, смотрел на Веронику, на Захара Захарыча, но сказал осторожно:

— Воробьи через море не летают.

— Не летают! — согласился Захар Захарович. — Да наш воробушек — герой. Это его третий поход вокруг земного шара.

— На «Воробушке» не паруса, у него крылья, — сказала Вероника и вышла из-за стола. — Я... одну минуточку.

— Заплакала, что ли? — удивился Женька.

— Капитан «Воробушка», — шепнул Ксаверию и Женьке Захар Захарыч, — родной муж Вероники.

— Родной? — удивился Ксаверий. — А как это?

— Женишься — поймёшь! — пообещал ювелир.

— Мы спустили на воду нашего красавца с тремя мачтами, спасая деньги, — сказал Захар Захарович. — Собирались отправлять на отдых лучших людей совхоза. Что может быть лучше плавания по морям и океанам?

— А вы покажите земной шар жителям Облака! — сказал ювелир.

— Покажем, — Захар Захарыч сказал это уж очень просто.

— Всем? — изумился Ксаверий.

— Всем, кому качка не страшна.

— А почему такой удивительный корабль — «Воробей»? — спросил Женька.

— Самая верная птица русского народа, рус-

ской земли. Не только летом, но и в крещенские морозы с нами. Орлы, альбатросы, буре-вестники. А у нас — «Воробушек». Раз-два — и облетел планету.

— Женья, — Вероника улыбалась радостно, — ты что это помалкиваешь? Расскажи, как вам живётся.

— Одну минуту! — Добрыня перегнулся через стол. — Ксаверий, ты о своём деле подумал?

— Подумал.

— Если готов, пошли.

Ксаверий показал пальцем на Женьку.

— Пусть он тоже... с нами.

И Женька второй раз в сутки отправился в сокровенное место.

Сокровенное место

Сокровенное место Ксаверий нашёл в зарослях терновника. Кто-то когда-то в скале — а земля, где Облако, — сплошная скала, — прорубил то ли дорогу, то ли нишу для жилья или хранения урожая. Рукотворное ущелье подводило к открытой широкой пещере, где, скорее всего, держали овец.

Ракушечник золотистый, камень, под который Ксаверий хотел спрятать клад, — большой, белый.

— Как фонарь! — сказал Захар Захарыч.

— Зато не забудешь места.

— Ты обалдел, что ли? — удивился Женька выбору Ксаверия. — Тут охотники могут стоянку устроить, всякие туристы. Копнут — и прощай!

Подумали, решили устроить тайник в пещере. Место и сокровенное, и надёжное. Ксаверий согласился.

Когда возвращались домой, Женька сказал Ксаверию.

— Эх ты! Веронику в бандитки записал.

— Не сердись! — Ксаверий смотрел на Женьку весело. — Я, может, от обиды. Уж очень она к тебе привязана. Вот только почему?

— Потому что я... Женька. Вам этого не дано понять.

— Конечно, Женька! — пожал плечами Ксаверий. — Кто же ты ещё?..

А вечером Женька лёг наконец-то в свою

постель. «В свою!» — так и сказал себе вслух. Но ведь на пальцах рук можно было посчитать, сколько раз он ложился в эту свою постель.

И всё-таки она была своя. Как Облако. Как Добрыня и Ксаверий, как профессор Василиса со своим выводком.

— Как звездочёты в обсерватории! — вслух подсказал себе Женька. — Как самое сокровенное место на белом свете.

Перед глазами тотчас встала Вероника. Потом — Захар Захарыч. Захар Захарыч уж очень свой.

— Ая — девочка! Пусть меня любят о-о-очень! Как этого Женьку. Я ведь буду любить всех вас в тысячу раз сильнее. Девочки любят всё, что есть на белом свете, в тысячу раз сильнее, сильнее этих...

Засмеялась... Женька засмеялся.

— Я — та ещё штучка! Вы до сих пор не знаете, кто я.

И охнула: низ живота пронзила боль. Женька догадывалась, что это такое.

— Я — пришла.

Заснула. Или всё ещё заснул?

Слово

Утром Ксаверий сказал Женьке:

— Я сегодня спал как ни в чём не бывало.

— Бывало, — не согласился Женька.

Они стояли на крыше, где у них телескоп и труба, улавливающая звуки заката.

— Почему эта штука не ловит световые волны восхода? — удивился вдруг Женька.

— Восход и закат не одно и то же! Учёные на горе наверняка работают! — Ксаверий обнял Женьку за его такие аккуратные плечи. — Всё у нас теперь будет навсегда: и горы, и море, и на море «Воробушек». Глициния, лес лилипутов. У нас церковь теперь!

— Ксаверий, для меня ты — что чудо.

— Чудным кажусь?

— Не чудным. Ты ведь Богу никогда не молился, а Бог тебе открыл пещеру, в пещере — церковь.

— Я бы молился... Ни одной молитвы не знаю.

— Возьми молитвенник. Прочитай молитвы утренние, молитвы вечерние. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Вот самая первая молитва. «Боже, милостив буди мне грешному». Вторая молитва.

К ребятам вышла профессор Василиса.

— Мальчики, одевайтесь и — завтрак. Сегодня начинаем учёбу. У нас прибавление. Ночью приехали учитель, учительница и три ученика: два мальчика и девочка. Семьи у ребят погибли в горячей точке. Будьте внимательны к новым товарищам.

С новичками познакомились на завтраке.

— Каждый расскажет о себе сам, — объяснила профессор Василиса.

Оба учителя — люди немолодые. Обсерватория — прибежище старцев. Правда, жизнь преображалась. Прислали директора. Женщину. Ей нет сорока, но уже член-корреспондент академии наук, а родом — княжна.

— Арнольд Рихторович! — назвал себя учитель. — Я ваш учитель английского, французского и всей русской словесности. Если будут желающие, создадим кружок любителей санскрита. На солнце тоже будем смотреть вместе.

На учителя — рубашка с короткими рукавами. Лицо загорелое, плечи держит развёрнуто.

Учительница — в строгом костюме:

— Александра Семёновна! Буду преподавать математику. Специалист по туманностям.

Новые ребята устали друг на друга и молчали. Тогда поднялась девочка.

— Аня. Через месяц мне исполнится тринадцать лет. Учусь в седьмом классе. — Села, но тотчас встала. — Великоречина.

— Петров. — Парень стоял набычась; у Ани — тяжёлые чёрные косы, чёрные брови, чёрные глаза, а Петров — белобрысый. — Мне четырнадцать. Хожу в восьмой.

Покряхтывая, поднялся третий новичок:

— Я обыкновенней даже Петрова. Иванов Вася Иваныч. Восьмиклассник. Задачи шёлкаю как орешки. Книжки не читаю.

— Завтракаем и — на занятия! — сказала профессор. — Петров, назовите своё имя.

— Я хоть и Петров, но Лев.

Все засмеялись. Петров, должно быть, весёлый человек.

Женька, Ксаверий, Груня, Валерка с Валерианом оказались в шестом. Аня, хоть и семиклассница, получила место в их классе.

Занятия в настоящей уже школе, в настоящей классной комнате начали с литературы.

— Учить мы будем русский язык, — сказал шестиклассникам Арнольд Рихторович. — Русская литература — это и есть русский родной нам язык. Поэт Николай Гумилёв, «Слово»:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

Учитель повёл глазами по своим ученикам.

— Кто-то может продолжить стихи Гумилёва о Слове?

— Мне Масадировна читала этот стих, — сказал Женька.

— Стих — одна строчка... Надо говорить «стихи», — Арнольд Рихторович посмотрел с любопытством на Женьку. — Продолжить можете?

— Могу попробовать. С той поры я стихи не повторял. Как вы сказали?..

— «Слово проплывало в вышине»...

— А-а! — Женька будто обрадовался.

*А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передаёт.*

Мы ему поставили пределом...

— Не-е! — замахал руками. — Пропустил.

*Патриарх седой, себе под руку
Подобравший и добро, и зло,*

*Не решаясь обращаться к звуку,
Тростью на песке чертил число.*

Женька замолчал, вспоминая. Арнольд Рихторович пришёл на помощь:

*— Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это — Бог.*

Читал стихи сильно, красиво. И Женька подхватил:

*— Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.*

И от себя добавил:

— Все слова должны быть живые. Они — жизнь.

— Слово — жизнь народа, — согласился учитель. — Русское слово — жизнь русского народа.

Достал из портфеля несколько книг.

— Прочитаю небольшие рассказы. Произведение называется «Бедные люди». Написано в виде писем.

«Бесценная моя Варвара Алексеевна! Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив. Вы хоть раз в жизни, упрямица, меня послушались. Вечером, часов в восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я часочек-другой люблю поспать после должности), свечку достал, приготавливаю бумаги. Чиню перо, вдруг невзначай поднимаю глаза, — право, у меня сердце вот так и запрыгало!»

— Тут можно было остановиться, — учитель улыбнулся. — Но вам, думаю, интересно узнать, отчего запрыгало сердце у пишущего это письмо. Продолжаю.

«Так вы-таки поняли, чего мне хотелось, чего сердчишку моему хотелось! Вижу, уголок занавески у окна вашего загнут и прицеплен к горшку с бальзамино. Потихонечку так, как я вам тогда намекал! Тут же показалось мне, что

и личико ваше мелькнуло у окна, и вы ко мне из комнатки вашей смотрели, что и вы обо мне думали».

А вот другое произведение. Рассказ называется «Под снегом».

«Удалось слышать, как мышь под снегом грызла корешок».

— И всё? — спросил Ксаверий.

— А разве здесь мало сказано? — улыбнулся Арнольд Рихторович.

— В первом рассказе было о чувствах.

— О чувствах... Кто-то узнал писателей, мною прочитанных?

Молчали дружно.

— Достоевский и Пришвин. Достоевский в нескольких предложениях сумел написать образ, видимо, незначительного по своему положению чиновника. Его влюблённость, его искренность. Пришвин в одной строчке рассказал о русской зиме в лесу, о жизни лесного населения, но главное, о человеке, которому важно было услышать, как мышка грызёт корешок под снегом.

— Всё видишь, — сказал Женька.

Подняла руку Груня.

— Я думаю, первый рассказ — о печальном. А рассказ Пришвина хоть и зимний, но солнечный. Снег выпал ночью. Снег лежит пышно, а у мышки в норке своя жизнь идёт.

— А наша с вами жизнь привела нас в дом великой русской литературы, — сказал учитель. — В нашей литературе такое множество замечательных писателей, что любить надо весь этот необъятный материк. Но помните, главное, что дают нам книги: Слово.

Прошёл между столами и сел рядом с Ксаверием.

— В конце наших уроков мы будем читать стихи, какие помните. Кто первый?

Встали Валерка и Валериан.

— Вы что, вдвоём будете читать? — спросил Арнольд Рихторович.

— Первым буду я, — сказал Валериан. — Чтение с жестами.

Арбуз, что из земли тянул нещадно соки,

*Что более других лежал на солнцепёке
И вырос до такой величины...*

Тут Валериан изобразил руками огромное пузо.

*Что все другие кавуны
С ним оказались неравны.*

Это было сказано быстрой скороговоркой, а вот строку:

Перед собратьями своими возгордился.

Валериан читал, изображая важного, всех презиращего человека.

«Я тяжелее всех, каков же я на вкус?!

Всяк скажет про меня: «Арбуз так уж арбуз!..»

Так до тех пор он хвастал и кичился,

Пока в хозяйских вдруг руках не очутился.

А как попал под нож,

То оказался уж не так хорош,

Что толку, что велик? Велик, да толстокож!

На цвет? Да как сказать, не бел, но и не красен.

На вкус — трава травой...

— Чья это басня? — спросил Арнольд Рихторович.

— Да, конечно, Сергея Михалкова!

Валериан был уж очень доволен своим успехом.

Ксаверий сказал ему без всяких шуточек:

— Перепиши слова и жесты покажи. Я тоже хочу, чтоб так смеялись.

Прозвенел звонок. Учитель остановил поднявшихся из-за стола учеников.

— Ребята, Валерия мы всё-таки слушаем. Перемена большая.

Валерий встал, по щекам пот, глаза испуганные, прочитал стихи, глядя на свои ботинки.

Из земли в час вечерний, тревожный

Вырос рыбий горбатый плавник.

Только нету здесь моря! Как можно!

Вот опять в двух шагах он возник.

Вот исчез. Снова вышел со свистом.

— Ищет моря, — сказал мне старик.

*Вот засохли на дереве листья —
Это корни подрезал плавник.*

Чтец поднял голову, вытер ладонью пот и улыбнулся:

— Поэт Юрий Кузнецов.

— Вот оно какое, русское слово! — Ксаверий обе руки поднял над головой и потряс ладонями.

Нежданное объявление

Ипошли сентябрьские дни. Уроков у них было всего четыре: литература и русский. Обязательно писали короткий диктант. Изучали творчество и жизнь писателей. Причём если своих, так представителей разных эпох. Сегодня — Пушкин, а завтра — Твардовский. Сегодня — былина «Добрыня Никитич и змей», а завтра — Плещеев.

*На сердце злора накопела
От заученных этих фраз!
Слова, слова! А чуть до дела,
Ни сил, ни воли нет у нас!*

*Как мы сочувствуем народу,
Как об его скорбим нуждах!
За правду мы в огонь и в воду
Идти готовы... на словах.*

Раз в неделю — чтение зарубежных писателей. Прочли «Тихого американца» Грэма Грина, прочли Лонгфелло в переводах Бунина.

*Если спросите, откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем...⁸*

Математика шла строго по учебнику.

По биологии изучали травы, росшие на Облаке и в степи, скелет человека. Ставили опыты по химии и тотчас решали химические задачи.

Историю начали с князей, за один урок прошли время Рюрика, Игоря и Ольги. Потом взялись за скифов, за амазонок.

В историю вкраплялась география. Изучали карту, надо было твёрдо знать материки, океаны и семь рек: Миссисипи, Нил, Амазонка, Дунай, Волга, Енисей, Амур.

Ксаверий, простак Лев Петров, Вася Иванов и Савва собирали плоды — дикие, и дрова — сухие. Аня помогала профессору Василисе на кухне. Остальные были под командой у Женьки. На огороде работали. Землю строили.

За солнцем наблюдения у них постоянные, каждый день небо безоблачное. Туманности показывала ребятам Александра Семёновна.

А вот закаты слушать стали забывать. Правда, и закаты уже не те, что летом. Звуки трубы звучат глухо, из далёкого далёка.

В тот вечер закат растекался по горизонту совсем уж неохотно, Женьке было не по себе, ждал боли. Труба гудела успокаивающе и необъятно.

— Спать буду хорошо! — сказал Женька трубе, но проснулся среди ночи.

Лежал затаясь, потому что жданное стало явью.

Он — игра, придуманная с горя Масадировной. На белом свете жила-была она...

Вставать надо... Постельное бельё приготовлено. Надо поменять и заняться собой.

И не шевелился. Чудилось: над кроватью навис кожаный мешок воздушного шара. Мешок наполняется, но не воздухом — пережитым.

Женьку обьял весёлый ужас. Он думал... о платье.

Платье тотчас приснилось: не сказочное. А вот какое — не рассмотрел.

Она была в платье — и ни единого зеркала. Только где всё это происходит?

Женька понимала — он тоже был согласен — пришла пора открыться... мамам. Маме — профессору Василисе, маме — Александре Семёновне.

А Добрыня? Добрыня — папа. Он любит Женьку, а тут тебе здарсьте: Женечка.

Вероника у своего капитана на «Воробушке».

— Богородица! — позвала Женька.

Выметнулась из постели к окну. Открыла окно.

Сияющий омут, в котором крутит не воду, а звёзды.

Что-то искала среди звёзд. Сказала Большой Медведице.

— Я рожу мальчика!.. А может, всё-таки девочку?.. — засмеялась: — И мальчика, и девочку!

Женька напустила звёзд в комнату, легла и заснула. Снилось ей солнце. Утреннее.

Во время завтрака профессор Василиса объявила до того буднично, что никто не обрадовался:

— После занятий — час на сборы. Следующий урок биологии пройдёт на море, урок истории — в древнем Константинополе.

Дежурным чтением во время завтрака была Груня. Ей досталось читать из книги писателя Шергина сказ о кормщике Устьяне Борода-том.

«Шёл Устьян Бородатый на промысел в летних судах. Встречная вода наносила лёд. Тогда Устьяновы кочи притулились к берегу. Довелось ждать попутную воду у Оленицы. Здесь олений пастух бил Устьяну челом, жаловался, что матёрый медведь пугает оленей.

Устьян говорит:

— Дитятко, некогда нам твоего медведя добывать: вода не ждёт. Но иди к медведю сам и скажи ему русской речью: «Русский кормщик повелевает тебе отойти в свой удел. До олених участков тебе дела нет».

В тот же час большая вода сменилась на убыль, и Устьяновы кочи тронулись в путь.

А олений пастух пошёл в прибрежные ропаки...» Здесь стоит звездочка, — сообщила Груня. — Слово «ропак» означает нагромождение льда, — и повторила текст: «пошёл в прибрежные ропаки, где полеживал белый ошкуй. Ошкуй видит человека, встал на задние лапы. Пастух, мало не дойдя, говорил Устьяново слово:

— Русский кормщик велит тебе, зверю, отойти в твой удел. До олених участков тебе, зверю, дела нет.

Медведь это слово выслушал с молчанием, повернулся и пошёл к морю. Дождался попутной льдины, сел на неё и отплыл в повеленные места».

— Вот она какая, сила русского слова! — повторил Ксаверий и предложил профессору: — Мама Василиса, разрешите собраться теперь, чтобы не думать на уроках о сборах.

Профессор согласилась.

— А куда нас поведут? — понять не могла Груня.

— В Истамбул! — объявил Ксаверий.

— Профессор Василиса другой назвала город.

Ксаверий развеселился.

— Когда ты сообразишь, что Константинополь и Стамбул — один и тот же город, мы как раз воротимся из поездки и расскажем тебе, что видали, и подарок тебе привезём.

— Сама куплю! — обиделась на Ксаверия Груня.

Зеркальный штиль

Стоять под мачтой летящего по волнам корабля — у Женьки слёзы кипели в сердце!

В парусах — звоны морского ветра. Уши звонов не слышат, но между лопатками сладкая дрожь.

Пространство кораблю противится, да только Женька — единое существо с «Воробушком».

Стихия земли, стихия моря, стихия неба — оборачиваются мгновениями. Мгновения разделить невозможно. Корабль рассекает носом неведомое, и оно тотчас прожито, отлетело в минувшее.

— Это же всё — стихия времени! — догадался Женька. — Время во власти «Воробушка» и в его собственной власти.

— Сродни! — сказал Добрыня.

— Что сродни?

— Летать на самолёте и резать волны кораблём. Только самолёт, на котором летишь, — двукрылая «аннушка».

— «Аннушки» летали, а нынешние — ракеты — пульнули, и ты пронзил заданное тебе пространство.

— Цивилизация, Женька! — Добрыня улыбнулся грустно. — Задача поставлена крутая: человек будет звёздам своим.

— Потом — галактикам, потом — вселенным. Раз — потом, два — потом и до бесконечности.

— Женька! Какой же ты мудрец! — удивился Добрыня.

— Мудрец у нас Захар Захарыч! — и тут Женька спохватился: — А ведь ещё есть Захар Захарыч. Главный винодел.

— Захар Захарыч — загадка большая-пребольшая, — согласился Добрыня. — Пошли досыпать.

Женькин кубрик — на четверых. Женька и Валериан спали на верхних койках, Валерка и Ксаверий — на нижних. Лёг, заснул, а будто не спал.

— Проснулся? — спросил Ксаверий Женьку.

— Не знаю. С тобой поспишь. Как упырь чмокал губами.

— Из кокоса молоко пил, — вспомнил сон Ксаверий. — Стоим, что ли? Уж очень тихо.

Женька прыгнул на пол. Уже в шортах, в безрукавке. Сел на край постели Ксаверий. А сандалии в руках держит, словно забыл, зачем они нужны.

— Ты чего? — спросил Ксаверий.

— Я знаю дверь в тридевятое царство.

— А ну тебя!

— Догоняйте! — и Женька выскочил из кубрика.

По лестнице вверх на палубу, а вместо моря — зеркало.

Паруса повисли. «Воробушек» на лету замер.

И Женька замер.

— ...По шкале адмирала Бофорта — зеркальный штиль. Скорость ветра от нуля до двадцати сантиметров в секунду. — Женька повернулся на голос: капитан корабля. — Кто-то из наших пассажиров — счастливчик! Такое море — редкость.

— Ксаверий! — решил Женька. — Это ведь Ксаверий нашёл подземную церковь. Нашу спасительницу.

— На таком корабле все счастливые! — ска-

зала, поднимаясь на палубу, профессор. — Мы собирались провести на море урок биологии, но будет правильнее получше подготовиться ко встрече со Стамбулом.

— На корме удобно! — предложил капитан.

— Урок перед завтраком! — объявила Василиса.

— Кто знает имена города, где мы будем уже завтра?

— Царьград! — Ксаверий, как всегда, всех опередил.

— Стамбул! — сказали разом Валерка и Валериан.

— Истамбул, — поправил братьев Савва. — Ну и, конечно, Константинополь и Византий.

— Три имени — три жизни, — сумничал Ксаверий.

— Жизней больше, — сказала профессор, — но три из них — выдающиеся. Византий — город эллинов. Его поставили на Европейском берегу Босфора. Это было в 660 году до нашей эры. Жизнью эллина Византий жил 990 лет. В 330 году василевс Константин Первый дал городу своё имя — Константинополь. Константинополь — столица Византии, государства знаменитого в истории, но на самом деле никогда не существовавшего. Византийцы именовали себя ромеями, а свою империю — Ромея. Ромея — восточная часть Римской империи и самостоятельным государством стала в 395 году, когда умер император Феодосий II.

— Столько вопросов завальных для «Что? Где? Когда?», — вставил своё словечко Ксаверий.

Профессор Василиса объявила:

— Византией историки называли государство православных христиан, когда Константинополь превратился в Стамбул.

— А Василиса — это же от василевса! — догадался Женька. — Вы — наш василевс.

— Давайте сначала с историей разберёмся, — попросила ребят профессор. — Можно считать началом Византии 324 год, год Никейского собора, когда Константин разгромил на Церковном соборе ариан, не признавших Иисуса Христа Богом.

В 330 году Византия приняла законы, по которым православные христиане стали хозяевами своей страны. Столицей Православия был объявлен Константинополь.

Вторая жизнь города закончилась через тысячу сто двадцать три года. Турки осадили и взяли Константинополь в 1453 году. С той поры это столица Османской империи. Стамбул.

Но в 1923 году Ататюрк объявил Турцию республикой, столицей сделал Анкару. Это тоже древний город, он известен с седьмого века до нашей эры. Стамбул остаётся, однако, духовным центром турецких мусульман. И всемирным — для Православия.

— Выходит, четвёртая жизнь Стамбула началась с 1920 года? — спросил Савва.

— Не четвёртая, а пожалуй что шестая, — уточнила профессор Василиса. — В 1204 году город захватили крестоносцы. Это был четвёртый поход европейских рыцарей. В Константинополе они основали Латинскую империю. Власть и все богатства достались венецианским купцам. Но в 1261 году византийцы вошли в союз с Генуей и вернули себе Византию.

— Выходит, Латинская империя существовала пятьдесят семь лет, — подсчитал Савва. — И ещё 192 года — опять была Византийская, а на самом деле Генуэзская.

— Теперь мы её завоюем, — объявил Ксаверий. — Любовью.

— Это хорошо, что любовью, — согласилась профессор. — Но в России недаром Константинополь и Стамбул называли Царьградом. Русские православные люди своей духовной столицей почитали Царьград.

Во время войны с Германией в 1914 году Николай II и его генералы готовились к покорению Стамбула. Помните буденовки у красноармейцев? Это же шлемы, а на шинелях были нашиты красные полосы. Похоже на древние русские латы. Эту форму придумал художник Виктор Михайлович Васнецов. Форма была приготовлена для входа нашей армии в Царьград. Но от холода она спасала красноармейцев. Красная армия была в дружбе с Ататюрком.

Урок закончили, пора завтракать, а чудо зеркального штиля дороже утреннего кофе и

умных уроков.

Женька смотрел на воду один. Его нашла Аня — новенькая.

— Ты так смотришь на море... Чего-нибудь углядел?

— Я знаю самое важное. Случайного не случается. Это зеркало отражает я не знаю что, но для кого-то — очень нужное.

— Богу?

— Может, Богу. Может, архангелам или каким-то стихиям.

— Каким стихиям? — не поняла девочка.

— Стихии времени. Стихии покоя. Каждое мгновение неповторимое. Нам теперь чудится: море не движется, и корабль не движется. Но в это же самое время мы с огромной скоростью летим через Вселенную.

Аня смотрела на Женьку с изумлением. И вдруг сказала:

— А я с тобой согласна.

— И я согласна! — Женька брякнул, улыбнулся и пошёл к себе.

А исподтишка всё-таки посмотрел: удивилась Аня или мимо ушей пропустила?

Василевс-простак и василевс-мудрец

Ладонью море зачерпнул: вода родниковая. Кристалл алмаза. Женька засмеялся: алмазов он в руках не держал.

Опустил голову в Чёрное море, а оно до того синее — праздник. Столп света летит в глубины, как в просторы небесные. Ведь до самого дна — кристалл. Ан нет! Не пускает в свою тайну.

Фыркнул Женька не хуже кита.

— Ксаверий! Ты только представь себе: мы купаемся посредине Чёрного моря!

— Чего тут представлять! — положил на зеркальную воду ладонь. — Видишь, я Чёрное море погладил, а теперь глажу самого себя. Посредине моря. И земли посредине!

— Под пузом у тебя две тысячи пятьсот метров... глубины.

— Ох ты! — Ксаверий и впрямь обомлел.

Плывать все умели, но на каждом — спасательный жилет. Открытое море. Перед купа-

нием была вахта: драили палубу. За Петровым да за Васей Ивановичем даже Ксаверий не мог угнаться. Ребята прошлое лето ходили на «Воробушке» юнгами. Они и на мачты поднимаются. Обучение прошли.

Накупались и — снова учиться. Профессор Василиса рассказ о василевсе Юстиниане начала с василевса Юстина.

— Юстин не умел читать. Вместо подписи прикладывал к документам дощечку с прорезью и прорезь закрашивал чернилами. Появлялось слово «читал». Юстин — родной брат крестьянина Савватия. Жена Савватия тоже крестьянка боголюбивая — Виглениза. Великий Юстиниан — их сын. При крещении ему дали имя Пётр. До двадцати лет он тоже был крестьянином и, как его отец и дядя, неграмотным.

— Но все василевсы — багрянородные! — возразил профессору Женька. — Багрянородные с младенчества носили красную обувь. Царскую. Если брат Юстина — крестьянин, Юстин не мог быть василевсом. И Юстиниан тоже...

— Жизнь разумнее придворного этикета, — сказала профессор. — Юстин начал службу василевсу простым воином. Однако во всех битвах выказывал столь замечательную храбрость, что его любило всё войско Константинополя. А василевса радовал дар Юстина: сражаясь, этот воин видел всё поле сражения.

— Прирождённый полководец! — вставил словечко Ксаверий.

— Государь награждал Юстина за его подвиги чинами, но более всего ценил преданность, и произвёл крестьянского сына в комиты над экскувитами — а это личная гвардия василевса. Солдату Юстину не завидовали. Он, близкий к императору вельможа, оставался простаком. Не искал дружбы среди знатных семейств. Все его приятели были братья по пролитой крови в сражениях. Женился Юстин на конкубине. Конкубина — это рабыня-наложница. У жены Юстина три имени. Имя конкубины — Лупания. Избранный в василевсы Юстин венчался на царство, но он и жену свою венчал в императрицы. Её царское имя — Евфимия. Когда

Юстина не стало, государыня постриглась в монашеский чин, и церковь почитает её как святую императрицу Маркиану.

Прозвенели склянки, и профессор Василиса отпустила учеников посмотреть на закат, отражённый зеркалом моря.

Когда снова собрались на корме, Женька встал и попросил:

— Профессор Василиса, вы ещё нам расскажите о Юстине-простаке.

— Да, жизнь Юстина похожа на сказку. В его жизни василевса всё было просто. Как жил солдатом спроста, так и царствовал проще некуда. В государственных делах ему помогал Юстиниан. Будучи вельможей, комит экскувитов для своей семьи сделал всего одно доброе дело. Племяннику Петру исполнилось двадцать лет, и он взял его на службу василевсу. А чтобы все забыли о Петре-крестьянине, усыновил его. Так явился на белый свет Юстиниан.

Профессор Василиса вдруг стала грустной. Смотрела на море, и все смотрели на море.

У Женьки сердце ворохнулось. Глянул на Ксаверия, а тот на профессора такими глазами уставился, как младенец — на маму.

«И ты — простак! — улыбнулся Женька. — А я? Не простак, что ли? Облако Бог простакам послал, как Юстину — царство».

Профессор вздохнула и вернулась в нынешний мир.

— Не думайте, ребята, что жизнь людей, близких к государям, сплошной мёд. Государь прогневается, и весь гнев падает вдруг на голову слуги или даже министра, который на глаза попался. Василевсы далеко не все были верующими во Иисуса Христа.

— Они же древние греки! — сказал Ксаверий. — У них — Зевс, у них — богиня Афродита, рождённая из пены морской.

— Они эллины! — поправил Ксаверия Савва. — До 395 года Византия и Римская империя — единая страна. А вот язычество у них — настоящая поэзия. Аполлон — он же с арфой. В его колесницу впряжены Лебеди. Пегас — лошадь, но с крыльями. Эти крылья уносят поэтов на Парнас. А великий герой Геркулес? Богиня

охоты Артемиды — она же Олень. Бог моря — Посейдон.

— Вы оба правы! — профессор радовалась такому спору. — Народ Византии говорил на греческом языке, великий язык древних греков стал языком государственным. Рим был городом христиан, но у них — папа, они писали на латинском языке, латиницей. Константинополь — город Православия. Однако несколько веков здесь в афинской школе хранили античную науку. Школу закрыл Юстиниан в 529 году. Это был второй год его царствования. Всех учёных язычников он выслал за пределы Византии. А что касается простоты Юстина, она была естественной для его жизни. Василевс Анастасий вдруг начал гонения на христиан, а Юстин, веруя во Христа, не смолчал, смирения не выказал. Коса нашла на камень. Юстин с Юстинианом были брошены в тюрьму. Анастасий собирался их казнить, предав жестоким истязаниям, но неожиданно для всех помиловал. Вскоре Юстин спас Анастасия от смерти, а Константинополь — от разорения. Силами одной только дворцовой гвардии он разбил войско Виталиана, осадившего стольный град. В свою очередь, Анастасий, словно подготавливая Юстиниана к доле василевса, отправил его почётным заложником к королю остготов Теодориху. Королевство остготов занимало Италию и Сицилию. Кстати, Теодорих защищал Рим от гуннов Аттилы в Каталаунской битве и погиб. Женья прав, Каталаунское сражение — самое кровавое побоище на все времена.

— У нас веселей! — сказал Ксаверий. — Новое оружие ахнет — и Африки как не бывало.

— Россию с одного раза не возьмут! — зло сверкнул глазами Женька.

— Я просто шучу! — Ксаверий дотронулся до Женькиной руки, прощения попросил.

— Давайте лучше о Юстине говорить! — у Ани в глазах стояли слёзы.

— Довольно! — Женька даже крикнул.

— Довольно, — согласилась профессор. — Но завтра, когда мы будем стоять возле Айя-Софьи, вы должны знать: строил этот

храм василевс Юстиниан. На строительство было потрачено три годовых дохода Византии. В те времена это был самый великий собор в мире. И ещё несколько слов о простоте василевса Юстина. Анастасий был бездетным. Беспокоясь о судьбе царства, он решил погадать. Все три его племянника были приглашены ко дворцу. Спать их положили в просторной комнате с тремя постелями. Анастасий под одной из подушек спрятал венец василевса. Утром пришёл посмотреть, кому быть императором, а два брата легли в одну постель. Головы багрянородных не коснулись подушки с венцом. Анастасий сказал в сердцах: «Кто утром придёт ко мне первым, тот и будет».

Первым явился к василевсу начальник телохранителей Юстин. Однажды Юстин наступил неловко на край хламиды василевса. Хламида упала, но василевс не прогневался: сказал с улыбкой: «Что ты спешишь, Юстин? Она твоя».

Профессор Василиса говорила обычным голосом, а у Женьки тоже слёзы на глаза навёртывались. Очень хотелось хорошего конца этой истории.

И профессор сказала:

— Когда василевс Анастасий умер, Юстин, командующий дворцовой гвардией и видный сановник Келер предложили дворцовой знати выбрать василевса. Тотчас пошли кровавые разборки. Один трибун убил другого, передрались племянники Анастасия.

Юстин поднял гвардию и навёл порядок в Константинополе. И взоры армии к нему и обратились. Юстин от короны отказался решительно. В отказе своём упорствовал, и один из командиров разбил Юстину губы, вразумлял.

Царствовал Юстин просто и, по возможности, праведно. Все тонкости политики легли на плечи Юстиниана.

Юстиниану исполнилось сорок пять лет, когда он унаследовал корону.

— Потому и великий! — сказал Ксаверий. — В сорок пять лет саблей ради глупенькой славы не машут.

На каком корабле солнце ходит по небу?

Звук трубы объял всё потаённое, бережённое в душе и сердце Женьки, Добрыни, даже Верочки. Звук был до того глубокий, будто долетел до дивного корабля под парусами из самой Трои царя Приама. Все пробудились на «Воробушке», да вставать не смели. Труба звала вспомнить равных Зевсу и Посейдону — Ахиллеса и Гектора. Представить, сколь это возможно, Елену, дочь Леды и Лебеда, пленительной красотой превосходившую Афродиту, узнать Одиссея, хитроумного, как Гермес, Аякса, Менелая, Париса, Патрокла, Диомеда и многих-многих, воспетых гекзаметром Гомера. Гекзаметры будто море, волна за волной накатывают на берега времени и слышат прибой объятий воды и тверди, протекающие по земле поколения народов.

Все, кого пробудила труба на «Воробушке», слушали Гомеровы гекзаметры с цезурой посередине, ибо сердце и лёгких хватало для взлёта и для удара по берегам, но нужен был глоток воздуха на долгий откат слияния с морем, с морем любви и жизни, и всего, что совершается между людьми великого, одолевающего забвение, и самого обычного — ибо оно-то и бессмертно на самом деле.

— *Гнев, богиня, воспой || Ахиллеса, Пелеева сына...*⁹

Женька явственно слышал голос Гомера. Этот голос нёс морю и материкам их «Воробушек».

— *Грозный, который ахейнам || Тысячи бедствий содеял.*

Многие души могучие || Славных героев низринул.

Матросы и паломники с Облака высыпали на палубу. Корабль, одолев за ночь Мраморное море, шёл Дарданеллами — бывшей рекою, притопленной водами двух морей. По правую руку — берега Европы, по левую — Трояда, Илион, и вот уже как пятьсот лет — турецкая

земля. Туркам даровал Господь Святую землю Византии и всё наследие минувших империй, царств. Негасимую славу Гомера тоже.

На европейском берегу — могучий для девятнадцатого века форт, оставленный за непригодность быть воином нынешними штабами, воинское кладбище, а на азиатском — базар, пристань приветливой набережной, гостиницы, рестораны...

— Чанак-Кале! — объявил капитан. — От моря километрах в семи здесь холм Гиссарлык, где немец Шлиман, русский бизнесмен, нашёл Трою «Илиады».

Раздались команды. Грянули аккорды первого концерта для фортепиано Чайковского. Белые паруса были свёрнуты, и среди ослепительного синего неба, набирая ветра, а кораблю — могущества, уже под звуки неведомой невидимой трубы явились на море паруса, сотканые из лучей солнца. Золото над морем — явление ликующее: берега со своими бестолковыми шумами умолкли, и только звук трубы да звон изумлённого ветра — в парусах.

— Мы на корабле Солнца! Солнце по небу ходит на таком же «Воробушке!» — Аня и сама светилась солнышком от своей придумки.

— Слава Трое Приама! Ура! — грянула команда «Воробушка».

— Ура! — закричали дети профессора Василысы.

Женька переглянулся с Ксаверием. Аня взмахнула рукой, как дирижёр.

— Ура! — полетело над морем приветствие Облака.

«Воробушек» вышел на просторную воду, развернулся и на всех парусах полетел по волнам, приветствуя своей радостью Трою, претерпевшую десятилетнюю осаду от великих вождей древних греческих царств.

Самым счастливым в тот миг на корабле был капитан: исполнил наказ Вероники приобщить жителей Облака к земле Трои, к слову Гомера.

Смотреть на остатки раскопов горестно. Другое дело — быть среди неба желанной земли, видеть жизнь на этой земле, плыть по той же воде, что и Одиссей.

Капитану казалось правильным его решение не тратить время на осмотр остатков стен неведомых городов и царств, сменявших друг друга за три тысячи лет.

В Мраморном море «Воробушек» снова поменял паруса. Золотые были салютом Гомеру. Рабочие паруса держали ветры в повиновении, все занимались делами, для себя пригодными.

Савва и Александра Семёновна решали не имеющую решения задачу. Профессор Василиса готовилась к лекциям. Арнольд Рихторович, Добрыня, капитан корабля затеяли шахматный турнир — каждый с каждым должен был сыграть четыре быстрых партии: по часу на каждый поединок. К солидному присоединилась Аня. Объявила:

— Я играла за команду девочек в нашем городе.

Её приняли с условием не плакать.

Женька с Ксаверием невольно стали её болельщиками. Но Добрыня остался без коня и ладьи на восемнадцатой минуте, двадцатая стала роковой для его королевы.

Капитан уже на четвёртой минуте сам открыл: мат он получит через три хода.

У Арнольда Рихторовича флажок стал подниматься, когда Аня записала двенадцатый ход. Арнольд Рихторович сидел красный, не сводя глаз с доски, и Добрыня не выдержал:

— На флажок гляньте!

И тут все услышали неуверенно виноватое:

— Ничья?

— Ничья, — согласилась щедрая Аня.

Дети Василисы — и малые, и Валерий с Валерианом — устроились в уютном гнёздышке, на корме, глядели на море. У Ксаверия, когда ребята перестали за Аню беспокоиться, появилось дело к Женьке.

— Научи ты меня стихи понимать. Я в корабельной библиотеке прихватил «Робинзона Крузо». Про эту книжку слышал, да не читал. И вот ещё сборник стихов: Аполлон Майков.

— «Робинзоном» зачитаешься! — сказала Ксаверию Верочка. — Мне «Робинзона» Груня читала.

Девочки потыркались по кораблю и — к Женьке. А где Женька, там и Ксаверий. Ксаве-

рий открыл сборник на середине.

— Уж это, небось, не скучно. «Рыбная ловля». Правда, стих здоровенный — на две страницы! — перелистнул. — На четыре! — ещё перелистнул: — На шесть с хвостиком.

— Почитай начало, — сказал Женька. — Вслух читай.

— Тут чего-то мелким шрифтом сначала.

— Читай, что написано.

— «Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и всем, понимающим дело!» — Ксаверий глянул на Женьку вопросительно. — Это чего? Это ведь не стихи.

— Посвящение. С. Т. Аксаков — это Сергей Тимофеевич, великий русский писатель. Сказку «Аленький цветочек» сочинил. Островский — великий драматург. Гончаров роман «Обломов» написал. На таком же корабле, как «Воробушек», Гончаров проплыл от Петербурга до Японии, а потом на лошадках из Владивостока плюхал до Петербурга. Остальных не знаю, но, видно, всё это — рыбаки.

Забрал у Ксаверия книгу. Стал сам читать:

— *Себя я помнить стал в деревне под Москвою,
Бывало, ввечеру поудить карасей.*

*Отец пойдёт на пруд, а двое нас, детей,
Сидим на берегу под ёлкою густою,
Добычу из ведра руками достаём,
И шёпотом о ней друг с другом речь ведём.*

Сказано просто, а мы их видим: отец рыбу ловит, дети радуются улову. Ничего особенного, но они и сами ловили карасиков. Кого из вас отец брал на рыбалку?

Груня так и подскочила:

— Меня! Карасей ловили в маленьком озере сеткой, а форель в нашей Чёрной речке — удочкой.

Женька побежал глазами по строкам.

— Дальше — про поэзию... А это здорово! — прочитал вслух:

*Смотрю — усач солдат сложил шинель
на травку.*

Сам до колен в воде и удит на булавку.
 «Что служба?» — крикнул я. —
 «Пришли побаловать
 Маленько», — говорит. —
 «Нет, клёв-то как, служивый?»
 «А клёв-то, да такой тут вышел
 стих счастливый,
 Что в час-от на уху успели натаскать».

Женька полистал страницы сборника.
 — Это были стихи. А теперь — поэзия:

— Золото, золото падает с неба!
 Дети кричат и бегут под дождём.
 — Полноте, дети, его мы сберём,
 Только сберём золотистым зерном
 В полных амбарах душистого хлеба.

И это — поэзия:

Мой сад с каждым днём увядает,
 Помят он, поломан и пуст,
 Хоть пышно ещё доцветает
 Настурций в нём огненный куст.

И снова труба, возвращая в Трою, позвала из неведомого мира, минувшего. Труба светлая, а глубиной — с Чёрное море. Должно быть, из тех глубин, где скрыты пирамиды, такие же громадные, как в бездне Бермудского треугольника.

И снова накатывает гекзаметров — размеренных, как прибой. Голос Гомера начал Третью песнь «Илиады».

Так лишь на битву построились
 оба народа с вождями,
 Трои сыны устремляются,
 сговором, с криком, как птицы...

Опять запела труба, такая близкая, но звук её был отлетающий в несовместное с явью далёко.

— Знаешь, кто трубит? — спросил Женьку Ксаверий.

— Неведом.

— Нет, Женька! В трубу трубят наш капитан.

Верочка отёрла глаза ладошками.
 — Что с тобой? — испугалась Груня.
 — Труба, как мама, вздыхает обо мне.
 — Вот и радуйся! У тебя — мама, у тебя — папа! — рассердился Ксаверий, а Женька взял Верочку за руку.
 — Чего тебе хочется? Только очень хорошо-го!
 — Зайчика, — сказала Верочка.
 — Зайчики в лесу.
 — Мне — этого! — показала на волны.
 — Солнечного? Запросто! Только давай сплетём сачок... Из лучей.
 Женька схитрил, но Верочка ему поверила и даже мастера нашла. Показала на Ксаверия.
 — Он сплетёт. Он всё умеет.

Трепет солнечного неба

Добрыня и Женька смотрели сверху на огород. Только вместо огорода под ними молчал вершинами лес Вероники.

Это Женька сказал Добрыне:

— Наш лес не шумит вершинами — молчит.
 — Ты уж прости неугомонную! — Добрыня улыбался виновато, но вины за ним не было.

Были редиска, репка, морковка, лучок-чесночок. А теперь всё пространство карьера занимал лес.

— У меня в этом лесу скоро будет своё дерево, — открыл секрет Женька.

— А может, тебе завести свою Лилипутию? Разбей участок возле дома. Выбери место среди лоха.

Женька согласился.

— Подумать надо. Мой лес будет другой. А кто будет нянчить всё это? — повёл рукою над карьером.

— Вероника очередному олигарху ландшафт изобретала. А теперь со своим капитаном ушла к далёким берегам. Ты прав. Это всё ложится на твои плечишки. С утра привезу несколько машин, землю нашёл богатейшую — целый хребет чернозёма вдоль лесной полосы.

— До уроков час времени. В карьере есть чего разровнять, — и поглядел на Добрыню глазами строгого хозяина. — Надо наш лес со стороны степи закрыть, может быть, садом, рощей пи-

нии. От нечаянных поглядыв. А ещё лучше тёрном, непролазным можжевельником.

— Решётку придётся ставить, — сказал Добрыня. — Лес, сад, можжевельные заросли — это всё нужно, но будет лес — будут звери. Кабан приведёт семейство под бонсаями землю покопать.

Поглядели друг на друга.

— Если такое вдруг подумалось, с решёткой надо поторопиться, — в глазах у Женьки испуг.

Добрыня тоже всполошился:

— Пойду к Захар Захарычу! — показал на бонсаи. — Это сокровище миллионное.

— Зачем нам миллионы! — Женька на сомкнутые ладони подбородок пристроил. — Это сказка.

— Сказка, — согласился Добрыня. — И я, сокол, полетел к мудрому орлу за советом и помощью.

Женька смотрел, как уезжает Добрыня, и поторопился не в карьер, а к его краю. Смотрел, смотрел на родную землю. И вдруг поцеловал воздух над вершиной глицинии. Воздух над лесом Вероники. Закрыв глаза. Тотчас — звоны. Ветер в парусах. Женька этот звон не представил себе: вспоминая, он услышал звоны. Где он теперь, «Воробушек»? Куда уже унёс Веронику и её капитана?

Посмотрел на себя — для школы надо одеться в новое. Себя самого надо приготовить к школе. Пошёл в свою комнату. Прикинул, что надобно. И начистил до сияния ботинки.

Первый урок после странствий — литература. Арнольд Рихторович зашёл в класс, опережая звонок, нашёл глазами Женьку.

— На солнце полный покой, но глянуть надо, — вручил ключи от солнечного телескопа. — Сбегай.

Женька сбегал, глянул.

Диск солнца без пятен, без точек. Пошёл было, но что-то торкнуло в груди. Вернулся, припал к окуляру.

— Господи!

Над диском солнца, по правой стороне диска, — еле приметное трепетание.

Помчаться — позвать? А если это пустяк?

Ладно бы на носу. Пустяк на солнце — это десятки тысяч километров огненной стихии.

Напряг зрение, внимание...

Трепетание не на солнце, а над солнцем. Это не всплеск! Какое-то явление солнечного неба?

Женька потянулся к журналу, но что он может записать? Кинулся что есть духу в школу. Дверь, однако, за собою запер. Арнольд Рихторович слово своё скажет мгновением позже, но все солнечные тайны держим под замком!

И вдруг подумал: «А что, если это нимб? Нимб над солнцем?»

Дверь класса настезь, и Ксаверий, увидев Женьку, изрёк тотчас:

— Какая школа нам досталась! Собирались Есенина почитать, а тут у солнца трепетание.

— Угадал! — закричал Женька. — Арнольд Рихторович, трепещет не солнце, а небо над солнцем.

Дóма

Пошли гряды за грядой.

— Наша земля, — сказал Ксаверий.

— Всё зелёное: дожди прошли, — и Женька хорошо вздохнул. — Приехали.

— Травой пахнет. Нашенской.

— Сурепкой! — засмеялся Женька.

— Точно! Всё-то ты у нас знаешь.

— Карьер! — закричали Валерий и Валериан.

— Глициния! — Груня даже встала.

Машина пошла по кругу, объезжая Облако.

— Что нам ещё приготовил Захар Захарович?

— Ксаверий стукнул Женьку в плечо.

— А ведь приготовил!

Встречали путешественников незнакомые люди. Шесть женщин в длинных платьях, платках, трое мужчин в рясах. Самый молодой из них с крестом на груди, с весёлой бородкой, с весёлыми глазами, назвал себя и других:

— Иерей Василий. Диакон отец Андрей. Псаломщик Роман, — повернулся к женщинам. — Наш хор. Регент Агния. Это Любовь, это Ольга, Фотинья, Александра, Таисия.

Регент молодостью была под стать батюшке Василию.

— Агния — матушка, — сказали хористки.

И Женька объяснил Ксаверию:

— Это значит Агния — жена отца Василия. Жёны батюшек — матушки.

— Поздравляем с паломничеством в святой город, — Агния и все хористки поклонились хозяевам Облака.

— Мы на корабле ездим. — Груня не знала, что это такое — «паломничество».

— На кораблях не плавают и не ездят. На кораблях ходят, — грозно осадили девочку Валерий и Валериан. После плавания по двум морям они себя считали моряками.

Добрыня поздоровался с церковными людьми приветливо, но не мог понять, почему священство и хор ожидали их приезда. Тут на гору, треща, выкатился мопед. Захар Захарович. Обнял Добрыню, поклонился профессору Василисе, сгрёб Женьку, Ксаверия, Аню, Груню, Верочку. За руку поздоровался с Валерием и Валерианом, с Саввой, с Валентином, с Ваней Васильевичем, с Петровым.

— На днях владыка освятил церковь. Мы с Тимофеем и Вероникой, как могли, обустроили храм. Сегодня отец Василий отслужит обедню для всех нас, прихожан нашей церкви во имя святителя Луки.

— Документов об этом, скорее всего, тайном храме найти невозможно, — сказал отец Василий. — Владыка благословил освятить храм во имя святителя Луки. Он один из верных Христу архиереев, который не снял рясу, даже получая Сталинскую премию. Великий хирург спас во время войны сотни тысяч раненых и сам, и научив других врачей своим трудом «Гнойная хирургия». Часок отдохните от дороги, и прощу всех на службу.

Женька вошёл в свою комнату, и комната радостно преобразилась. Так совпало: солнце хлынуло в окно. «Здесь теперь будут жить вместе со мной Чёрное море, Мраморное море, Айя-Софья, Юстиниан, Эрдал. Эвлия, Каппадокия Кесарийская, пещера Симеона Столпника. Небо Турции, небо моря», — решил Женька и рухнул, не раздеваясь, на постель.

Смотрел в потолок. И, как это с ним бывало, вздремнул. Приснились каменные столбы

со шляпами. Столбы как столбы, шли в море, будто это тридцать три богатыря уходили под гладь зеркального штиля.

— Они идут к нам на Облако? — спросил неведомо кого Женька и проснулся.

И была служба. Под землёй — внутри горы.

Вероника — кто же ещё! — устроила на стенах древнегреческие сосуды для освещения. При таком свете молились греки, а может быть, русские рабы или воины-наёмники, служившие ромеям. В таком безлюдном месте монастырь могли устроить отшельники. Монахи любили жить в потаённых пещерах.

Служба шла и шла, а стоять Женьке было нетрудно. Радовался удивительному пению регента Агнии. Осенило: а монастырь, если здесь был монастырь, мог быть и женским.

А что, если и такое возможно: снять со стен слои песнопений и голосов? Когда-нибудь и до такого додумаются.

Закончилась служба для всех жителей Облака празднично. Батюшка Василий зачитал грамоту архиепископа: Ксаверий за открытие древнейшего в епархии храма был награждён орденом Царевича Дмитрия. Орден будет вручён владыкой в главном соборе епархии, а от себя батюшка Василий надел на Ксаверия золотой крестик на золотой цепочке.

Хозяйка туманности

На солнце ничего небывалого не случилось. По утрам — работа, потом — уроки. Александра Семёновна много чего неведомого о туманностях наговорила.

За ужином Аня сказала Женьке:

— На таких уроках мне одиноко и очень страшно.

— Хорошего мало, — согласился Женька. — Туманность величиной с галактику, а в туманности одна космическая пыль, космический лёд. Холод на миллион световых лет!

— Там тоже есть люди! — голосок у девочки был непреклонный.

Женька зло глянул на болтунью. Тринадцать лет, а дурость младенческая!

— За слова надо отвечать, — глаза у Женьки совсем даже не смеялись. — Сегодня луны не будет — вот и покажи мне людей туманности.

Аня и не подумала отнекиваться. Носик вверх задрала перед мальчишкой:

— Где у вас всего темнее?

— В карьере.

— Если такой храбрый, позови меня в полночь.

В 12.00 Женька стукнул в дверь Аниной комнаты. Аня будто за дверью стояла. Упрямая.

Женька повёл девочку короткой тропой, за руку взял: если споткнётся — поддержать. «Если задумала посмеяться — шалишь», — подумал сердито, но захотелось помочь Ане, девочка она всё-таки хорошая.

— Может, в телескоп поглядим на твою туманность?

— Давай помолчим. Полночь.

И дрейфить начал Женька: чего это она такая храбрая?

Сошли вниз.

— Самое тёмное место у глицинии, — повёл Аню полоской земли между лесами Лилипутии. С одной стороны — хвойные, с другой — лиственные.

Возле глицинии Добрыня поставил деревянный диван с высокой спинкой. Сели. У Ани голова поднята к небу.

— Где Андромеда? Вижу. Теперь замри!

И сама замерла. Изображала из себя ведунью, что ли?

Женька нашёл звёзды Пегаса. Четыре звезды на лошадь не похожи, конечно, но многих звёзд созвездия не видно, а эти четыре — самые светящиеся.

— Смотри куда смотришь! — быстро сказала Аня.

Женька напряг зрение, и в рамке Пегаса углядел проступающее лицо.

— Да ведь это!.. — Женька схватил Аню за руку. — Ты видишь? Ты узнала?

— Похож!

— На кого?

Аня обиделась.

Тот в рамке Пегаса — видение зыбкое, да как в нём не узнать самого себя.

— Это гипноз?! — закричал Женька на Аню.

— Я не знаю. Посмотрела — и пожалуйста!

— Ты на Пегаса смотрела? На звёзды? Ты знаешь, кто это — Пегас?

Аня опять обиделась:

— Крылатый конь Пушкина.

— Поэзии.

— Но ты тоже стихи сочиняешь!

— В рифмы играю! Какие это стихи? Сегодня ночью тоже приснилось.

Лицо Ани стало серьёзным:

— Если помнишь, прочитай.

Женька потёр ладонью голову:

— Про луну... Первую строчку надо вспомнить.

Аня ждала, затаясь.

— Тени растений... — Женька глянул на девочку. — Не переживай, вспомнил.

Тени растений

По стенам расстелены.

Смотрит луна на растенья

Растерянно.

Тени ли, явь

Иль растущее кружево

Кружит и кружится —

Подано к ужину.

Травы всё ниже,

И тени растут.

В травах отрава,

Но нас ведь спасут...

— Дальше не помню. Может, это всё.

— Лунные стихи, — сказала Аня. — Я ничего сама не сочиняла, но я помню прочитанное... Ты будешь как Пушкин?

— Кому нужны все эти ля-ля-ля-ля?!

— Пушкин всем нужен! Всем русским.

— А нынешние? Ты хоть одного нынешнего поэта знаешь? И я не знаю. И Пушкина никто уже не знает. Мамы — твоя и моя — Пушкина знали. А нынешние русские не знают. Ничего не знают. Пальцами по телефону туда-сюда. Я из-за этих телефонов из города убежал. Все как сумасшедшие.

Аня засмеялась:

— А ведь и правда! На Облаке телефонов нет.

— И не будет! — грозно сказал Женька.

— Тогда стихи слушай!

*Мы так взрослеем,
Грезим и ревём,
Оставив дом, спешим за чудесами.
И одного-единственного ждём,
Прекрасного, придуманного нами.
Читаем гороскопы. Верим снам.
Но день придёт, и нам — какая жалость! —
Придётся посмотреть по сторонам,
И взять вслепую, что кому досталось.
И пусть любовь, как говорится, зла.
Поверим, что его-то и любили.
А в кухне, в уголке стоит метла
Для подстраховки, коль утратим крылья.*

— Кто автор? — спросил Женька.

— Я книгу взяла из контейнера для мусора. Стихи прочитала, чувствую: на пальцах липкое. Книгу отшвырнула и — руки мыть. В столвке, в туалете.

— А ты говоришь: Пушкин! — Женька глаза поднял к Пегасу, а небо — бездна. Будто опять на море. Только море не у ног, а над головой.

Что такое — быть великим?

На следующий день Арнольд Рихторович в класс не вошёл, а взошёл, как само солнце.

— Жень! В обсерватории вулканический выброс внимания к солнечным небесам. Весьма спорную, но совершенно блистательную высказала мысль наш директор. Ну, а паникёр Грицко Горобец верен себе: пророчествует о последних временах, о схлопе во Вселенной. Коли рождена взрывом — конец бытия в схлопе.

— Нам-то что делать? — спросил Ксаверий.

Арнольд Рихторович засмеялся:

— Жить! Радоваться непознаваемому замыслу Творца бытия, бесконечности Его Вселенной, существованию мгновения.

— Но мгновение — это раз — и всё! — Аня

руками развела. — Арнольд Рихторович, жизнь Солнечной системы тоже ведь умещается во мгновение?

— Ура! — закричал учитель. — Милая Аня! Ты высказала дивную мысль всеобщего непостоянства. Ничто в мире у нашего с вами Бога не ведает покоя... покоя — конца существования, покоя — младенчества. Всё течёт и не утекает.

Арнольд Рихторович подошёл к Ане. Та встала. Он подал ей руку. Аня протянула свою для пожатия. Но Арнольд Рихторович вдруг наклонился и поцеловал руку школьнице.

— Вы понимаете, почему Аня привела меня в такой восторг?

— Не очень, — сказал правду Ксаверий.

— Аня навела меня на мысль: Бог, скорее всего, не ведает всех тайн созданного Им необъятного мира. Открытия учёных — открытие и для Самого Создателя. Человек чуть ли не в каменном веке научился выплавлять из болотной руды железо, но что он такое — расплавленный металл, огненная, превращённая в жидкость порода? — мы ведь и поныне разгадываем.

Лицо у Арнольда Рихторовича пылало, как у мальчика.

— Ребята! Может, это ересь, но как было бы хорошо, если всё это именно так. Господь вместе с нами радуется открытиям в Его Вселенной, в Его Бытии. Что отсюда следует?

— И чего? — Ксаверий всем телом подался к учителю.

— Человек создан Творцом не только по Образу Бога, но и по Его Божественной Сути. Человек тоже творец. Все создания Господа по природе своей бесконечны и предела не знают — Вселенная, Бытие, Жизнь, даже человеческая жизнь. Но в созданиях Божьих главное их свойство — непознаваемость. Познание имеет место быть, но навряд ли человечество найдёт в атомном ядре изначальную частицу.

Арнольд Рихторович поднял руки:

— Всё! Всё! Всё! У нас урок литературы.

Урок литературы

Урок Арнольд Рихторович начал загадочно:
— Хочу доказать самому себе истину, явленную русской литературой, всему белому свету, но от русского народа скрываемую во все минувшие века.

Щёлкнул замками на портфеле и выставил посередине стола стопку книг. Все внушительные.

— Шесть штук! — объявил Ксаверий.

— Седьмая — вот она! — учитель положил себе под руку ещё одну — в коричневом переплёте.

— Средненькая, — сообщил классу Ксаверий.

Арнольд Рихторович наклонился к столу Валерия и Валериана.

— Поберегите шеи. Это... — и весело взмахнул рукой. — А давайте так: я называю книгу, вы — автора. Идём сверху: «Война и мир».

Ксаверий, как всегда, всех опередил:

— Лев Толстой.

— Следующая — «Мастер и Маргарита».

— Кино такое было, — сказал Петров.

— Михаил Булгаков, — назвал автора Савва.

— А дальше у нас пьесы: «На дне», «Егор Булычёв», «Дети солнца» и т.д.

Молчали. Арнольд Рихторович ждал терпеливо, молчали.

— Следующая книга — «Тихий Дон».

— Был сериал! — снова вспомнил Петров.

— «Тёмные аллеи», — учитель назвал очередной том.

— Пропускаем! — объявил Ксаверий.

— «Пётр Первый».

— Алексей Толстой, — быстро сказал Савва.

— Принимается! — порадовался Арнольд Рихторович. — «На дне» и другие пьесы принадлежат перу Максима Горького. «Тихий Дон» — советский классик Михаил Шолохов. «Тёмные аллеи» — сборник рассказов первого из русских писателей лауреата Нобелевской премии Ивана Бунина.

— Из шести — три. Хреновато, — подвёл итог Ксаверий.

— А у меня такой вопрос, почему я избрал

для нашего исследования именно этих авторов?

— Потому что великие? — сказала Груня.

— Самые-самые! — Ксаверий поднял большой палец.

— Если про самые-самые... У нас есть Достоевский, Лермонтов, Гончаров, Алексей Константинович Толстой, Чехов, Пришвин. И многие-многие... Лесков, Твардовский, Пастернак, Шмелёв, Маяковский...

— Есенин! — сказала Аня. — Чуковский.

— Беляев. «Человек-амфибия», — поднял руку, но сказал с места Петров.

— А чья книга в сторонке-то? — спросил Ксаверий.

— То-то и оно, что в сторонке! — лицо Арнольда Рихторовича стало уж очень серьёзным.

— А кто у нас ещё-то из этих?.. Как их?.. Классиков. — Ксаверий приподнялся, оглядел ребят.

— Я знаю эту книгу, — сказал Женька. — Мне Масадировна читала. Сам я тоже читал. Два раза. Сначала просто так, а потом, чтобы запомнить, где мне надо побывать.

— Побывал? — вскинул удивлённо брови Арнольд Рихторович.

— Байкал видел. Ходил по Пустозёрску.

Учитель руки воздел к потолку.

— Байкал! Пустозёрск! Каким же образом, Женька, милый?

— До Байкала — на поезде. Зайцем. А потом я был в детском доме в Нарьян-Маре. В Пустозёрск на лодках в поход ходили. У нас директор школы был... — Женька искал слово. — Ну, в общем, просветитель.

— А с какого бодуна занесло тебя в Нарьян-Мар? — изумился Ксаверий. — Это же за Полярным кругом.

— Пустозёрск за Полярным кругом, — поправил друга Женька. — В Гиперборею хотел. Мы с Масадировной о Гиперборее книжек десять прочитали. Корабль на Соловки отправлялся, а меня из-под шлюпки за ушко и на солнышко.

— Книга пока что не названа! — напомнил Арнольд Рихторович.

— «Житие протопопа Аввакума».

— Аввакума, говоришь? Ты бывал у старообрядцев?

Женька закивал головой.

— Но почему эту книгу я положил отдельно?

— Потому что не великая, — сказала Груня.

— Числом страниц «Житие» батюшки Аввакума невелико, — согласился учитель. — Однако давайте определимся, что такое слава русского писателя?

— По заграницам ездить! — хмыкнул Ксаверий.

— Когда стихи его наизусть знают, — сказала Груня.

— Великие писатели учат жить великой жизнью! — крикнул Женька.

— Сказанное справедливо, — согласился Арнольд Рихторович. — «Горе от ума» Грибоедова разобрали на высказывания. Пушкин — наше всё. «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить» — Тютчев, помним. «Кому на Руси жить хорошо» — Некрасов.

— «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спалённая пожаром, французам отдана?» — напомнил о себе Петров. — Поручик Лермонтов.

— Поэзия XIX века — душа русского народа, — подытожил Арнольд Рихторович.

— «Ты жива ль ещё, моя старушка? Жив и я, привет тебе, привет!» — пропел Ксаверий.

— Это уже двадцатое столетие. Двадцатое столетие обогатило русскую поэзию: Бунин, Блок, Гумилёв, Маяковский, Твардовский, Ахматова и Цветаева, но самым близким народу был и остался Сергей Есенин. Есенина принимала Европа, позвала к себе Америка. Ты слышишь, Ксаверий? А вот ушёл он из жизни тридцати лет от роду, 28 декабря 1925 года.

Подняла руку Аня:

— За чтение стихов Есенина сажали в тюрьму. Он был запрещённый.

— Есенина блатные пели, — Ксаверий засмеялся. — Все тюрьмы. Он в тюрьмах был знаменитым. А последний свой стих кровью написал.

Арнольд Рихторович поднял руки, успокаивая класс. Все чего-то говорили, не слушая друг друга.

— Итак, в первом пункте нашего исследования запишем: запреты и гонения есть одна из составляющих славы русского писателя. Долго запрещали печатать «Горе от ума» Грибоедова. Пушкин за свои стихи был отправлен в ссылки дважды. Лермонтов — на Кавказ, Чернышевский — в Туруханский край, поэты Павел Васильев, Гумилёв, Мандельштам, Корнилов, прозаик Бабель расстреляны. Максим Горький отравлен. Сидели в тюрьмах Ярослав Смеляков, Солженицын, Шаламов, Заболоцкий. Роман «Мастер и Маргарита» Булгаков написал в 1940 году, а издан роман, изрезанный цензурой, в 1966-м. От запретов читательский интерес во все времена, а в советское время тем более вздымался волнами, как при девятибалльных ураганах, «ГУЛАГ» Солженицына. Бежавшие за границу Бунин, Мережковский, Куприн, Георгий Иванов — любимые писатели, миллионные тиражи. Страна ждала вторую книгу о Тёркине, жадно читала появившиеся сборники стихов Ахматовой, Цветаевой, открывала заново Платонова, Ремизова, Шмелёва, Зайцева...

Поднялся Савва:

— Арнольд Рихторович, у вас на столе «Тихий Дон», «Война и мир», «Пётр Первый». Эти книги изданы сотни раз, миллионными тиражами. Их читали, очень любили. Ими гордились. Пьесы Горького со сцены никогда не сходили.

— Это второй пункт нашего исследования об истоках славы русских писателей: государственная поддержка нужных этому государству книг.

— А сегодня без Пушкина, без Василисы Прекрасной, без всех этих Ломоносовых живут запросто!

Это, конечно, сказал Ксаверий. Женька пыхнул гневом, как дракон — огнём:

— Ребята, которые не читают книг, — стое-росовые балбесы. А их папы и мамы, выкинувшие книги на помойку, отреклись от души и уже не понимают, что их загнали в стойла и откармливают, как бройлеров. Откормленные свиньи идут на убой, этих бездушных превратят в роботов.

— Души у них нет, — хмыкнул Ксаверий, — зато имеются Гавайи, Париж, Мальдивы.

— Это всё у тех, кто загоняет народ в стойла, — сказал Савва.

— Женечка! — вскричала Аня. — Делать-то что? Что мы можем?

— Знать Пушкина и любить «Троицу» Рублёва! — Женька сказал как отрезал.

Арнольд Рихторович стоял перед классом, положив руки на грудь, несчастный, растерянный.

— Вы — люди, хватившие нынешней русской жизни сполна. Но будем всё-таки говорить о литературе. То, что происходит дурное в нашей стране, потому и происходит, что нынешним хозяевам жизни удалось вытеснить из жизни народа нашу с вами литературу.

— Мы совсем забыли про Аввакума! — громко напомнил Женька.

— Сначала запишем третий пункт: его нам в самом начале урока назвала Груня. В стопе книг, читаемых, узнаваемых, не устаревающих, — книги, нужные нашему народу. Они — наше духовное богатство, наша совесть. Они — Россия. Написавшие эти книги люди — все великого сердца, дара и, главное, великой судьбы. Слово делает русский народ русским. Великое слово великих наших писателей должно участвовать в жизни каждого поколения, рождённого на русской земле.

Осмотрел класс серьёзно и как-то очень хорошо. Достал из стола колокольчик. Позвонил.

— Перерыв на пятнадцать минут.

Слово протопопа Аввакума

Женька и Ксаверий пошли к ручью. Умылись.

— Даёт наш солнцеved! — покрутил головой Ксаверий. — А он ведь понимает, какая жизнь за порогом Облака. Женька, нос выше! Уж мы-то с тобой не сгинем попусту, у нас с тобой зелёные камешки в заначке.

— У нас Облако! — Женькины глаза полыхнули гневом.

— Не злись. Я правду-матку режу!

— А я правду не режу. Я живу правдой. Смотрели на воду.

— Утекает, — сказал Ксаверий. Подал Женьке руку: — Дай пять! Я, падла, сбrehнул поганое.

Продолжился урок чтением из «Жития». Читал сам Арнольд Рихторович.

«Таже приехал к Москве. Три года ехал из Даур. И яко ангела Божия прияша мя государь и бояре — все мне рады. К Фёдору Ртищеву зашёл: он сам из палатки выскочил ко мне, благословился от меня, и учили говорить много-много. Три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел: «Здорово ли-де, протопоп, живёшь? Ещё видатца Бог велел!» И я сопровтив руку ево поцеловав, и пожал, а сам говорю: «Жив, Господь, и жив душа моя, царь-государь, а впредь, что изволит Бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошёл, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремле и в походы мимо моего двора ходя кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «благослови-де меня и помолись о мне!» И шапку в иную пору, мурманку, снимаячи с головы, уронил, едучи верхом. А из кареты высунется, бывало, ко мне. Также и все бояре после ево челом да челом: «протопоп, благослови и молися о нас!»».

Арнольд Рихторович заложил книгу пальцем:

— Так был встречен Аввакум Алексеем Михайловичем, Государем всея Руси, а на край земли сам гонял батюшку! Кое-что пояснить надо... Фёдор Михайлович Ртищев Большой был постельничим у царя, самым близким человеком. Государь поставил ведать его Приказом Большого Дворца. Ртищев основал в Москве первую школу. В этой школе киевские монахи преподавали славянский и греческий языки, риторику и даже философию. У себя дома Ртищев устраивал диспуты о вере, об обрядах. Фёдор Михайлович рассказал царю о великих мытарствах Аввакума в Сибири, в Забайкалье, о его бесстрашии, когда смирял воеводу Паш-

кова, ради евангельских заветов Иисуса Христа. Царь тотчас приказал поставить протопопу для целования царской руки. Поцеловавшие руку удостоивались царской милости: кого-то государь ставил воеводой, кому-то жаловал имения или дарил золотой перстень. Аввакум получил дом в монастыре, а тот монастырь был Кремлёвский. Однако продолжим знакомство с «Житием»? Кто у нас будет чтецом?

Руку подняла Аня. Когда приезжал священник служить в древнем подземном храме, Аня была у него чтецом и пела вместе с батюшкой, заменяя хор.

Арнольд Рихторович показал, откуда читать. У Ани голос звонкий, напевный:

— «Весной на плотях по Инголе-реке поплыли на низ. Четвёртое лето от Тобольска плаванью моему. Лес гнали хоромный и городской. Стало нечева есть. Люди учали с голоду мереть. И от работные водяные бродни. Река мелкая, плоты тяжёлые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска. Люди голодные: лишю станут мучить — а он и умрёт».

— Спасибо, Аня! Хорошо читаете! — похвалил ученицу учитель. — Такая вот жизнь выпала на долю Аввакума. Подобных путевых сочинений в нашей литературе пожалуй что нет. Литературоведы объявили родоначальниками литературного русского языка Карамзина и Жуковского. У Карамзина слово ясное, но его путевые записки о путешествии по Европе: отчёт о встречах с великими людьми, скажем, с Гёте. А «Светлана» Жуковского — это немецкая мистика. Жених-мертвец и прочие ужасы. Родина Жуковского — Белёв. Природа в этом краю сказочная, прямо-таки богатырская. Город на высокой гряде, далеко внизу — Ока. За Окой — великий простор русской низменности. И, однако ж, поэт не о родном крае пишет, а переводит английскую балладу. Аввакум — истинно русский человек. И слово его — русское. Он может написать смешное, а у читателя сердце надрывается.

Арнольд Рихторович снова взял «Житие»:

— «Также с Нерчи-реки паки назад возвратились к Русе. Пять недель по льду голому еха-

ли на нартах. Мне под робят и под рухлишко дали две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающиеся о лёд. Страна варварская, иноземцы немирные. Отстать от лошадей не смеем, и за лошадьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредёт-бредёт, да и повалится. — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной, томной же человек на нея набрел, тут же и повалился. Оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батько, меня задавил?» Я пришол. На меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самая смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино ещё побредём!»

Учитель стоял, смотрел в окно, и все в классе — каждый по-своему — в себя ушли.

— Будь жизнь у Аввакума, как у всех благополучных попов, «Жития» бы не было, — сказал Ксаверий.

Учитель усмехнулся:

— Сам говоришь — «благополучных». Благополучных, верно, было много. А вот попы, не согласные с патриархом и царём, изведали тюрьмы, ссылки, разорения, а особо непримиримые — сруб. Огненная казнь в царстве Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича была высшей мерой наказания.

Арнольд Рихторович прошёл между столами, прислонился к стене.

— Иные батюшки, не смея быть вторыми иудами и ожидая казни от православного царя, собирали приход, затворялись в церкви, а потом, помолясь, сжигали и себя, и церковь. Вот тогда и загуляло по Москве слово «лицемериться».

Патриарха Никона Алексей Михайлович отправил в Ферапонтов монастырь. Вся вина за гари самосожжений теперь ложилась на него. И государь разрешил супротивникам у себя дома молиться по-старому, двумя перстами, служить по старым книгам, читать «Верую», Никоном не исправленное — исконное. Но пришёл в церковь — изволь как царь велит: крест творить, сложив три перста.

Арнольд Рихторович быстро прошёл к столу. Стоял перед учениками бледный, но глаза смотрели смело:

— Так что наши с вами пращуры — послушные властям лицемеры.

— Выходит, настоящие русские люди — старообрядцы? — спросил Женька.

— Русские люди — это русские люди! — весело, но резко возразил учитель. — Это все мы, народ русский, терпением и мечом одолевали варягов, хазар. Русские не потеряли себя, не растворились в Золотой Орде, а вот ордынцы стали русскими. На маленьком коче, кораблик такой, наши пращуры освоили берег Ледовитого океана, Чукотку, Камчатку, Алеутские острова, сделали домашним Охотское море. Русский народ перетерпел Ивана Грозного, а отрывкой его царствования были смута, утрата государства, в Москву бояре поляков пустили, королевичу Владиславу присягнули. А народ с Кузьмой Мининым да с князем Пожарским изгнали панов и свору казачью, в цари себе избрали Михаила Романова, а в царствие Алексея Михайловича Россия обрела свои границы на Севере, на Юге, на Западе и Востоке. Царь принял под свою руку Малороссию, Белую Русь, завоевал Литву, Карелию, спас от истребления грузин. Но народу нашему приходилось выживать от невзгод внутри государства. Сдюжили пращуры, потеряв четверть населения, Петра Великого, потом Бирона, хозяина России при Анне Иоанновне, перемогли палки и самовластье Николая Первого, выстрадали революцию, истребление Церкви и священников, взрывы соборов, церквушек. Сохранили веру при Ленине и Троцком, при Сталине-Хрущёве, сохранили дивный русский язык, а ведь на долю наших пращуров, прадедов, дедов, отцов выпало превозмочь саму смерть в трёх великих войнах. Нашествие Наполеона, бежавшего из пылающей Москвы, Первую мировую войну, завершившуюся для России утратой государства, царя и крестьянства. Вторая мировая война имела три затаённых цели: уничтожить страну СССР, уничтожить большую часть русского народа, оставшихся рассеять по миру,

покончив навсегда с православием. Третья задача — делёж русской земли.

— Арнольд Рихторович! — поднял руку Женька. — Мы забыли про Аввакума.

— Не забыли, Женья. Мы уяснили себе, каким образом выжил Аввакум в Тобольске, Енисейске, в тюрьме Братска, в походе до реки Нерчи и в Даурах. А еще монастырскую тюрьму в Боровске. В Боровске в тюремной яме уморили голодом боярыню Федосью Морозову... Для Аввакума после Боровска были ещё и Мезень, Пустозёрск, сруб... — учитель сел наконец.

— «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное» создано по настоянию инока Епифания. Батюшка Аввакум страничку за страничкой сочинял в пустозёрской тюрьме. Это была яма, обложенная деревом, с печкой. Пустозёрск за Полярным кругом. Морозы там за пятьдесят градусов. По ночам сидельцы сползались в колодезь Аввакума, молились. Читали свои сочинения и письма. Стражники жалели сидельцев-батюшек, передавали их писания верным людям. Писания несли в Москву, в леса за Волгу, в Гуслицу на Клязьме, в Олонецкую и прочие земли, где бежавшие из городов и сёл старообрядцы свили потаённые свои гнёзда. Пустозёрские писания укрепляли веру у людей, супротивных царю и патриарху Никону. Старые обряды и старые книги были святы для тех, кто не смел предать заветы отцов своих. Тюремщики у сидельцев отобрали бумагу. А стрельцы, молившиеся сокровенно двумя перстами, стали носить горемычным батюшкам бересту.

— Это значит, их письма не написаны, а процарапаны? — спросила Аня.

Арнольд Рихторович пустил по классу листок «Пушкинского Дома», где хранятся рукописные книги, дошедшие из XVII века и даже из XII.

— Эту иллюстрацию к своему «Житию» протопop Аввакум именно выцарапал как раз на бересте. Сама рукопись, собранная в книгу, величиной с ладонь! — учитель невольно глянул на свою, и ученики принялись рассматривать ладони.

— А вы «Житие» видели? — спросила Груня.

— Удостоился. Я был в Пушкинском Доме, и сам Владимир Иванович Малышев, собравший эту бесценную библиотеку, дал мне поддержать и книгу Аввакума, и Евангелие, переписанное рукой царевны Софьи. Показали мне в тот счастливый день даже рукописи Пушкина.

Все смотрели на своего учителя с восторгом.

— Да-а-а! — сказал Женька.

— Для старообрядцев «Житие протопопа Аввакума» — слово пророка. Для всего народа русского и для русской литературы — сокровище, коего невозможно разбазарить, разменять, утратить. — Арнольд Рихторович снова взял книгу в руки, поддержал и бережно положил сверху стопы классиков.

Все замерли, будто произошло нечто знаменательное, очень большое.

— Аввакум — лучший? — тихо спросил Ксаверий.

— Лучших в литературе нет! — сказал учитель.

Женька согласился с Арнольдом Рихторовичем:

— У Бога каждое мгновение неповторимо, и каждый человек неповторимый, а уж писатели — подавно.

Груня подняла руку:

— Расскажите нам про Аввакума ещё и ещё!

— Я предлагаю всему классу подумать и дать ответ: «Кто он — протопоп Аввакум?»

— Протопоп! — Ксаверий это Ксаверий.

— Мученик, — сказала Аня. — Его сожгли.

Встала Груня. Тянула руку, но учитель этого не видел.

— Арнольд Рихторович, пусть Женя нам скажет. Он читал книгу, он был в том месте, где Аввакум... — и, не решаясь сказать страшное слово «сожгли», сказала, вспыхнув: — умер.

— Это ей за царя стыдно! — показал на Груню пальцем Ксаверий.

— Груня права, — согласился учитель. — Женя, ты единственный здесь, кто был в Пустозёрске, а вернее, на том месте, где стоял город Пустозёрск. Расскажи о своём походе с ребятами из Нарьян-Мара.

До Женьки что-то долго доходили слова Арнольда Рихторовича, всё сидел, сидел. Встал.

— Там тундра. Мы плыли на двух лодках по какому-то Шару. У них... у местных людей рукава реки Печоры называются Шарами. На одном берегу — маленькая деревня, на другом, где Пустозёрск, — пусто. Мы пристали к берегу, где был город. Там песок белый, как снег, а потом зелёная-презелёная трава. Я первым выскочил из лодки и — бегом вверх. Пошёл по траве, чтоб что-то увидеть, а ногу из травы не вытащишь, будто в грязи какой-то увяз. Но всё зелено, всё чисто... А это, оказывается, Аввакум так хотел. Когда его поставили в сруб, чтобы казнить огненной смертью, он сказал палачам: «Если вы нас сожжёте, через две недели умрёт ваш царь. А Пустозёрск станет местом, которое пусто, и место пусто порастёт непролазной травой».

— Как сказал, так и сделалось? — удивилась Груня. — А царь?

— Царь Фёдор Алексеевич, немного не дожив до дня своего рождения, умер, когда ему было двадцать лет, двадцать первый не исполнился.

— Да-а-а! — сказал Женькино любимое Ксаверий.

— Спасибо, Женя! — Арнольд Рихторович подошёл к столу, постоял, положил обе руки на «Житие». — Протопоп Аввакум — последний истинно русский писатель.

Молчали.

— Думаете, сказано чересчур? Последний! Аввакум жил в теремной России. Церкви с куполками, соборы шатровые, с луковками... Россия была страной деревянной, и видом праздничная, устремлённая кровлями и маковками к небу, к Богу. Одевалась Россия в цветное платье. Зимой, разумеется, на крестьянах тулупы, шубы, зипуны. Но шубы купцов, дворян и особенно боярства крыты были дорогими материями: камкой, парчой, обьярью. Крестьянки украшали свои платья, сарафаны, головные уборы и даже обувь жемчугом. Речным. В большинстве рек, протекавших по землям России, обильно родился в раковинах жемчуг.

А теперь подумайте, каким словом владел Аввакум, если исчез с лица земли Пустозёрск, а пусто место поросло непролазной травой! Царь

отказался подписывать указ о казни четверых сидельцев Пустозёрской тюрьмы. Но церковь настаивала. На Богоявление старообрядцы вымазали дёгтем гробницу царя Алексея Михайловича в Архангельском соборе, а с колокольни Ивана Великого на головы пришедших помолиться в кремлёвских соборах сыпались берестяные грамоты с поруганием царя Алексея и Никона.

Указ был подписан.

Аввакума и его союзников сожгли в срубках 14 апреля 1682 года. Царь Фёдор Алексеевич, осуществивший столько реформ, которые повторил Пётр, скончался 23 апреля того же года.

— А ведь это девятый день по смерти Аввакума! — Аня смотрела на ребят глазами, полными слёз.

— Ничего себе! — сказал Женька.

— А что ты всё-таки видел в Пустозёрске? — спросил его Ксаверий.

— Обелиск. Его поставил учёный Малышев. Обелиск из камней церкви. Церковь деревянная, но что-то там было каменное. Большевики приказали местным жителям церковь разобрать по брёвнышку. Брёвна перевезли на другой берег и построили скотный двор.

— Ты про Аввакума скажи! — потребовали Валерий и Валериан.

— А я скажу! — Женька даже брови сдвинул. — Всегда молчал, а вам скажу. Мы остановились переночевать в доме одного доброго дядьки. Ребята перемёт пошли ставить. Браконьерили. А я один пошёл к Аввакуму, на пустой берег Шара, где на другой стороне обелиск. Малышев поставил обелиск на месте огненной казни. Это было в сентябре, дни в сентябре у них там короткие, но Полярная ночь ещё не наступила. Так что был долгий вечер. Небо высокое, чуть в облачках. И вижу я через всё это небо удивительный зигзаг, будто роспись. Вот я и подумал: Аввакум мне знак подаёт. Видит меня, встречает... Вот и всё.

Тихо было в классе. И незаметнее всех стоял, прислонясь к шкафу с книгами, учитель.

— Спасибо, Женя! Время урока закончилось, — Арнольд Рихторович развёл руки. — Подведём итоги кратко. Первый пункт: запреты. Аввакум был запрещённым всегда. Прежде

всего, церковью. Он почитался за самого ярого родоначальника раскола.

Запрет со старообрядцев царь Николай II был вынужден снять во время революции 1905 года. Аввакума и его «Житие» ценили Тургенев, Лев Толстой, Достоевский, Горький, Алексей Толстой. Однако первое печатное издание «Жития» вышло к 1861 году, к году отмены крепостного права. Царь Александр II — воспитанник Жуковского. Второе издание состоялось через пятьдесят лет — в 1912 году. Третье — при советской власти — в 1927 году. Большим тиражом «Житие» и несколько других произведений протопопа изданы в 1960 году. А в 1979-м напечатали в Сибири и «Житие», и отрывки из книги «Бесед», «Толкований», «Обличений», а также статьи, челобитные, письма, послания.

Так что второй пункт, где мы говорим о поддержке государства, состоялся только при советской власти. Несколько произведений Аввакума нашёл Малышев. А вот третий пункт пока в зачаточном состоянии. Аввакума изучают в институтах, поминают в школе. Но его место в жизни России должно быть таким же, как имя Пушкина, Льва Толстого, Достоевского. Вот, пожалуй, и всё.

— Если знать Аввакума, сумеешь всё вытерпеть, когда жить не хочется, — сказал Ксаверий.

— Судьба — Божье дело! — откликнулась Аня.

Женька вспыхнул:

— Бог даёт нам выбор. Судьба у человека такая, сколько в нём человеческой силы, сколько веры.

Арнольд Рихторович поднял руки:

— Конец урока!

А Женька, выходя из класса первым, обернулся и сказал:

— Надо любить всю землю и всех людей!

Васильки во ржи

Женька скинул с ног туфли возле двери и рухнул на кровать в одежде без сил. Изнемог. От урока! Ничего себе учёба... И увидел

золотого паука на золотой паутине, а в паутине вместо мухи солнце. Солнце надо выручать!

Женька открыл глаза и — как новенький. Солнце в окно смотрит, сияет. Думать не хотелось.

— Руки надо занять!

В карьере работа умная, тут чего-нибудь попроще. Порхнул к ручейку — послушать, как вода камешки перебирает. Ищет редкий.

Сел, прислонясь спиной к лоху. Затаился, услышал дыхание.

По другую сторону лоха — Аня. В руках — игла, на коленях — скатерть для журнального столика. Часть скатерти — в пальцах.

— Посмотреть можно?

— Посмотри.

Перелез через ствол лоха. По краям скатерти с четырёх сторон хлебное поле, из этого зелёного выступают стебли. Поверху, на усатых колосьях, блики солнца, а по самому низу над каймой синие цветы.

— Пшеница?

— Рожь.

— Больно много васильков. Васильки — сорняк.

— Да ведь красиво! — улыбнулась Аня.

— Тебе на венок! — И вдруг в Женьке что-то всколыхнулось. — Научи меня. По настоящему!

— Садись рядом. Смотри. Потом сам попробуешь.

Уже на другой день Женька признался Ане:

— Я прямо спятил. Хочу вышивать, и ничего другого не надо.

— Набьёшь руку на васильках и свою картину вышишь. Я на реке Алатырь жила, в Мордовии. Есть город Алатырь, даже два. Бабушка рассказывала про Алатырь. Это большой камень, а может, скала или даже остров на море. Человеку, чистому сердцем, Алатырь открывает тайну, где его найти. Но приходится к нему надо, если задумал дело, без которого Добро не сможет одолеть Зла. Такое дело Иисус Христос благословляет.

— А какой он, камень Алатырь?

— Об этом тебе скажет тот, кто был допущен Алатырем до себя.

— Слушай! — Женька сделал страшные глаза. — А что, если наше Облако и есть Алатырь?

— Ты выдумщик. Лучше подумай, как достать разноцветных ниток. Ты вышишь Алатырь таким, каким он тебе откроется во сне. Каким ты себе его представишь, таким он будет на самом деле.

До Алатыря Женьке было далеко, а вот василёк одолел. Все свои нижние рубашки Женька расшил васильками — по груди, по рукавам.

Аня строго сказала:

— Пора тебе научиться вышивать крестиком. У Саввы через две недели день рождения. Вышьем ему рубашку.

Шитьё крестиком Женька одолел быстро. Спросил Аню:

— За рубашку берёмся?

— Чур, мои рукава.

— А мне грудь и ворот? Хорошо! Но за тобой вышивка по подолу рубашки.

Нитками снабдил вышивальщиков Захар Захарович.

Женька для рубашки Савве отдал час отдыха после обеда, у Ани жизнь свободнее: вышивала после уроков и после обеда до вечера.

Женька на груди вышил ярое солнце, тут и ушла наволочь серая бесконечная с неба. Снова — солнце, теплынь. Пошла в рост трава. Облако дышало хвоей леса Вероники.

Захар Захарыч привёз в своём внедорожнике пятерых лесников, и через десять минут пришла машина с прицепом, гружённая саженцами.

Всё Облако отправилось сажать лес: за питомником мамонтовых деревьев и секвойи высадили пинии, кедры, а по оврагу и за оврагом — грабы, буки, остролистые дубы.

У Женьки было много дел в лесу Вероники, его оставили делать свою работу. Женьке пришлось пересаживать приболевшие бонсаи. Подбадривая деревца, сочинял стихи, что в голову придёт:

Для тайн, сокровищ и чудес

Сажая сокровенный лес.

Я буду здешний житель,

Лесов и трав хранитель.

*Дубы и сосны — мой народ.
«Ку-ку!» — кукушки от невзгод,
Кузнечики. Цикады...
Чего ж ещё вам надо?*

С атласским кедром у Женьки вышла заминка. Не решился пересаживать на авось. Поднялся на Облако посмотреть справочник, подаренный ему Вероникой.

Сомнения разрешились быстро. Собрался снова в карьер, и тут в дверь его комнаты вежливо постучали.

Женька открыл: незнакомый человек в какой-то непривычной форме.

— Вам посылка. Извольте получить.

Женька отступил в комнату. У человека в руках большая сумка на молниях. Молнии чжикнули: человек достал из сумки большущую коробку, перевязанную розовой шёлковой лентой. Водрузил на стол.

— Конфиденциальность соблюдена. Наказано доставить вам лично, без лишних глаз. Распишитесь.

Ручка, листок. Женька расписался.

— Будьте счастливы! — человек застегнул молнии на сумке и затворил за собой дверь.

Посылка. Первая в жизни. Странная. Раздумывать не стал. Развязал бант на ленте. Поднял крышку. Лугом пахло. Русским. Платье? Неизвестный человек прислал Женьке платье. Кто? Откуда? Неужели на белом свете есть душа, которой открыта Женькина тайна?

Крышку — на коробку, перемотал коробку лентой. И — под кровать: самое секретное место в комнате.

Пирамидальная стена

Женька вставал в шесть утра с минутами. Крайний срок подъёма — 6:28. Это если сон досматривал.

Хождения по морям, по волнам распорядок не поломали. Ноги — на пол, глаза — на часы — 6:01. Умылся и — в карьер, к бонсаям Вероники.

Когда один на один с деревьями, с травами, — видишь невидимое. Женька уже давно дога-

дался: бонсаи могут обижаться. Вот проглядел ты ждавшего тебя, прошёл мимо — будешь наказан. На другой день поздороваешься, а дерево — как чурбан. Ты ему — и стихи, и слова ласковые, а оно — дерево и дерево.

Женька осматривал бонсаи у самой стены карьера. И будто глаза в глаза: тополёк.

— Здравствуй! — сказал Женька ожидавшему его деревцу, на землю лёг. — Я принёс тебе привет от моря Чёрного, от моря Мраморного. Из Кесарии. Из Трои.

У тополя затрепетали листья. Женька поднял голову: ни единого дуновения. Первый ответ от бонсаев. Подкормил деревце, дотронулся подушечками пальцев до листы.

Пошёл по междурядью: бонсаи все приветливы. Со здоровьем у них полный порядок. И вдруг углядел: к нему тянется — невидимо как, но прямо-таки зовёт к себе — бутылочное деревце из Аргентины. Сел, улыбнулся:

— Как светили вам звёзды сегодня ночью? У звёзд был праздник. Прилетали метеоры осветить наш удивительный лес.

Женька понимал: лукавить с бонсаями — потерять доверие. Метеоры ночью сыпались как дождь. Осень — время не только мороси, но и звёздных ливней.

Бутылочное деревце было ухожено, а ведь позвало. По родной земле заскучало? В Аргентине люди говорят на испанском или на португальском. Но русское слово тоже его утешит.

Женька поговорил ещё с тремя бонсаями. Рассказал о пещере Симеона Столпника, о каменных столпах в шапках, о зеркальном штиле на Чёрном море. Спыхватился:

— Простите меня, убегаю! Через пятнадцать минут надо быть на уроке... Нет, я всё-таки расскажу вам о Романе Сладкопевце. В соборе Святой Софии он был сначала пономарём, чтецом. Но слова он произносил невнятно, путался от страха перед величием собора, перед множеством народа. Его однажды отстранили от чтения во время службы. Роман ночи напролёт молился Господу и Богородице. Просил благословить в нём слово. И приснилась ему Мать Бога нашего, дала свиток и сказала: «Съешь». Роман свиток съел во сне, а наяву об-

рёл дар Великого Слова. Он сочинял песнопения во славу Матери Божией. Эти песнопения в церквах и сегодня поют, а его, неумелого пономаря, называют Роман Сладкопевец.

Женька пошёл межой к тропе наверх. Остановился, когда перед ним был весь лес.

— Если у вас есть дар любить, благословите во мне слово.

Уроки в тот день длились по тридцать минут.

Навестили дочерей Груню и Верочку папа и мама. Привезли бочонок солёных груздей, пятилитровую бутылку чёрного, как дёготь, благоуханного настоя из незрелых зелёных грецких орехов, да ещё два ведра кизила. Обедение!

Был подарок и для самого Облака: двадцать саженцев дубов. И каких дубов! Пирамидальных! Вырастут, вершинами в облака будут упираться.

Дубы решили посадить у подошвы горы — заслонить Облако от северного ветра.

— У меня! У меня! У меня! — танцевала Верочка. — Свой дубок! Свой дубок! Свой дубок!

— У каждого жителя Облака свой дуб! — сказала Верочке Аня. — Там, где я жила, растёт дуб-старожил. Дубу восемьсот лет. Этот дуб видел хан Золотой Орды Тохтамыш. И Мамай его видел. А потом — Суворов, Кутузов.

Сажали дубы всем Облаком, а дубы-то — младенцы, не выше сапожка первоклассника.

Центр отдали саженцам Добрыни и старожил — Женьки, Ксаверия, Захара Захаровича, Вероники. Свой дуб Захар Захарыч сам в землю опускал, а за Веронику — Женька. Груня и Верочка посадили дубы со стороны Вероники. А со стороны дуба Захара Захаровича — профессор Василиса, её муж и пятеро их детей. За дубом Верочки строй продолжили саженцы Ани, Льва Петрова, Васи Ивановича Иванова. Два дуба посадили учителя Арнольд Рихторович и Александра Семёновна, и последний — вдвоём папа и мама Груни и Верочки: Тимур Нефёдович и Алёна Васильевна.

— Лесная гвардия! — сказал егерь и хранитель заповедных сосен, когда все отошли поглядеть со стороны на посадку.

И тут Тимур Нефёдович представил жите-

лям Облака ещё одно чудо: он привёз ящик с саженцами мамонтова дерева и ящик гигантской секвойи.

Сразу за лесом бонсаев решили посадить кустарник: кизил и терновник. Для этих посадок сделали отступ, а дальше посадили деревья-великаны.

— Теперь нашему Облаку цены нет! — сказала Аня.

— Секвойи будут расти две тыщи лет! — ухмыльнулся Ксаверий.

— Мы тоже увидим, как они растут, — стояла на своём Аня. — У нас теперь и Лилипутия своя, и Страна Великанов тоже.

— Да ещё Облако, — сказала Груня, — да церковь под землёй, а сверху — наше солнце, наши туманности...

— Про «Воробушка» забыли! — радостно сказал Савва.

День одиночества

Читали. Учились. Работали. На солнце смотрели, когда ветры сгоняли с неба серую наволочь. В ясные ночи искали звёзды, среди которых таились туманности.

Рубашку для Саввы расшивять заканчивала Аня. Женька взялся за Алатырь. Аня подбадривала вышивальщика:

— У тебя обязательно всё получится. Ты хоть и мальчик, а иголка любит твои пальчики.

Алатырь был у Женьки удивительного серого цвета. Серое небо тоску наводит, а Женькин избранник — влекущий. По серому Женька пустил белые прожилки. Алатырь словно бы сиял изнутри. Тронул Женька и подножие камня: бархатный тёмный, а всё же сияющий мох обволакивал камень. Глядя на Женькин Алатырь, было понятно: камень растёт, завтра его ослепительная вершина на вершок-другой станет ближе к небу.

В день рождения Саввы пришёл вызов из Петербурга. Савву приглашали принять участие в конкурсе — мировом! — школьников-математиков. К столь важному конкурсу проводилась подготовка. Приглашавшие требовали прибыть в университет уже завтра.

Вместо праздничного обеда занялись скоропалительными сборами. Главное — заказали билет. Для такого государственной важности дела место в самолёте нашли.

Всё Облако поехало провожать Савву в аэропорт.

Женьку оставили на Облаке. Провожавшие Савву собирались задержаться в городе на три дня. Осмотреть картинную галерею. Здесь много Волошина, Богаевского, Самокиша. Съездить к Грину и к Айвазовскому, по дороге побывать возле Белой скалы в Карасубазаре.

Женька пошёл в библиотеку.

— ...А вот и Богаевский.

В предисловии нашёл слова Одиссея о Киммерии, а сочинил эти слова Гомер: «Киммерии печальная область...» Восточная часть полуострова и есть Киммерия, здесь жили киммерийцы. Юго-западная — Таврия: страна тавров.

Богаевский Константин Фёдорович родился в городе Феодосия. Писал крымские пейзажи. У него ДнепроГЭС как былина. Вышки нефтяников Биби-Эйбата, даже есть зелёное радостное Подмоскovie, но полотна самые-самые — о древней земле. Картина «Тавроскифия» — земля влекущая, грозная. Горы — как море в шторм. И на море — волнение. Картины с огромными кружевными деревьями, небо изумляет облаками, а земля — загадка. Женька обрадовался придумке: русские люди за счастьем ходили за тридевять земель, и эта земля — на картинах Богаевского.

Открыл другой альбом посредине. На все две страницы — собор Василия Блаженного с цветными куполами. Красные флаги, всю картину люди занимают, а посредине — Ленин в автомобиле. Ленин стоит. Наверное, речь говорит или здоровается с людьми. На обложке альбома — спокойное красивое лицо девушки. В общем, портрет. Под портретом фамилия художника — Мызников.

Ещё один альбомчик взял — тонкий. Н. Чернышёв. Под именем девушка с поднятыми руками: ленту на голове завязывает. Открыл: тонконогие девочки. Перелистнул страницы и замер. Во всю страницу девушка

в сиреновом платье — руки раскинула, лицо золотистое. Сама босая, по зелёной травке идёт мимо стёжки. Внизу название картины — «Объять весь мир». Женька эту картину видел, и захотелось ему, как девочке на картине, объять весь мир. Но глаза увидели ещё один альбом. Имя знакомое — Корин. Женька знал: Корин создал мозаики для метро «Комсомольская». Открыл альбом: «Монахиня». Перелистнул: Александр Невский в латах, в шлеме, опирается на длинный меч. Обе руки князя на рукояти. Позади князя — знамя, на знамени — лик Христа. Грозный лик. Посмотрел, что дальше. А дальше на одной стороне артист с двумя орденами, на другой — маршал Жуков в парадном кителе. Три звезды героя. Ниже через всю грудь — три ордена Ленина, два Красного Знамени, потом — медали. Ниже — два ордена Победы. У Сталина тоже два. На правой стороне груди, на узком пространстве два ордена Суворова. Видно плохо: может, один — Суворова, другой — Кутузова. В третьем ряду огромные звёзды и кресты. Ордена союзников. Один крест на алой ленте висит ниже пояса. И, конечно, маршальская звезда с бриллиантами. На орденах Победы бриллианты окантовывают звёзды, и между лучами звёзд множество.

Женька вспомнил: обед надо приготовить.

Всё сделал, но есть не хотелось. Пошёл посидеть в карьере, возле бонсаев. Сел на брус ракушечника. Не мог вспомнить, зачем его притащил. Сидеть удобно. Посмотрел снизу вверх.

Во чреве их горы — святая церковь. На вершине — дом Добрыни и его, Женькин, дом.

— Итак, что имеем...

Закрыв глаза. Бонсаи — чудо из чудес. Чудо — солнечный телескоп: солнце позволяет на себя смотреть. Труба, извлекающая звуки из красок заката, — чудо несомненное. Туманности Александры Семёновны, профессор Василиса, литература Арнольда Рихторовича — всё чудо! А Захар Захарыч? Женька открыл глаза и смотрел в небо. Захар Захарыч послан самыми высшими силами.

В былой жизни тоже были чудеса. Масадировна хотела мальчика, но взяла в дом Женьку. Тогда

и явился ему мир прекрасного: Мироку-босацу, Каннон-босацу. Летящий огонь в иллюстрациях к «Дзигоку дзоси», картинки с иероглифами. И всё рухнуло... Был Женька — знаток босацу, стал Женька — побирушка. И быть бы Женьке вечным бомжом, да набрёл на котёл Добрыни. Котёл сварил Женькино счастье. Облако, слава Богу, далеко от города, от дорог. О чуде Облака редко кто знает.

Перед глазами встал «Воробушек». Зеркальный штиль. И лицо Вероники. Где она теперь? По волнам какого океана для неё пускает солнце своих зайчиков?

Женька смотрел на зелёную подошву карьеры. А ведь первую машину земли Добрыня привёз на пустое безжизненное, сожжённое солнцем место.

— Детство случилось после детства, — вслух сказал. — Случилось и теперь уходит...

Совсем скоро он скажет себе: «Здравствуй, Евгения!..»

Итак, Облако одарило его детством. Детство за ним бежало, как бегают за старшей сестрой младшая. И догнало! В карьере, но на Облаке. А теперь такое счастливое прощается с ним.

Женька передёрнул плечами, сбрасывая мурашки. Он забыл, что это такое — быть девочкой! Сразу — в девушки. В детдоме побывал в девочках три-четыре месяца, а тут — Масадировна... Страшно стало. Какие они, девушки? Что у них на уме? Заплакал. Как девочка. Жить в платье — жданное... А пришла пора — не по себе. Всё будет по-другому, всё будет не так. Наплакался от души.

Стоило утереть слёзы — услышал: кузнечики звенят. Каждая пядь земли звенела. Звоны россыпью, но чудилось, где-то их собирают в стога. Звоны из чистого золота. Стоят стога на неведомых лугах, золотые. Так почему же земля не светится? И догадался. Кузнечики куют счастье.

— Вы для меня постарайтесь! — сказал кузнечикам Женька. — Вы моё счастье молоточками выстучите, выкуйте!

Он шёл по тропе вверх, и звонов прибывало. Горизонта уже нет, ночь, а звоны вровень с вершиной Облака, и на вершине — звоны.

Женька подошёл к стене, оградившей провал, перегнулся, зачерпнул горсть звонов, умылся. Засмеялся. Уж очень хорошая сказка!

Вставать придётся рано. Пошёл домой. О еде не думалось. В комнате, не зажигая света, разделся. Но вместо того, чтобы одеяло откинуть, полез под кровать, достал коробку. Ленту разматал, крышку поднял, поставил у стола. Надо бы зажечь свет. Не зажгёт. До платья даже не дотронулся. Крышку — на коробку, коробку обвил лентой и — под кровать. Лёг. Звенели кузнечики. Звоны золотые, но всё это выкованное счастье. Счастье на лугах сгребут в стога. И будут стоять они, никем не тронутые.

Женька поднял руки, ловя просочившиеся в комнаты звоны. То, что поймалось, положил на грудь и заснул.

Виноградарь

Там, где солнцу взойти, указывал столп света. Не луч стрелой — столп.

Женька погладил руль мотопеда.

— Ну! Конёк-горбунок, поскачем?

Поскакали.

Мотопед — существо трескучее. Захар Захарыч поднялся со своей любимой скамейки под окнами. Показался непривычным: в костюме! Костюм стального цвета, Захар Захарович в нём как в броне. На ногах — редкостного хрома сапоги, невесомые. На руках — Господи помилуй! — белоснежные перчатки.

Женька выключил мотор.

— Здравсьте, Захар Захарыч! — улыбнулся шляпе.

Шляпа — соломенная, всегдашняя. И тотчас разглядел значок над лентой: на красном поле — золотой зверь на задних лапах. Крылатый.

— Наслышан о жизни Облака, — сказал приветливо Захар Захарыч. — И о тебе наслышан, Жень! — будто чужой человек говорил, впрочем, слова добрые, улыбка добрая, а поздоровался странно: — Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Так мог сказать человек, впервые видевший тебя.

«Неужто это тот самый Захар Захарович. Неведомый?» — осенило Женьку.

И тут Захар Захарович спросил по-свойски, как всегда:

— На виноградник?

Женька шёл следом за празднично одетым человеком. Сердце билось громко: на виноградник его ведёт Великий Виноградарь? Виноградарь ведь тоже Захар Захарович. Сколько чудесного уже сказано Женьке про этого Захара Захаровича. Должно быть, они братья-близнецы? Но почему оба Захары? Где настоящий Захар Захарыч? Свой. Розыгрыш? Чего ради?

Шли через сад, по тропинке вдоль огорода. Дальше стеной — кукуруза.

Новый Захар Захарович руки радостно к небу поднял:

— Ночью дождь лил без устали, и без устали росла кукуруза. На полметра вымахала. Такая красавица!

Еле приметной тропой пошли через кукурузу. Кое-где пришлось проламываться.

— Сокровище! — сказал Захар Захарович, когда вышли к свету.

— Где? — удивился Женька.

— Вот оно! Вот оно! — радовался Захар Захарович могучим стеблям.

А в кукурузе стоял хруст. Похрюкивали, не показываясь, свиньи. Зато из тёмных зарослей вышла корова. Воззрилась на хозяина. Показалась ещё одна, ещё, ещё...

— Ме-е-е! — коза — пушистая, будто снегом припорошило.

Из зарослей повысовывались мордочки целой козьей отары.

А на краю поля кормилась лошадь. Могучая. Тяжеловоз.

— Здесь вся наша живность! — весело сказал Захар Захарович, снимая перчатку.

Зачерпнул горсть земли. Поднёс Женьке:

— Пять лет тому назад на этом вот месте играли с ветром ковыли, да ещё колючки красовались цветами.

Пересыпал землю в Женькины сомкнувшиеся ладошки:

— Ты удержишь золото. За пять лет мы подня-

ли гумус почвы до уровня самых редких чернозёмов. Кукуруза — сама по себе удобрение. И, разумеется, помёт. А мы брали в аренду лошадей единственно ради помёта. В семнадцатом веке монахи в глубоких аршинных бороздах сажали на Соловках дыни и арбузы. Арбузы у них за короткое северное лето вызревали, а дыни у них были пудовые. У нас на этой земле будет сад.

Шли через бушующую зелень трав к оврагу. Овраг опоясывал село, оставленное людьми. Он был где-то пологий, широкий, а где-то сжимался до теснины. Над оврагом, по склонам и на дне — виноградник.

— Сокровище? — спросил Женька.

— Сокровище несказанное! — улыбнулся Захар Захарович.

Подошёл к лозе, росшей над оврагом. Достал из сумки для документов коробочку. Передал Женьке:

— Будешь моим ассистентом.

Из другого кармашка вынул обыкновенный пузырёк. Пузырёк — Женьке, а у самого в руках уже скальпель. Осматривая лозу внимательно, выбрал один из побегов, сказал одобрительно:

— Та-а-ак?

Рукой в перчатке взял побег, скальпелем сделал надрез. Протянул руку к Женьке. У Женьки — коробочка в левой руке, пузырёк — в правой. Протянул левую. Угадал. Захар Захарыч достал что-то крохотное, вставил в надрез и снова протянул руку. Женька подал пузырёк.

— Открой! — попросил Захар Захарович.

Залил прорез жидкостью.

«Жидкость вместо пластыря», — догадался Женька.

Шли от лозы к лозе. Захар Захарович работал как хирург. Сделал пять «операций». Достал из своей сумочки ещё одни перчатки.

— Натягивай! Твоя очередь сделать прививку.

Место на лозе выбрал сам. У Женьки рука не дрогнула. Пристроил инородную почку ловко и надёжно. Залил особым клеем аккуратно.

— Пальцы у тебя чуткие! — одобрил Захар Захарович. Похвалил ласково, улыбнулся. И всё-таки это был не Захар Захарыч, а Захар Захарович.

Спустились в овраг. Оказалось, овраг поделен на множество участков. Каждый участок — иная земля.

Захар Захарович показал на красный выступ:

— Этот клочок земли родит самый редкий виноград, — открыл тайну виноградарь. — Самый редкий в мире и на полуострове. Эту землю Бог сотворил, но на большинстве участков земля привозная. Овраг от края до края — полигон виноделия. Я составил график. Будешь переходить от участка к участку. Сортос множество, но всё это уляжется в памяти само собой.

В овраге за стеной винограда была скрыта пещерка с дверью. В пещере — постель. Кухонька. Стол для работы.

Захар Захарович сварил кофе. Напоил Женьку удивительным соком.

Женька по просьбе виноградаря рассказал о плавании на «Воробушке», о полёте в Кесарию.

Захару Захаровичу более всего понравился Женькин рассказ о Романе Сладкопевце.

— Подобные путешествия должны продолжаться, — сказал виноградарь. — Каждое — университет. Мы об этом позаботимся, — и вдруг спросил: — Мне говорили, ты стихи сочиняешь?

— Балуюсь.

— Почитай.

Женька растерялся.

— Я не судья, я — слушатель, причём блажелательный! — ободрил поэта Захар Захарович.

— Ну, ладно! — сказал Женька с весёлым отчаянием:

*Мои слова да неразгаданны,
Мои глаза — не в суете.
Вкусил я поздно запах ладана,
Но мой закон — закон детей.
Ваш взрослый мир — он всё глаголет.
Он всё творит, он всё горит!
И мимо — горя, мимо — боли
Невозмутимый древний кит.*

— Ещё, пожалуйста! — попросил виноградарь.

— Любопытство моё погубило меня.

Шепчут губы бескровные: «Мама».

Подминая леса, серым глазом маня,

Надвигается вымерший мамонт.

Проклинал я обычную тихую жизнь.

Я чудесного требовал слепо,

И оно объявилось:

Страшишь!

Петушишь!

Зверь идёт и моргает нелепо.

Я бежал без оглядки, а мамонт — за мной,

И упал я на вязкую тину.

И устало-устало, вздохнув за спиной,

Тихо жвачку жевала скотина.

И когда я ушёл, мамонт встал на дыбы,

Воздавая мне дикие почести.

Как грубы эти звери! Как страшно добры!

И какое у них одиночество!

Виноградарь смотрел на Женьку как на родного:

— А ведь хорошо! Через год-другой, думаю, надо твои стихи напечатать. Но мне дорога в тебе, мальчик Женя, тяга к лозе! Первый раз в жизни прививал — и получилось! Помни, твой высший университет — этот овраг. Здесь библиотека знаний о лозе. Верю, ты постигнешь премудрости нашего дела легко. У тебя радостные руки. И в сердце — радость.

Женьке хотелось спросить: «Захар Захарыч, это ты или твой брат-близнец? Захар Захарыч, почему ты затеял эту игру?»

Не спросил. Виноградарь после трудов в овраге отвёз Женьку и его мопед на гору. Послушал музыку заката и уехал. Тайна осталась тайной.

Женька, глядя машине вслед, сначала улыбался, а потом грозно сдвинул брови: «Я не маленький! Что они так со мной? Или всё-таки он?..»

На другой день приехал Добрыня.

— У меня дела с Захар Захарычем. «Воробышек» взял курс к родным берегам.

Женька вопросов о Захар Захарычах задавать Добрыне не стал. Язык прищемил. Пусть тайна сама собой откроется. Придёт пора открыться!

Последнее

А время, когда пришла пора «Воробушку» прижаться бортом к родной земле, пришлось на начало мая.

На Облаке было принято решение: ради чрезвычайных обстоятельств встречать «Воробышек» и Веронику поедут Женька и Добрыня.

В ущелье, где ханский дворец, где мечети и церкви, в начале мая цветёт сирень. И по берегам ущелья — сирень. Заехали за цветами.

Принимала «Воробышек» скромная пристань на Фиоленте, у древнего монастыря.

Машины пришлось оставить наверху. К морю тропа крутая, ступеньки монахами вырублены.

Первым увидел «Воробушка» Добрыня в подзорную трубу:

— На всех парусах летит, на каждом парусе — по солнцу.

К трубе прильнул Женька:

— «Как жар горя...» Ради возвращения паруса золотые?

Добрыня улыбнулся:

— Это всё для тебя. А ты цветами отдарисься.

С Фиолента простор морской чуть ли не до Турции. Море синее-синее. И на море — сияние.

Женька нёс охапку сирени. На роскошные цветы экватора Вероника нагляделась вдосталь. Был «Воробышек» в Индии, Вероника ездила в Калькутту, где есть сад, а в саду — коллекция орхидей. Писала: везёт самые редкие для Облака.

Монахи предоставили для жителей Облака малую келейку. Женька очень хотел надеть праздничную одежду для встречи корабля и дорогих паломников.

Корабль пришвартовался. Матросы выдвинули трап, постелили золотую дорожку по трапу и метров сорок по берегу.

Впереди покидающих борт «Воробушка» стояла Вероника. Загар золотой, будто эфиопка.

Борт раздвинули, и Вероника пошла, глядя с недоумением на монахов в чёрных рясах, но монахи потеснились, и навстречу Веронике пошла девушка...

В платье, подобном цветущему лугу на русской равнине, и с зелёным камешком, таинственно сияющим на высокой девичьей груди. Головка гордая. Чёрные брови, как соболи. Волосы русые, короткие, но цвета удивительного. А вот туфельки — для багрянородных. Алые. На среднем каблуке. В руках — весна. Вероника терялась в догадках: кто это? Почти бежала навстречу, и девушка кинулась к золотой дорожке и по дорожке.

— Вероника! — крикнула Евгения. — Вся наша весна — тебе!

Вероника остановилась, ошеломлённая:

— Женька?

— Евгения, — назвал себя бывший Женька, передавая цветы.

— Евгения! — изумлённо повторила Вероника и увидела идущего к ней Добрыню.

— Как же это так? — спросила Вероника Добрыню.

Тот радостно рассмеялся:

— Мне открыли тайну на пять минут раньше, чем тебе.

— Вероника? — по лицу Евгении пробежала тень недоверия. — Разве это не ты прислала мне платье?

— Женечка, милая, да с великой бы охотой, но я не знала.

— Этот подарок от «Воробушка», — сказал капитан корабля, вставая рядом с Вероникой. — От капитана тайн на его судне быть не должно.

— А что же мне-то не сказал? — Вероника рассердилась, но глаза у неё смеялись. Цветы передала мужу, себе оставила одну веточку. — Женечка, смотри, что ты мне подарила. На этой ветке половина цветков о пяти, шести, даже о семи лепестках!

И тут монахи грянули:

— Рабе Божией Евгении — многая лета! Многая лета! Многа-а-я ле-ета!

И была здравица рабе Божией Веронике, рабам Божиим Добрыне и капитану корабля Васьилию.

Поднялись по ступеням на плато. Вероника повернулась лицом к морю:

— Какой синий простор! Небо перетекло на землю и стало морем!

Евгения вздохнула и потянулась руками к кораблю:

— Люди изумились красоте моря и построили «Воробушек».

— А тот, кто вспомнил своё детство, возродил к жизни Облако. — Вероника обняла Добрыню.

— Детство прибежало на Облако к Добрыне, но выросло, — сказал капитан.

Все смотрели на Евгению, и Женька сказал:

— Здесь такое чудо! И «Воробушек» — чудо! Да ведь нас всех Облако ждёт.

Примечания (от ред. и авт.)

¹ Куриный гриб — трутовик.

² Залучить — зазвать, заманить.

³ Денеб — яркая звезда в созвездии Лебедя.

⁴ 988 год — год Крещения Руси.

⁵ Детенышей гепарда называют как котятами, так и щенками.

⁶ От слова «бочка».

⁷ Гурбагон — это корни, похожие на кошку. Гурба, гурбе (персидск. и родств. яз.) — кошка. Сгоревший саксаул замечательно пахнет. Это слово еще означает гурмана, в данном случае — ценителя запахов. (Прим. автора)

⁸ Из «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло.

⁹ Гомер, «Илиада».

Владислав Анатольевич БАХРЕВСКИЙ —
прозаик, поэт, детский писатель, драматург,
публицист, критик.

Родился в 1936 г. в Воронеже.

Окончил педагогический институт в Орехово-Зуеве.

Автор более ста книг для взрослых и детей.

Первая его книга — «Мальчик с Веселого» — была издана в 1960 г.

Наиболее известны его исторические романы: «Василий Шуйский», «Смута», «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы» и др.

Многие произведения писателя адресованы детям: «Дядюшка Шорох и шуришавы», повести «Агей», «Голубые луга», «Скиф и грек», «Кипрей-Полыхань», «Солдат-орешек», «Повелитель пампы» и т.д.

Лауреат премии Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества (1968),

Всероссийской премии «Капитанская дочка» (1997),

премии им. Александра Грина (2005),

литературной премии журнала «Север» (2013) и др.

Член Союза писателей России с 1967 г.

